

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

МЕЛЬНИЧУК СОФЬЯ АРКАДЬЕВНА

**ПОЛИТИКА КНР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО
СУВЕРЕНИТЕТА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ В 2012–2022гг.**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 5.6.7. — История международных отношений и внешней
политики

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Цветов Петр Юрьевич

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-исторические основы политики КНР в сфере обеспечения суверенитета в Южно-Китайском море	31
1.1 Понятия национального суверенитета, юрисдикции и пограничной сферы в работах отечественных и зарубежных ученых	31
1.2 Исторические предпосылки и основополагающие подходы руководства КНР к внешней политике и защите территориальной целостности.....	45
1.3. Пограничная система КНР в Южно-Китайском море: законодательная база и вертикаль управления	62
Глава 2. Невоенные методы обеспечения национального суверенитета КНР в Южно-Китайском море после 2012 г.	83
2.1 Позиция КНР по территориальным спорам в Южно-Китайском море	83
2.2 Информационная политика КНР по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море.....	100
2.3 Многостороннее и двустороннее дипломатическое взаимодействие КНР с участниками территориальных споров в Южно-Китайском море	116
Глава 3. Военные методы обеспечения суверенитета КНР в Южно-Китайском море.....	133
3.1 Деятельность КНР по возведению инфраструктуры на спорных островах в Южно-Китайском море	133
3.2 Функционал правоохранительных органов КНР на море в обеспечении суверенитета над Южно-Китайским морем.....	150
3.3 Роль Военно-морских сил НОАК в обеспечении суверенитета КНР в Южно-Китайском море	161
Заключение	175
Список источников и литературы	192
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	241

Введение

Активность Китая на международной арене в XXI в. является одним из ключевых элементов современного международного порядка. Стратегия мирного экономического расширения позволила Пекину занять лидирующую позицию не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее — АТР), но и утвердиться в статусе современной великой державы, стратегического партнера Российской Федерации и главного оппонента Соединенных Штатов. Китай сегодня обладает политическим, экономическим и оборонным ресурсами, которыми не располагал в середине XX в., когда формировалась современная система международных отношений, утверждались международно-правовые нормы. Изменения, которые претерпела Китайская Народная Республика за 70 лет с момента основания, а также произошедшие в структуре международных отношений в конце XX — начале XXI вв., диктуют необходимость учитывать новую динамику и вектора развития мироустройства.

С приходом к власти в 2012 г. так называемого пятого поколения лидеров КНР под руководством Си Цзиньпина¹ была объявлена новая внешнеполитическая стратегия, характеризующаяся как политика большого государства с китайской спецификой². Она подразумевает усиленное участие Китая в глобальных делах, а его основополагающим принципом становится приоритетность национальной безопасности³. Разработка новых внешнеполитических и оборонных стратегий обусловлена стремительным ростом и необходимостью поддержания

¹ «Поколение руководителей» — кит. *Чжунъян линдао цзити* — условно обозначает руководителей КНР, сменяющих друг друга на высших руководящих постах государства с 1949 г. Первое поколение связано с лидерством Мао Цзэдуна, второе — Дэн Сяопина, третье — Чжан Цзэминя, четвертое — Ху Цзиньтао, пятое — Си Цзиньпина.

² Денисов И. Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // *Международная жизнь*. — 2015. — № 5. — С. 40–54.

³ Goldstein A. China's grand strategy under Xi Jinping: Reassurance, reform, and resistance // *International Security*. — 2020. — № 45(1). — С.164–201.

внутренней стабильности, подталкивая политическое руководство КНР к поиску новых методов защиты и продвижения национальных интересов.

АТР, в частности Южно-Китайское море (далее — ЮКМ), обладают стратегическим значением в силу своего статуса ключевого морского транзитного узла. Пекин считает акваторию ЮКМ частью своей национальной территории, а одним из приоритетов китайского руководства в новых геополитических условиях в XXI в. является поддержание территориальной целостности. Немаловажным фактором формирования политики Пекина в ЮКМ является и стратегия США в Индо-Тихоокеанском (как называют АТР в США) регионе. Так называемая стратегическая амбивалентность Вашингтона в отношении статуса Тайваня, наличие союзнических отношений и оборонных альянсов с странами региона и размещение стратегических вооружений в соседних с Китаем странах, толкают Пекин на более проактивные действия в сфере обеспечения и защиты национальных интересов в стратегически важных для КНР пограничных морских акваториях.

Ситуация в ЮКМ оказывает влияние на интересы России, которая поддерживает отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китаем и одновременно выступает ключевым поставщиком оборонной продукции и активным участником в разработке морских энергетических ресурсов в Юго-Восточной Азии.

Официальная позиция российской стороны по территориальным спорам в ЮКМ была обозначена представителем МИД РФ М. В. Захаровой следующим образом: «Россия не является участницей территориальных споров в Южно-Китайском море и принципиально не становится на чью-либо сторону... Соответствующие консультации и переговоры должны вестись непосредственно вовлеченными сторонами в определенном ими

самими формате»⁴. Однако, несмотря на географическую удаленность и заявленный нейтралитет Москвы по отношению к территориальным спорам в регионе, нестабильность в западной части Тихого океана непосредственно затрагивает российские интересы.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена:

- *во-первых*, нарастающей конкуренцией крупнейших мировых держав в борьбе за влияние в АТР и одном из самых экономически важных его коридоров — ЮКМ;

- *во-вторых*, необходимостью осмысления новых подходов современного руководства КНР к внешней политике и в ее рамках — к пограничной и морской политике государства;

- *в-третьих*, определением специфики китайского подхода к интерпретации международно-правовых норм в условиях явного несоответствия позиции КНР по вопросу принадлежности акваторий и островов ЮКМ Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенции);

- *в-четвертых*, необходимостью исследования подходов и методов — как невоенных (информационная политика, дипломатия), так и военных, к которым прибегает руководство КНР для обеспечения своего фактического национального суверенитета в ЮКМ с целью возможной экстраполяции этих методов на другие потенциально спорные регионы.

Объектом исследования являются внешняя, пограничная и морская политика КНР.

Предметом исследования является политика КНР по обеспечению национального суверенитета в период с 2012 по 2022 гг.

⁴ Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос СМИ о позиции России по вопросам, касающимся Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1775272/> (дата обращения: 03.04.2022).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2012 по 2022 гг., приходящийся на два срока правления пятого поколения руководства КНР под руководством Си Цзиньпина, начиная с его избрания Генеральным секретарем КПК и Председателем КНР.

Географические рамки исследования охватывают Южно-Китайское море, находящиеся в его водах острова и рифы, прибрежные страны, являющиеся участницами территориальных споров в ЮКМ, а также страны-члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в качестве одного из партнеров КНР по многостороннему взаимодействию в регионе.

Источниковая база исследования делится на пять групп: к первой относится **законодательная база КНР** — документы, заявления, доклады государственных ведомств и руководства страны, формирующие основополагающие подходы КНР к внешней политике⁵.

Во вторую входят, **договоры, многосторонние и региональные соглашения в сфере морского права**, в том числе, Конвенция ООН по морскому праву⁶, решение Постоянной палаты Третейского суда (ППТС) в Гааге по иску Республики Филиппины против Китайской Народной

⁵ 中国的亚太安全合作政策 = Политика Китая по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/201701/t20170111_9869230.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

关于全球治理变革和建设的中国方案 = План Китая по преобразованию и построению глобального управления. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/202310/t20231010_11158751.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践 = Совместное строительство «Пояса и пути»: основная практика построения сообщества единой судьбы человечества. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/202309/t20230913_11142009.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

中国支持东盟中心地位的立场文件 = Позиционный документ Китая, поддерживающий центральную роль АСЕАН. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/202208/t20220804_10734026.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

⁶ Конвенция ООН по морскому праву. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

Республики⁷, Декларация о поведении сторон в ЮКМ 1992 г.⁸, а также **правовая база морской политики КНР⁹**.

В третью группу включены **официальные документы и заявления правительства и МИД, определяющие внешнюю политику и политику КНР в ЮКМ**, а также аргументирующие позицию Пекина¹⁰. Среди них стоит также выделить речи и труды председателя КНР Си Цзиньпина о госуправлении и дипломатии в новую эпоху¹¹.

К четвертой причисляются **двусторонние договоры и соглашения КНР со странами-участницами территориальных споров в ЮКМ и АСЕАН¹²**.

⁷ Арбитраж по Южно-Китайскому морю (Республика Филиппины против Китайской Народной Республики) (2016 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/7/> (дата обращения: 08.05.2021).

⁸ Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море (2002 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://asean.org/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2/> (дата обращения: 08.05.2021).

⁹ 全国人民代表大会常务委员会关于批准《联合国海洋法公约》的决定 = Решение ПК ВСНП «О ратификации Конвенции ООН по морскому праву» (1996 г.). [Электронный ресурс] URL: https://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?Id=3001129561&from=Qikan_Article_Detail (дата обращения: 08.05.2021).

中华人民共和国领海及毗连区法 = Закон КНР «О территориальном море и прилежащей зоне» (1992 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail.html?Mmm5mdlmgzq2nzhizje3otaxnjc4ymy1yzlmzdaxngy%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

中华人民共和国专属经济区和大陆架法 = Закон КНР «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе» (1998 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmgzq2nzhizje3otaxnjc4ymy1zwmfnjaymdm%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

中华人民共和国海警法 = Закон «О береговой охране» (2022 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgwode3nmy0zgyznaxnzcnczm2mdezmu0mwy%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁰ 中华人民共和国政府关于菲律宾共和国所提南海仲裁案管辖权问题的立场文件 (Документ с изложением позиции правительства Китайской Народной Республики по юрисдикции арбитражного дела в Южно-Китайском море, инициированного Республикой Филиппины). [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/201412/t20141207_9869197.shtml (дата обращения: 12.06.2021).

中华人民共和国外交部关于应菲律宾共和国请求建立的南海仲裁案仲裁庭所作裁决的声明 = Заявление Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по поводу решения Арбитражного суда по Южно-Китайскому морю, созданного по запросу Республики Филиппины (2016 г.). [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlwcwj/201607/t20160712_8521047.htm (дата обращения: 12.06.2021).

¹¹ 习近平谈治国理政. 第一卷/习近平著 = Си Цзиньпин об управлении государством. Том 1/Си

Цзиньпин. –Пекин: 外文出版社. – 2020.6. – С. 570.

¹² 中华人民共和国对外关系法 = Закон «О международных отношениях». [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 30.06.2023).

关于解决中华人民共和国和越南社会主义共和国边界领土问题的基本原则协议 = Соглашение об основных принципах урегулирования пограничных и территориальных вопросов между КНР и СРВ (1993

В пятую входят **внутренние документы КНР**, регулирующие управление спорными островами и акваториями ЮКМ, которые контролирует КНР¹³.

Степень научной разработанности проблемы. Территориальные споры в ЮКМ в значительной степени исследованы специалистами по Восточной и Юго-Восточной Азии, однако анализ китайской позиции в отечественной и западной литературе часто ограничивается констатацией ее несоответствия международным нормам. Недостаточно изучены аргументы, стратегии и методы Китая по утверждению суверенитета после 2012 г., официальная позиция китайских властей, аргументация, направленная на внутреннюю аудиторию, не подразумевающая, по сути, международного признания, а также работы китайских авторов, исследующих проблему в Китае. Наряду с объективными оценками несоответствия позиции КНР международным правовым документам в сфере морского права, в западной литературе сложился определенный

г.). [Электронный ресурс] URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/web/detail1.jsp?Objid=1531876993969> (дата обращения: 12.06.2021).

中华人民共和国和越南社会主义共和国关于两国在北部湾领海、专属经济区和大陆架的划界协定 = Соглашение между КНР и СРВ о разграничении территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа двух стран в Тонкинском заливе (2004 г.). [Электронный ресурс] URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/web/detail1.jsp?Objid=1658994778911> (дата обращения: 12.06.2021).

中华人民共和国政府和菲律宾共和国政府关于油气开发合作的谅解备忘录 = Правительство КНР и Правительство Республики Филиппины: Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере развития нефти и газа (2018 г.). [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201811/t20181127_8523620.htm (дата обращения: 12.06.2021).

第 19 次中国—东盟领导人会议发表《中国与东盟国家关于在南海适用〈海上意外相遇规则〉的联合声明》 = Совместное заявление Китая и стран АСЕАН о применении Кодекса неожиданных встреч на море в Южно-Китайском море (2016 г.). [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201609/t20160908_8523574.htm (дата обращения: 12.06.2021).

¹³ 中共中央 国务院印发《党和国家机构改革方案》 = План институциональной реформы и функциональной трансформации Государственного совета (2015 г.). [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5748649.htm (дата обращения: 12.06.2021).

海南省人民代表大会常务委员会关于三沙市开始制定地方性法规时间的决定 = Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей провинции Хайнань о времени разработки правил местного управления Саньша (2015 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Ndayogfiiy2m2mti3nzc5mzaxnjeyoda0yta1otq2nda%3D> (дата обращения: 12.06.2020).

三沙市人民代表大会常务委员会议事规则 = Регламент работы Постоянного комитета Собрания народных представителей города Саньша. [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgxode3yje0ytbhzdaxn2iyyzwwq0zgi1nzm1yzi%3D> (дата обращения: 12.06.2020).

нарратив, который не учитывает и не стремится исследовать позицию КНР и ее причинность, изучить и дать оценку историографии проблемы на китайском языке.

Практически не рассматривались в отечественной литературе и действия по размещению инфраструктуры на спорных островах, а также административные нововведения и применения военной реформы в КНР к сфере обеспечения национального суверенитета в ЮКМ. Все это впервые будет исследовано в данной работе.

В англоязычной научной литературе регулярно публикуются работы, анализирующие методы Пекина по утверждению суверенитета в ЮКМ. Упор при этом делается на практическую применимость данных исследований для принятия решений американской администрации с целью обеспечения свободы судоходства и национальных интересов США и коллективного Запада в западной части Тихого океана¹⁴.

Данная диссертация опирается на литературу, классифицированную на пять категорий: теоретические аспекты суверенитета и пограничной политики; развитие и текущее состояние внешней политики КНР; отношения КНР с АСЕАН и странами, участвующими в территориальных спорах, включая анализ противоречий и методов их разрешения; анализ китайской позиции по спорам в ЮКМ и ее соответствия международным нормам.

Эволюция понятий геополитики и суверенитета, их взаимосвязи, а также теоретических и прикладных аспектов, изучены и проанализированы российским юристом, Чрезвычайным и Полномочным послом Э. Л. Кузьминым¹⁵. Межцивилизационное взаимодействие, понятие суверенитета, влияния на него глобализации, кризис вестфальской системы

¹⁴ Hayton B. The South China Sea: the struggle for power in Asia / B. Hayton. — New Haven : Yale University Press, 2014. — 320 с.

¹⁵ Кузьмин Э. Л. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете / Э. Л. Кузьмин. — 2. — Москва : Международные отношения, 2018. — 373 с.

рассмотрены отечественными учеными А. С. Панариным¹⁶, Н. Б. Пастуховой¹⁷, А. А. Сергуниным¹⁸. Согласно А. С. Панарину, одной из важнейших форм национального контроля является пограничная политика и стратегия государства. Это обозначает позицию государства по отношению к соседним странам, трансграничной коммуникации и решению пограничных споров¹⁹.

Исчерпывающий обзор работ классиков геополитической мысли — Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера²⁰, К. Риттера²¹, Р. Челлена²², Х. Маккиндера²³, А. Мэхэна²⁴ приведен в исследованиях таких российских ученых как А. В. Кулаков²⁵, А. Ф. Филиппов²⁶, В. Л. Цымбурский²⁷. Отдельные аспекты понятий суверенитета рассмотрены также в статьях отечественных и зарубежных исследователей Г. И. Мусихина²⁸, Л. В. Терентьевой²⁹, С. В.

¹⁶ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. — Москва : Алгоритм, 2004. — 640 с.

¹⁷ Пастухова, Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации / Н. Б. Пастухова // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 130–141.

¹⁸ Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта / А. А. Сергунин // Политическая экспертиза. — 2010. — № 5. — С. 5–21.

¹⁹ А. С. Панарин. «Глобализм как единственно верное учение. Из выступления А. С. Панарина на международном Панарин факультете Иркутского технического университета в Дни русской духовности и культуры «Сияние России». [Электронный ресурс] URL: <http://filgrad.ru/texts/panarin/panarin51.htm> (дата обращения: 24.09.2022).

²⁰ Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства» / К. Хаусхофер, Ф. Ратцель. — Москва : Litres, 2022. — 250 с.

²¹ Риттер К. Землеведение Азии. География стран, входящих в состав России или пограничных с нею, т. К. Сибири, Китайской империи, Туркестана, Независимой Татарии и Персии. — 1877.

²² Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства (Предисловие М. В. Ильина) / Р. Челлен // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 2. — С. 115–126..

²³ Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. — 1995. — №. 4. — С. 162–169.

²⁴ Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783 / А. Т. Мэхэн. — Москва : Издательство АСТ, 2002. — 634 с.

²⁵ Кулаков А. В. Система геополитических факторов и ее влияние на пограничную политику Российской Федерации. / А. В. Кулаков. — Москва : Академия ФСБ России, 2000. — 146 с.

²⁶ Филиппов А. Ф. Суверенитет : сборник / сост. Н. В. Граджа // Москва : Европа. — 2006. — 304 с.

²⁷ Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Л. Цымбурский // Космополис. — 2006. — № 2. — С. 26–55.

²⁸ Мусихин Г. И. Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» (Сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) / Г. И. Мусихин // Общественные науки и современность. — 2009. — № 3. — С. 64–74.

²⁹ Терентьева Л. В. Соотношение понятий «юрисдикция» и «суверенитет» / Л. В. Терентьева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2016. — С. 126–133.

Черниченко³⁰, С. В. Воробьевой³¹, Д. Лейка³², Э. Лотерпахт³³, Д. Митрани³⁴, М. Фоулера³⁵, С. Краснера³⁶.

Основополагающие принципы современных международных отношений, незападные трактовки суверенитета, а также основные тенденции и трансформация системы международных отношений рассмотрены в монографиях, в том числе, коллективных, «Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке»³⁷, «Актуальные проблемы международных отношений»³⁸, «Современные международные отношения»³⁹. Рассматривают отдельные аспекты современной системы международных отношений в своих работах такие отечественные исследователи как Т. В. Каширина⁴⁰, А. В. Яковенко⁴¹, С. В. Воробьев⁴², О. Г. Карпович⁴³, Д. А. Дегтерев⁴⁴, А. Д. Воскресенский⁴⁵, А. Б.

³⁰ Черниченко С. В. Субъективные границы международного права, суверенитет и юрисдикция / С. В. Черниченко. // Российский ежегодник международного права. — 1992. — С. 19-35.

³¹ Воробьева С. В. Допустимость ограничения государственного суверенитета: пределы и основания / С. В. Воробьева. // Актуальные вопросы юридической науки и практики. — 2016. — № . — С. 34–39.

³² Lake D. The State and International Relations // The Oxford Handbook of International Relations/ ed. By Christian Reus-Smit and Duncan Snidal. //New York: Oxford University Press, 2008. — 49 с.

³³ Lauterpacht, E. Sovereignty – Myth or Reality / E. Lauterpacht. // International Affairs. — 1997. — № 73 (1). — С. 137–150.

³⁴ Mitrany D. A Working Peace System / D. Mitrany. — Chicago : Quadrangle Books, 1966. — 221 с.

³⁵ Fowler M. R. Law, Power, and the Sovereign State: The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty / M. R. Fowler, J. M. Bunck. — Pennsylvania : Penn State University Press, 1995. — 214 с.

³⁶ Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy / S. Krasner. — Princeton : Princeton University Press, 1999. — 264 с.

³⁷ Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: Монография / Под ред. Т.В.Кашириной и В.А.Аваткова. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. — 411 с.

³⁸ Бажанов Е. П. Актуальные проблемы международных отношений. //Москва: [б. И.], 2001. — 320 с.

³⁹ Торкунов А. В., Мальгин А. В. (ред.). Современные международные отношения. //Москва: Aspekt Press, 2019. — 672 с.

⁴⁰ Каширина Т. В. Факторы трансформации современной системы международных отношений / Т. В. Каширина // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. — 2020. — № 8 (367). — С. 22-29.

⁴¹ Яковенко А. В. Глобальные вызовы современности и международные отношения / А. В. Яковенко // Современные глобальные вызовы и национальные интересы. — 2016. — С. 264-265.

⁴² Воробьев С. В. Историческая память как фактор «мягкой силы» / С. В. Воробьев, Т. В. Каширина. // Вопросы истории. — 2018. — № 1. — С. 111-114.

⁴³ Карпович О. Г. Глобальные проблемы и международные отношения покупка / О. Г. Карпович. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 503 с.

⁴⁴ Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира / Д.А.Дегтерев. — М.: Русайнс, 2020. — 214 с.

⁴⁵ Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений / А. Д. Воскресенский. // Полис. Политические исследования. — 2013. — № 6. — С. 82-96.

Волынчук⁴⁶, и западные — Т. Гинсбург⁴⁷, Д. Фидлер⁴⁸, К. Джаясурия⁴⁹, С. Ким⁵⁰, А. Онг⁵¹. Следует также отметить использованные при написании диссертации работы М. А., Неймарка⁵², Е. Н. Пашенцева⁵³, П. Б. Паршина⁵⁴, изучающих «мягкую силу» и коммуникационный менеджмент в современных международных отношениях.

Теоретические аспекты исследования пограничной политики государства рассмотрены в ряде монографий и статей, посвященных относительно новой науке — погранологии, таких ученых, как А. Я. Анцупов⁵⁵, В. В. Шумов⁵⁶, В. В. Колотуша⁵⁷, О. Н. Тынянова⁵⁸.

Отечественная историография богата фундаментальными исследованиями истории внешней политики Китая и формирования китайской границы. Среди ученых, внесших большой вклад в развитие этих областей знания и понимание основополагающих принципов китайской

⁴⁶ Волынчук А. Б. Геополитическая экспертиза трансграничного региона Северо-Восточная Азия / А. Б. Волынчук. — Владивосток : Дальнаука, 2012. — 296 с.

⁴⁷ Ginsburg T. Eastphalia as the Perfection of Westphalia / T. Ginsburg // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. — 2010. — № 17 (1). — С. 27-45.

⁴⁸ Fidler D. P. Revolt against or from within the West? TWAIL, the developing world, and the future direction of international law / D. P. Fidler. // *Chinese journal of international law*. — 2003. — № 2 (1). — С. 29-76..

⁴⁹ Jayasuriya K. Reconstituting the global liberal order: legitimacy, regulation and security / K. Jayasuriya. — 1. — London : Routledge, 2006. — 170 с.

⁵⁰ Sung W. K. Eastphalia Revisited: The Potential Contribution of Eastphalia to Post-Westphalian Possibilities / W. K. Sung. // *Special Issue: History, Injustice, and International Relations in East Asia*. — 2018. — № 33 (3). — С. 434-454.

⁵¹ Ong A. The Chinese axis: zoning technologies and variegated sovereignty / A. Ong. // *Journal of East Asian Studies*. — 2004. — № 4 (1). — С. 69-96..

⁵² Неймарк М. А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 / М. А. Неймарк. // *Обозреватель-Observer*. . — 2016. — № 1 (312). — С. 31-42.

⁵³ Пашенцев Е. Н. Паблик рилейшнз: от бизнеса до политики / Е. Н. Пашенцев. — Москва : Финпресс, 2000. — 230 с.

⁵⁴ Паршин П. Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий / П. Б. Паршин. — Москва : МГИМО МИД РФ, 2020. — 285 с.

⁵⁵ Погранология: методология и методика научных исследований: монография / Анцупов А. Я. [и др.] ; Международная Акад. Информатизации, Отд-ние погранологии, Пограничная акад. ФСБ России. — Москва: Отд-ние погранологии МАИ : Пограничная акад. ФСБ России, 2006. — 104 с.

⁵⁶ Шумов В. В. Введение в методологию погранологии и погранометрики / В. В. Шумов. — Москва : URSS, 2013. — 195 с.

⁵⁷ Колотуша В. В. Силовое принуждение и его особенности в пограничной сфере / В. В. Колотуша. — Москва : Пограничная акад. ФСБ России, 2008. — 163 с.

⁵⁸ Организация пограничного пространства современного Российского государства как фактор устойчивости в геополитических процессах : автореферат дис. ... Кандидата политических наук : 23.00.02 / Тынянова О. Н.; [Место защиты: Пограничная акад. ФСБ РФ]. — Москва. — 2008.

Тынянова О. Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации / О. Н. Тынянова. // *Век глобализации*. — 2010. — № 1. — С. 89-105.

внешнеполитической мысли, — академик М. Л. Тихвинский⁵⁹, академик В. С. Мясников⁶⁰, Е. П. Бажанов⁶¹, Ю. М. Галенович⁶², В. Л. Ларин⁶³, Е. Н. Грачиков⁶⁴, В. Я. Портяков⁶⁵, Е. Д. Степанов⁶⁶, Л. В. Забровская⁶⁷, А. В. Виноградов⁶⁸, С. К. Песцов⁶⁹. Сделанные ими умозаключения имели большое значение для автора при написании диссертации.

Так, автор монографии «Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии» В. Я. Портяков указывает, что внешнеполитический курс, проводимый руководством КНР, за время существования страны перешел от изолированности от внешнего мира 1950-1960 гг. через политику реформ и открытости, осторожного выхода на международную арену в конце XX в. и до проактивного участия в международных процессах при пятом поколении руководителей⁷⁰.

Как отмечает Е. Д. Степанов, наблюдается преемственность позиции, аргументации, тактики ведения переговоров и подходов к реализации внешнеполитического курса в отношении пограничных территорий от

⁵⁹ Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России / С. Л. Тихвинский. — Москва : Наука, 2008. — 244 с.

⁶⁰ Мясников В. С. Китай - катящийся камень / В. С. Мясников. — Москва: Наука, 2018. — 470 с.

⁶¹ Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века / Е. П. Бажанов. — Москва : Известия, 2007. — 350 с.

⁶² Галенович Ю. М. Китайские метаморфозы : Китай на пороге XXI века / Ю. М. Галенович. — Москва : Муравей. — 2006. — 382 с.

⁶³ Ларин В. Л. Глобальный Китай: возрождение срединной империи или борьба за выживание? / В. Л. Ларин. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2020. — № 4 (93). — С. 47-67.

⁶⁴ Грачиков Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям: монография / Е. Н. Грачиков; Российский университет дружбы народов. Москва: Аспект Пресс. — 2021. — 301 с.

⁶⁵ Портяков В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии: монография / В. Я. Портяков. — Москва: Издательство «Институт Дальнего Востока Российской академии наук». — 2015. — 278 с.

⁶⁶ Степанов Е. Д. Политика начинается с границы : Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. / Е. Д. Степанов. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2007. — 244 с.

⁶⁷ Забровская Л.В. Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ (на примере китайско-корейских отношений в XVII–XX вв.): Монография / Л.В. Забровская. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 92 с.

⁶⁸ Виноградов А. О. Новый тип отношений и Новый шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая / А. О. Виноградов. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2015. — № 20. — С. 69-87..

⁶⁹ Песцов С. К. Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс - один путь» / С. К. Песцов. // Известия Иркутского государственного университета. — 2017. — № 22. — С. 155-164.

⁷⁰ Портяков В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии: монография / В. Я. Портяков. — Москва: Издательство «Институт Дальнего Востока Российской академии наук». — 2015. — 278 с.

правительства династии Цин к Китайской республике и КНР. Он также указывает, что территориальные претензии Китая к соседям во многом обусловлены тем, что исторически в регионе отсутствовало понятие границ.

Среди отечественных исследователей современной внешней политики КНР, в частности, политического курса, проводимого *пятым поколением руководителей* — А. В. Ломанов⁷¹, И. Е. Денисов⁷², Е. Н. Румянцев⁷³, С. Г. Лузянин⁷⁴, В. А. Корсун⁷⁵, И. Ю. Зуенко⁷⁶.

Автор ряда статей о тенденциях внутренней и внешней политики КНР при Си Цзиньпине, И. Е. Денисов указывает на отход современного китайского руководства от внешнеполитических формул Дэн Сяопина. Однако он предостерегает от принятия ассертивной политической риторики китайских лидеров за свидетельство свершившегося факта нового качества китайской дипломатии. В своих работах о политике КНР при Си Цзиньпине И. Е. Денисов также выделяет три «исторические травмы», определяющие идеологию нынешнего политического руководства КНР: травмы «столетия унижений», «культурной революции» и «краха КПСС».

Среди зарубежных исследователей внешней политики КНР следует выделить работы Дж. Фэрбэнка⁷⁷, Дж. Спенса⁷⁸, Д. Шамбо⁷⁹, Э. Экономи⁸⁰,

⁷¹ Ломанов А. В. Новые концепции китайской внешней политики / А. В. Ломанов. // Азия и Африка сегодня. — 2017. — № 12. — С. 8-18.

⁷² Денисов И. Е. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации / И. Е. Денисов, Д. Л. Адамова. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2017. — № 22. — С. 76-90.

⁷³ Румянцев Е. Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина / Е. Н. Румянцев. — Москва : Синосфера, 2016. — 589 с.

⁷⁴ Лузянин С. Г. Россия - Китай: формирование обновленного мира / С. Г. Лузянин. — Москва : Весь Мир, 2018. — 323 с.

⁷⁵ Корсун В. А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» / В. А. Корсун. // Вестник МГИМО Университета. — 2010. — № 1. — С. 221-236.

⁷⁶ Зуенко И. Ю. Китай как нормальная страна. Восемь тезисов о понимании Китая и российско-китайских отношений / И. Ю. Зуенко. // Россия в глобальной политике. — 2023. — № 4 (122). — С. 192-202..

⁷⁷ Fairbank J. K. The Chinese world order: Traditional China's foreign relations / J. K. Fairbank. — Boston : Harvard University Press, 1968. — 426 с.

⁷⁸ Spence J. D. The search for modern China / J. D. Spence. — New York : WW Norton & Company, 1990. — 912 с.

⁷⁹ Shambaugh D. China and the World / D. Shambaugh. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — 416 с.

⁸⁰ Economy E. The third revolution: Xi Jinping and the new Chinese state / E. Economy. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 360 с.

А. Барнетт⁸¹, К. Брауна⁸². История пограничных споров Китая с соседними государствами подробно рассмотрена в трудах Б. Эльман, С. Коткина и К. Шофилда⁸³.

При рассмотрении морской политики КНР, в частности, военно-морских сил Китая и их реформы, необходимо выделить работы российских исследователей В. Б. Кашина, В. Л. Ларина, С. К. Песцова. В. Б. Кашин акцентирует внимание на значительных изменениях в стратегии использования Китаем своих военно-морских сил, обращая внимание не только на расширение их географического присутствия в мировом океане, но и на наступательные задачи. В. Б. Кашин исследует трансформацию Китая в глобальную державу, которая активно использует военно-морской флот для защиты своих интересов. В контексте технологического развития и оборонной промышленности, он указывает на создание новых структур под руководством Си Цзиньпина, нацеленных на интеграцию военных и гражданских ведомств и технологий⁸⁴.

В своих работах В. Л. Ларин и С. К. Песцов указывают, что для Китая в начале XXI в. морская безопасность и контроль над морскими путями, особенно через Малаккский пролив, стали ключевыми аспектами национальной безопасности и энергетической стратегии. В ответ на новые вызовы китайское руководство разработало новую морскую стратегию, включающую концепцию расширенной обороны на открытом океане. Это включало возможность ведения военных операций на дальних расстояниях с целью обеспечения долгосрочной защиты национальных интересов⁸⁵.

⁸¹ Barnett A. D. The making of foreign policy in China: structure and process / A. D. Barnett. — Philadelphia : Routledge, 2019. — 174 с.

⁸² Brown K. CEO, China: the rise of Xi Jinping / K. Brown. — London : Bloomsbury Publishing, 2016. — 288 с.

⁸³ Elleman B. A. Beijing's power and China's borders : twenty neighbors in Asia / B. A. Elleman, S. Kotkin, C. Schofield. — New York : ME Sharpe, 2015. — 392 с.

⁸⁴ Кашин В. Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949-2014 гг. / В. Б. Кашин. // Вестник Московского университета. — 2023. — № 4. — С. 106-129.

⁸⁵ Ларин В. Л. Становление Китая как великой морской державы / В. Л. Ларин, С. К. Песцов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — № 3. — С. 27-46..

В зарубежной литературе военный аспект подхода КНР к обеспечению суверенитета КНР в ЮКМ рассмотрен в материалах авторов периодических изданий Военного колледжа ВМС США, в частности, Э. Эриксона⁸⁶, П. Даттона⁸⁷, Л. Голдстина⁸⁸. Китайская тактика освоения спорных островов в ЮКМ также описана в материалах исследователей американского Центра стратегических и международных исследований — Г. Полинга⁸⁹, Б. Глэйзер⁹⁰, М. Хиберт⁹¹. Глэйзер, как и многие другие американские аналитики, подчеркивает опасность перерастания потенциального конфликта в ЮКМ в противостояние крупных мировых держав. Она указывает на необходимость для США обеспечения свободного судоходства в море и координированного отпора китайским притязаниям в ЮКМ.

При написании данной диссертации автор также прибегал к работам других англоязычных исследователей территориальных споров ЮКМ, таких, как Б. Хэйтон⁹², У Сыцунь⁹³, Р. Турксани⁹⁴, Э. Синг⁹⁵, А. Корр⁹⁶, К.

⁸⁶ Erickson A.S. Dragon tracks: emerging Chinese access points in the Indian Ocean Region. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/dragon-tracks-emerging-chinese-access-points-in-the-indian-ocean-region/> (Дата обращения: 31.08.2023).

⁸⁷ Dutton P. Three disputes and three objectives: China and the South China Sea / P. Dutton. // Naval War College Review. — 2011. — № 64 (4). — С. 42-67..

⁸⁸ Goldstein L. Chinese naval strategy in the South China Sea: An abundance of noise and smoke, but little fire / L. Goldstein. // Contemporary Southeast Asia. — 2011. — № 33 (3). — С. 320-347.

⁸⁹ Poling, G. B. CNOOC Pulls Back the Curtain. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/cnooc-pulls-back-curtain> (дата обращения: 27.08.2023).

⁹⁰ Glaser B. S. Armed Clash in the South China Sea. — New York : Council on Foreign Relations, 2012. — 11 с.

⁹¹ Hiebert M. Under Beijing's Shadow: Southeast Asia's China Challenge. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/under-beijings-shadow-southeast-asias-china-challenge> (дата обращения: 27.08.2023).

⁹² Hayton B. The South China Sea: the struggle for power in Asia / B. Hayton. — New Haven : Yale University Press, 2014. — 320 с.

⁹³ Wu Shicun Solving Disputes for Regional Cooperation and Development in the South China Sea A Chinese perspective / Shicun Wu. — New Cambridge : Woodhead Publishing Limited, 2013. — 211 с.

⁹⁴ Turcsanyi Q. R. Chinese Assertiveness in the South China Sea Power Sources, Domestic Politics, and Reactive Foreign Policy / Turcsanyi, Q. Richard. — Cham : Springer, 2018. — 197 с.

⁹⁵ Sing E. China's Maritime Security Strategy The Evolution of a Growing Sea Power / E. Sing, C. Yue. — New York : Routledge, 2022. — 239 с.

⁹⁶ Corr A. Great Powers, Grand Strategies / A. Corr. — Annapolis : Naval Institute Press, 2018. — 556 с.

Цзоу⁹⁷, Ф. Чжан⁹⁸, Х. Хоксли⁹⁹, Д. Гротен¹⁰⁰, Л. Ли¹⁰¹, Дж. Бланшетт¹⁰², Т. Йосихара¹⁰³, Дж. Холмс¹⁰⁴.

Среди работ, посвященных общим вопросам ЮКМ, необходимо выделить коллективную монографию Г. Локшина, Е. Кобелева, В. Мазырина «Сообщество АСЕАН в современном мире»¹⁰⁵, в которой подробно рассмотрены позиции стран-участниц спора в ЮКМ и их отношения с КНР, а также перспективы разрешения противоречий. Отношения Китая и стран АСЕАН рассмотрены в коллективных монографиях «Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы»¹⁰⁶ и таких сборниках, как «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития». Среди отечественных ученых, ведущих исследовательскую деятельность проблем территориальных споров ЮКМ необходимо выделить Д. В. Мосякова¹⁰⁷, Г. М. Локшина¹⁰⁸, П. Ю. Цветова¹⁰⁹, Н. П.

⁹⁷ Zou Keyuan *Routledge Handbook of the South China Sea* / Keyuan Zou. — New York : Routledge, 2021. — 541 с.

⁹⁸ Zhang F. Chinese thinking on the South China Sea and the future of regional security / F. Zhang. // *Political Science Quarterly*. — 2017. — № 132 (3). — С. 435-466.

⁹⁹ Hawksley H. *Asian Waters: The Struggle Over the South China Sea & the Strategy of Chinese Expansion* / H. Hawksley. — New York : The Overlook Press, 2018. — 559 с.

¹⁰⁰ Groten D. *How Sentiment Matters in International Relations: China and the South China Sea Dispute* / D. Groten. — Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2019. — 377 с.

¹⁰¹ Li Lingqun *China's Policy towards the South China Sea* / Lingqun Li. — New York : Routledge, 2018. — 271 с.

¹⁰² Blanchette J. *Xi's Gamble: The Race to Consolidate Power and Stave off Disaster*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-06-22/xis-gamble> (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁰³ Yoshihara T. China's vision of its seascape: the first island chain and Chinese seapower / T. Yoshihara. // *Asian Politics & Policy*. — 2012. — № 4 (3). — С. 293-314.

¹⁰⁴ Yoshihara T. Can China defend a "core interest" in the South China Sea? / T. Yoshihara, J. R. Holmes. // *The Washington Quarterly*. — 2011. — № 34 (2). — С. 45-59.

¹⁰⁵ Локшин Г. М. Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. — Москва : ФОРУМ, 2019. — 292 с.

¹⁰⁶ Астафьева Е. М. И др. Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы. — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук, 2020.

¹⁰⁷ Мосяков Д. В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему / Д. В. Мосяков. — Москва : Институт востоковедения Российской академии наук, 2012. — 218 с.

¹⁰⁸ Локшин Г. М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия / Г. М. Локшин. — Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2013. — 239 с.

¹⁰⁹ Цветов П. Ю. Внешнеполитические приоритеты государств-членов АСЕАН в XXI веке // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. — 2017. — С. 198-220.

Цветов П. Ю. НАТО рвется в Южно-Китайское море / П. Ю. Цветов. // *Азия и Африка сегодня*. — 2021. — № 6. — С. 14-19.

Малетина¹¹⁰, Е. А. Канаева¹¹¹, Я. В. Лексютину¹¹², В. Н. Колотова¹¹³, Е. В. Колдунову¹¹⁴, Т. И. Понька¹¹⁵, Е. М. Астафьеву¹¹⁶, Е. И. Нархову¹¹⁷, М. А. Шпаковскую¹¹⁸.

Как отмечает в своих трудах Д. В. Мосяков, Китай проявляет гибкую внешнюю политику, балансируя между силовым давлением и переговорами для сохранения статус-кво, особенно в ЮКМ, стремясь к контролю без эскалации конфликта. Он также подчеркивает важность экономических и политических связей между КНР и странами ЮВА, а также сложные отношения с участием США, что подталкивает стороны споров к поиску компромиссов. Д. В. Мосяков также отмечает важность «мягкой силы» Китая в ЮВА. Эта долгосрочная стратегия направлена на укрепление культурных и политических связей, формирование симпатий к Китаю среди следующих поколений лидеров АСЕАН. Он указывает, что, в то время как некоторые видят в этом экспансию, другие рассматривают это как возможность ослабления конфронтации.

¹¹⁰ Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография / Н. П. Малетин. — Москва : МГИМО МИД РФ, 2007. — 310 с.

¹¹¹ Канаев Е. А. Политика КНР в отношении спорных островов Южно-Китайского моря (Парасельских и Спратли) в 1949 - 1999 гг. : специальность 07.00.03 «Всеобщая история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Канаев Евгений Александрович ; . — Москва, 2001. — 266 с.

¹¹² Лексютина Я. В. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США / Я. В. Лексютина. // Проблемы Дальнего Востока. — 2011. — № 5. — С. 30-41.

¹¹³ Колотов В. Н. Споры в ЮКМ и внутриполитическая ситуация во Вьетнаме / В. Н. Колотов. // Азия и Африка сегодня. — 2019. — № 7. — С. 2-9.

¹¹⁴ Колдунова Е. В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН / Е. В. Колдунова. // Международные процессы. — 2017. — № 15 (3). — С. 55-66

¹¹⁵ Понька Т. И. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация / Т. И. Понька, М. С. Рамич, У. Юйяо. // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2020. — № 20 (2). — С. 382-394.

¹¹⁶ Астафьева Е. М. Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития / Е. М. Астафьева. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — № 3 (52). — С. 321-342.

¹¹⁷ Нархова Е. И. Влияние территориальных споров в Южно-Китайском море на вьетнамо-китайские отношения : диссертация ... Кандидата политических наук : 23.00.04 / Нархова Екатерина Игоревна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»]. - Москва, 2020. - 193 с

¹¹⁸ Шпаковская М. А. Некоторые итоги председательства Вьетнама в АСЕАН в 2020 г / М. А. Шпаковская, Н. Б. Чи. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — № 3 (52). — С. 164-176.

Как указывает Е. А. Канаев, политика КНР в отношении островов ЮКМ, в частности, Спратли определяется главным образом стремлением Китая не обострять ситуацию настолько, чтобы это могло помешать международному сотрудничеству в рамках таких крупных экономических инициатив, как «Один пояс, один путь».

Что касается соответствия позиции сторон международно-правовым нормам, исчерпывающую оценку им дает российский специалист по международному морскому праву П. А. Гудев¹¹⁹. Он подчеркивает слабость китайской аргументации об особой исторической, экономической и оборонной значимости ЮКМ для Китая, связанную с тем, что согласно Конвенции ООН по морскому праву, ЮКМ, будучи полузамкнутым морем, требует сотрудничества между всеми прилегающими странами в вопросах управления, сохранения и развития его ресурсов. Эти страны также имеют долгую историю освоения и использования морских пространств и ресурсов ЮКМ, что делает их претензии и интересы сопоставимыми с китайскими.

П. А. Гудев также указывает, что на III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.) Пекин уже выступал за ограничение на проход военных кораблей через территориальные воды — на чем настаивает и сейчас. Однако это не было выгодно более влиятельным на тот момент участникам конференции, а основанный на консенсусе и «пакетном» подходе процесс принятия решений, позволял игнорировать мнение менее значимых стран¹²⁰.

В отдельную группу стоит вынести работы китайских авторов по каждой из вышеуказанных категорий. Рассмотрение литературы на китайском языке представляется критически важным при изучении

¹¹⁹ Гудев П. А. Политика Китая и международное морское право / П. А. Гудев. // Ежегодник СИПРИ. — 2017. — № Т. 2016. — С. 968-979.

¹²⁰ Там же.

политики КНР по обеспечению национального суверенитета в ЮКМ, так как в ней зачастую находит отражение и разъясняется официальный политический и идеологический курс руководства страны.

Влияние глобализации на государственный суверенитет в современных геополитических условиях, а также понятие территориального суверенитета государства в контексте безопасности и территориальной целостности Китая исследуют в своих работах Юй Кэпин, Хуан Цзяншу, Ван Инцзинь, Юй Минью, Ли Ян, Юй Сяофэн, Цзя Яцзюнь, Лю Цинцзянь, Ма Сяоцзюнь, Юй Чжэнлянь¹²¹. Ряд китайских авторов, таких как Чжан Сяньлэй, Чжан Гэнфу, Вэй Бинь и др. делают акцент на рассмотрении морской политики КНР¹²².

Анализу стратегических аспектов споров о суверенитете в ЮКМ и стратегии Китая по ответу на эти вызовы посвящены работы Ду Дэбиня, Фань Фэй, Ма Яхуа¹²³. Их статьи представляют собой аналитический обзор

¹²¹ 俞可平. 论全球化与国家主权 = Юй Кэпин. О глобализации и государственном суверенитете // 马克思主义与现实. — 2004. — Т. 1.

黄嘉树, 王英津. 主权构成: 对主权理论的再认识 = 徐安 徐安, 王英津. Составление суверенитета: к переосмыслению теории суверенитета // 太平洋学报. — 2002. — №. 4. — С. 3-15.

余敏友. 以新主权观迎接新世纪的国际法学 = Юй Минью. Встречаем новый век международного права с новым взглядом на суверенитет // 法学评论. — 2000. — №. 2. — С. 64-72.

李扬 et al. 中国主权资产负债表及其风险评估 (上) = 李 李 и др. Баланс активов и обязательств суверенитета Китая и его оценка рисков (часть 1) // 经济研究. — 2012. — Т. 6. — С. 4-19.

余萧枫, 贾亚君. 论国家主权的当代发展与理性选择 = Юй Сяофэн, Цзя Яцзюнь. О современном развитии и рациональном выборе государственного суверенитета // 浙江大学学报: 人文社会科学版. — 2001. — Т. 31. — №. 2. — С. 35-42.

刘青建. 国家主权理论探析 = Лю Цинцзянь. Анализ теории государственного суверенитета // 中国人民大学学报. — 2004. — №. 6. — С. 100-105.

马小军. 领土主权理论与中国主权领土安全 (上) = 马 马. Теория территориального суверенитета и безопасность суверенной территории Китая (часть 1) // 新远见. — 2010. — №. 1. — С. 20-29.

俞正梁. 发展中国家在主权问题上的当代选择 —— 中国对外战略问题思考之一 = Юй Чжэнлянь. Современный выбор развивающихся стран в вопросах суверенитета: размышления о внешней стратегии Китая // 复旦学报: 社会科学版. — 1998. — №. 1. — С. 33-35.

¹²² 张献蕾. 习近平海洋强国战略研究 = Чжан Сяньлэй. Исследование морской энергетической стратегии Си Цзиньпина. 河北大学, 2020.

张根福, 魏斌. 习近平海洋强国战略思想探析 = Чжан Гэнфу, Вэй Бинь. Анализ стратегической мысли Си Цзиньпина о морской мощи // 思想理论教育导刊. — 2018 — № 5. — С. 33-39.

¹²³ 杜德斌, 范斐, 马亚华. 南海主权争端的战略态势及中国的应对方略 = Ду Дэбинь, Фань Фэй, Ма Яхуа. Стратегическая обстановка споров о суверенитете в Южно-Китайском море и стратегия реагирования Китая // 世界地理研究. — 2012. — Т. 21. — № 2. — С. 1-17.

стратегий управления и разрешения территориальных споров в ЮКМ, принимаемых как Китаем, так и его региональными партнерами. Они выделяют ключевые стратегические подходы Китая, направленные на стабилизацию и обеспечение безопасности в регионе, подчеркивая значимость дипломатических инициатив для сотрудничества и урегулирования разногласий.

Работы китайских авторов, касающиеся правовых аспектов территориальных споров в ЮКМ, раскрывают позицию руководства страны, заявления которого редко бывают исчерпывающими и развернутыми, однако формируются на основе выводов ученых специально созданных узкоспециализированных государственных исследовательских центров. Среди них стоит выделить Цзин Юнмина, Ли Сигуана, Чжэн Ицзюня, Ли Ту, Чжу Фэна, Сы Юйчжо, Чжэн Хайлиня¹²⁴, а также автора

李庆功 et al. 中国南海安全的战略思考 = 李 Цингун и др. Стратегические размышления о безопасности Китая в Южно-Китайском море // 科学决策. — 2014. — № 11. — С. 1-51.

邵建平, 李晨阳. 东盟国家处理海域争端的方式及其对解决南海主权争端的启示 = 沙о Цзяньпин, Ли Чэньян. Методы стран АСЕАН в решении морских споров и их значение для разрешения споров о суверенитете в Южно-Китайском море // 当代亚太. — 2010. — Т. 4. — С. 143-156.

鞠海龙. 近代中国的南海维权与中国南海的历史性权利 = Юй Хайлун. Защита прав в Южно-Китайском море современным Китаем и исторические права Китая на Южно-Китайское море // 中州学刊. — 2010. — Т. 2.

李金明. 21 世纪南海主权研究的新动向 = 李 Цзиньмин. Новые тенденции в исследованиях суверенитета Южно-Китайского моря в 21 веке // 南洋问题研究. — 2001. — Т. 1.

¹²⁴ 金永明. 论南海问题法律争议与解决步. 云南大学学报 (法学版) = Цзинь Юнмин. О правовых спорах и решении проблемы Южно-Китайского моря (Юридическое издание). — 2012. — 25. — С. 183-187. [Электронный ресурс] URL: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121207224520380.pdf> (дата обращения: 23.12.2021).

李曦光. 南海争端解决的法律对策研究: дис. — 吉林大学 = Ли Сигуан. Исследование правовых мер по урегулированию споров в Южно-Китайском море: дис. — Цзилиньский университет. — 2018. [Электронный ресурс] URL:

<https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CDFD&dbname=CDFDLAST2018&filename=1018066307.nh&v=3dTV7o6MkaOkXoTEGb9kVdstDbjdtY1RwrukDTTrUYkcuZu8y88ct5Au2g6jVYb%25mmd2Fy>

郑怡君. 中国对南海权益的维护 (1949—1984) = Чжэн Ицзюнь. Защита прав и интересов китайского правительства в Южно-Китайском море (1949—1984). [Электронный ресурс] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201901&filename=1018196683.nh&v=2N6e2тF8iD532njdX9GACNNRi4XCWsz7wVfd5RgKbARo6kKoXyaUqCPrQQETH%25mmd2B%25mmd2B> (дата обращения: 23.12.2021).

李途 et al. 网络透明度建设: 南海共同行动图计划 = 李 Ту и др. Построение прозрачности сети: План совместных действий в Южно-Китайском море // 亚太安全与海洋研究. — 2016. — №. 3. — С. 71-83. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cqvip.com/qk/81810x/201701/671096850.html> (дата обращения: 23.12.2021).

朱锋. 菲律宾仲裁案 无助于南海主权争议的缓解 = Чжу Фэн. Филиппинский арбитраж не поможет смягчить споры о суверенитете в Южно-Китайском море // 今日中国. — 2014. — №. 5. — С. 14-15.

большого количества статей, посвященных правовой оценке решения Гаагского трибунала по иску Филиппин против КНР, Ло Хуансиня¹²⁵. Значительное количество китайских исторических исследований посвящены подтверждению китайской позиции об «историческом праве» на акваторию ЮКМ. Например, Ли Гоцян рассматривает претензии Китая на территории в ЮКМ через призму эволюции топонимов. Автор исследует, как изменение названий мест отражает долгосрочные и уходящие корнями в историю претензии Китая на этот стратегически важный регион¹²⁶.

Значимыми в контексте данного исследования являются также оценки китайскими учеными фактора США в территориальных спорах в ЮКМ. Чжу Фэн, в частности, полагает, что обвинения КНР в нарушении международных норм со стороны США являются лишь отвлекающим маневром, предлогом для вмешательства в двусторонние отношения Китая

[Электронный ресурс] URL: <https://www.cqvip.com/qk/82017x/201405/49546803.html> (дата обращения: 23.12.2021).

司玉琢, 李天生. 中国海法典编纂论纲 = Си Юйчжо, Ли Тяньшэн. Очерк составления Морского кодекса Китая // 中国海商法研究. — 2015. — Т. 26. — №. 3. — С. 3-15. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cqvip.com/qk/86901x/201503/666371638.html> (дата обращения: 23.12.2021).

郑海麟. 中国对南海诸岛拥有绝对主权及其历史性权利——驳《被扭曲的南海史——二十世纪前的南中国海》一书 = Чжэн Хайлинь. Китай обладает абсолютным суверенитетом и историческими правами над островами Южно-Китайского моря – Опровержение книги «Искаженная история Южно-Китайского моря – Южно-Китайское море до 20-го века» // 中国海洋大学学报 (社会科学版). — 2019. — Т. 5. — С. 31-38. [Электронный ресурс] URL: <http://www.xml-data.org/ZGHYDXXBSHKXB/html/5cb84ff3-327a-4c3a-925d-b570a730be2b.htm> (дата обращения: 23.12.2021).

¹²⁵ 罗欢欣. 《美国国际法杂志》南海专刊文章述评 = Ло Хуаньсинь. Обзор статей в специальном выпуске «Американского журнала международного права». // 北方法学. — 2016. — №10 (04). [Электронный ресурс] URL:

<https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=BFFX201604011&v=J%25mmd2F%25mmd2FNui32tm3NhlU6IMlNF4TIQZjcB%25mmd2BZNc%25mmd2B%25mmd2Bw oLvtfmQXjJhHq5VcDMhTRxex%25mmd2BGta> (дата обращения: 23.12.2021).

¹²⁶ 李国强. 从地名演变看中国南海疆域的形成历史 = Ли Гоцян. Историческое формирование территорий Китая в Южно-Китайском море через эволюцию топонимов // 中国边疆史地研究. — 2011. — №. 4. — С. 50-59.

贾宇. 中国在南海的历史性权利 = Цзя Юй. Исторические права Китая в Южно-Китайском море // 中国法学. — 2015. — №. 3. — С. 179-203.

任念文. “中国南海” 范畴及我国行使主权沿革考——兼论 “南海断续线” 作为中国传统海疆线的历史依据 = Жэнь Нянвэнь. Категория «Южно-Китайское море» и исследование истории осуществления нашим государством суверенитета — включая обсуждение "прерывистой линии" Южно-Китайского моря как исторического обоснования для традиционных морских границ Китая // 太平洋学报. — 2013. — №. 2. — С. 85-98.

со странами региона, основой для разработки и реализации целенаправленной стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе, изоляции Китая и закрепления за ним роли главного виновника конфликта¹²⁷. Фан Цзишэ подчеркивает, что противоречия между КНР и США по вопросу ЮКМ резко обострились с приходом в Белый дом администрации Дональда Трампа в 2018 г. и во время пандемии коронавируса. Он указывает, что и до этого разногласия случались, однако они не имели решающего воздействия на двусторонние отношения. С 2018 г. же вопрос ЮКМ, по его оценке, определяет направление двусторонних отношений. Он отмечает, что при Трампе в западном дискурсе значительно усилилась тенденция к нагнетанию «китайской угрозы» в Тихом океане. Главной же проблемой сформировавшейся, согласно автору, по вине США, является отсутствие эффективных каналов коммуникации в случае возникновения кризисной ситуации¹²⁸.

Цель работы заключается в исследовании политики КНР по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море в 2012–2022 гг. с формулированием теоретических выводов и практических рекомендаций.

Задачи, способствующие достижению данной цели, включают в себя:

1. Исследовать понятия национального суверенитета, юрисдикции и пограничной сферы, проанализировать исторические предпосылки и основополагающие подходы руководства КНР к внешней и пограничной политике, защите территориальной целостности;

¹²⁷ 朱锋. 中国的对美战略研究与中美关系 = Чжу Фэн Исследование стратегии Китая в отношении США и китайско-американских отношений //现代国际关系— 2010. — Т. 6. — №. 7. [Электронный ресурс] URL: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121209025223410.pdf> (дата обращения: 23.12.2021).

¹²⁸ 樊吉社. 中美战略竞争的风险与管控路径 = Фань Цзише Риски и пути управления стратегической конкуренцией между Китаем и США //南开学报 (哲学社会科学版). — 2021. — Т. 283. — №. 5. — С. 1. <https://xuebao.nankai.edu.cn/jss/CN/abstract/abstract335.shtml> (дата обращения: 23.12.2021).

2. Выявить ключевые характеристики и особенности законодательной и административной базы пограничной системы КНР в обеспечении национального суверенитета страны в ЮКМ;

3. Определить, классифицировать и дать оценку обоснованиям территориальных претензий КНР в ЮКМ;

4. Систематизировать и выявить ключевые направления реализации национального суверенитета КНР в ЮКМ в невоенных сферах: информационной политике и дипломатии.

5. Провести всесторонний анализ силовых методов обеспечения суверенитета КНР в ЮКМ: определить и исследовать функции и практическую деятельность правоохранительных органов и вооруженных сил.

Представленным диссертационным исследованием решается следующая научная задача: аргументация оценки исторических процессов, связанных с политикой КНР по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море в 2012-2022 гг. для гармонизации и нахождения баланса между существующим уровнем научных знаний по указанной проблематике и необходимостью в углублении и расширении научных представлений об актуальных проблемах и перспективах развития ситуации в Южно-Китайском море.

Научная новизна данного исследования в первую очередь определяется проведенным системным анализом и оценкой ранее не переводившихся на русский язык работ китайских ученых, посвященных историческому обоснованию претензий КНР на акваторию ЮКМ. Благодаря этому введен в научный оборот ряд новых, ранее не исследованных научным сообществом, документов, касающихся позиции КНР по принадлежности акваторий, островов и рифов ЮКМ.

Основываясь на современных источниках и документах, в работе объективно представлены различные аспекты китайской интерпретации

норм международного права и обоснования претензий в ЮКМ посредством «исторического права».

Помимо этого, проанализированы и выявлены особенности подходов Китая к обеспечению национального суверенитета в ЮКМ, включая оценки важности роли военных и гражданских структур. Также проведен анализ влияния военной реформы Народно-освободительной армии Китая (НОАК) на возможности обеспечения национального суверенитета КНР в ЮКМ, и исследовано взаимодействие различных военных и гражданских участников политики в ЮКМ.

Кроме того, впервые в русскоязычной литературе была каталогизирована застройка и оснащение островов ЮКМ инфраструктурой. Предоставлены конкретные детали, включая информацию о типах объектов, таких как взлетно-посадочные полосы, вертолетные площадки, аэродромы, жилые комплексы, и другие сооружения, размещенные на островах и их влияния на способность КНР проецировать военную силу в регионе для обеспечения фактического национального суверенитета.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ исторического развития и экономического роста Китая в XX-XXI вв. подчеркивает стремление Пекина утвердить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе и обеспечивать свою национальную безопасность в соответствии с собственным пониманием национальных интересов страны. Это является одной из предпосылок к укреплению законодательной и административной базы КНР в ЮКМ, способствующим поддержке территориальных претензий Пекина в регионе.

2. Усиление законодательной и административной базы пограничной системы КНР в ЮКМ играет одну из ключевых ролей в обеспечении национального суверенитета. Эти меры включают в себя закрепление претензий на острова ЮКМ в китайских законах и

административной структуре, а также гибкую трактовку Пекином международных норм.

3. Китайская Народная Республика обосновывает свой суверенитет над ЮКМ и его островами посредством нескольких аргументов. В их числе опора на так называемые «исторические права», утверждения о международном признании суверенитета КНР над данным регионом, интерпретация положений Конвенции ООН по морскому праву в пользу китайской позиции.

4. Под руководством пятого поколения руководителей Китай активизировал стратегические усилия для утверждения контроля над спорными территориями в ЮКМ, применяя комплексный подход, который сочетает укрепление военной мощи с невоенными стратегиями, элементами «мягкой силы». Они охватывают информационную политику (в том числе использование научных исследований), дипломатическую активность, углубление экономических и культурных связей со странами-участницами территориальных споров в ЮКМ и АСЕАН. Такой комплексный подход позволяет Китаю поддерживать стабильные отношения в регионе и укреплять свои позиции в территориальных спорах, предупреждая активное противостояние со стороны других стран.

5. Реальный контроль над спорной акваторией и островами достигается посредством военных методов: модернизации вооруженных сил с упором на ВМФ, трансформации спорных островов в де-факто военные авиабазы и создания гибридных военизированных структур для обеспечения контроля над спорной акваторией. Эти меры обеспечивают значительный военный перевес КНР в ЮКМ, сдерживая других участников территориального спора, а также нерегиональных игроков, в том числе США и их союзников, от рассмотрения возможности военного конфликта с Китаем. Таким образом, устанавливается и закрепляется статус-кво, в

рамках которого Китай эффективно достигает своих стратегических целей по обеспечению национального суверенитета в ЮКМ.

Методологическая основа исследования. Работа написана на основе системного (комплексного) подхода, позволяющего учесть всю совокупность факторов, влияющих на формирование и реализацию политики Китая по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море в 2012-2022 гг. Внешняя политика КНР исследована в контексте исторического метода, который позволяет определить взаимосвязи между объектами, выявить их характерные признаки, итоги и причинно-следственные связи их исторического развития. Соответственно, принятие во внимание исторического контекста развития Китая, его влияния на определение стратегических интересов и принятие решений руководством КНР позволяет исследовать внешнюю политику и ее различные аспекты в рамках принципа историзма.

Системный анализ и междисциплинарный подход к предмету исследования позволяют учесть и применить в совокупности систему методов, которые руководство КНР использует для обеспечения национального суверенитета в ЮКМ. Также в ходе написания работы использовались метод контент-анализа документов и другие общенаучные методы, что способствовало более глубокому и всестороннему пониманию внешнеполитической деятельности КНР в данном регионе.

Автор использует конструктивистский подход для анализа позиции КНР по территориальным спорам в ЮКМ, рассматривая, как социальные и культурные факторы влияют на внешнюю политику КНР. Этот подход помогает понять, почему Китай стремится восстановить свою историческую роль в регионе, расширяя территориальные претензии. С конструктивистской точки зрения, анализируется, как Китай интерпретирует международные нормы, формируя альтернативный

дискурс, оспаривающий традиционные понятия суверенитета на основе исторических претензий.

В качестве эмпирической базы исследования автор также использовал личный опыт работы в международном российском СМИ, специализирующемся на китайском направлении. Этот опыт позволил автору получить уникальное понимание информационной политики КНР, особенно в контексте обеспечения национального суверенитета.

В частности, были использованы наблюдения за информационной политикой китайских регуляторов в сфере Интернета. Это включало изучение директив властей относительно освещения определенных событий, связанных с проблематикой территориальных споров. Также было проанализировано поведение госорганов КНР в отношении публикации государственных карт и другой информации, отражающей позицию страны по вопросам территориальных споров. Эти наблюдения дополнили теоретическую базу исследования, обогатив его эмпирическим материалом и позволив получить более полное представление о механизмах и инструментах информационной политики КНР в контексте обеспечения национального суверенитета.

Теоретическая значимость полученных научных результатов заключается в том, что автор дополняет историческую науку особым комплексным подходом в конкретном историческом исследовании. Наряду с изучением документов и событий, проведена систематизация и категоризация объектов, находящихся на островах в ЮКМ.

Теоретическая значимость исследования проявляется в выявлении и описании концептуальных аспектов внешнеполитических стратегий, в частности в отношении пограничной и морской политики китайского руководства, а также в анализе позиции Пекина по территориальным спорам в ЮКМ. Понимание подходов и механизмов, используемых Китаем для обеспечения своих интересов в данном регионе, позволяет расширить

теоретическую базу по изучению внешней политики и стратегического поведения государств, погранологии.

Практическая значимость полученных научных результатов позволяет использовать их, как в деятельности высших органов государственной власти России по формированию своей позиции в отношении внешнеполитических устремлений КНР в ЮКМ, так и в целом в АТР. Для МИД РФ, МО РФ и иных ведомств предлагаемые практические рекомендации, основанные на полученных научных результатах, могут оказать существенную помощь в подготовке российских внешнеполитических решений.

Полученные научные результаты обеспечивают помощь в оценке мотивации и цели действий китайского руководства, а также прогнозировании возможных сценариев развития событий в регионе ЮКМ. Это важно для разработки стратегий и тактик внешней политики других государств, включая Россию, в контексте их отношений с Китаем.

Кроме того, выводы данного исследования могут быть использованы для информационного обеспечения внешней политики России в областях, затрагивающих интересы Китая на море и в пограничных регионах. Понимание действий и стратегий Китая позволяет российским дипломатам и политикам более эффективно анализировать ситуацию и разрабатывать свои собственные действия в данном контексте, с учетом национальных интересов и потенциальных рисков.

Фактологическая база и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в высших учебных заведениях России в процессе преподавания таких дисциплин как «Современные международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология».

Апробация и публикация результатов исследования были проведены в ходе участия автором в межвузовских научных мероприятиях, научных конференциях, в том числе в международной конференции

молодых ученых «Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития», проводимой ИМЭМО им. Е.М. Примакова 22-23 апреля 2021 г., научной межинститутской конференции «Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития», проводимой Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИДВ РАН 24-25 ноября 2021 г.

Материалы исследования были опубликованы в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации: Мельничук С. А. Политика КНР по обеспечению суверенитета в Южно-Китайском море: кто защищает интересы Китая // ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2021. – №2 (51) – С. 65-78.; Мельничук С. А. «Стратегия капусты» как метод обеспечения суверенитета КНР на китайско-индийской границе // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 12. – С. 71-77; Мельничук С. А. Островные «авиабазы» и проецирование силы: военная стратегия КНР в Южно-Китайском море» // Обозреватель-Observer. – 2024. – №. 4. – С. 75-89. Цветов П. Ю., Мельничук С. А. Роль традиции в территориальном споре Вьетнама и Китая // Обозреватель-Observer. – 2024. – №. 1. – С. 105-114.

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых состоит из трех параграфов, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

Глава 1. Теоретико-исторические основы политики КНР в сфере обеспечения суверенитета в Южно-Китайском море

1.1 Понятия национального суверенитета, юрисдикции и пограничной сферы в работах отечественных и зарубежных ученых

Политика государства по обеспечению национального суверенитета стоит на стыке различных отраслей государственной деятельности, таких как внешняя политика государства, его пограничная, морская политика, дипломатия и военная стратегия. Таким образом, рассмотрение этого многогранного направления государственной политики предполагает комплексный подход, основанный на теоретических основаниях и методологии различных областей знания.

Рассматривая политику КНР по обеспечению национального суверенитета, необходимо в первую очередь дать определение понятию суверенитет и обозначить полемику, сложившуюся вокруг этого понятия в XXI в.

Основополагающий международно-правовой документ — Устав ООН — не дает четкого определения понятию суверенитета. Однако на основе трудов выдающихся ученых, таких как Ж. Боден¹²⁹, М. Вебер¹³⁰, в современной науке сформировалась концептуальная основа относительно национального суверенитета, территориальной целостности, пограничной политики, государственных границ и методов их защиты. В ней преобладает неолиберальный подход к суверенитету, опирающийся на международно-правовой подход¹³¹.

¹²⁹ Дегтярева М. И. Разработка понятия суверенитета Жаном Боденом / М. И. Дегтярева. // Полис. Политические исследования. — 2000. — № 3. — С. 157–169.

¹³⁰ Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта / А. А. Сергунин. // Политэкс. — 2010. — № 4. — С. 5–21.

¹³¹ Сергунин А. А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // *Via in tempore*. История. Политология. — 2010. — Т. 16. — № 19 (90).

Пономарева Е. Г. Суверенитет в условиях глобализации // Свободная мысль. — 2007. — № 11. — С. 95–110.

Исследование изменения концепций государственного суверенитета в контексте глобализации, особенно в отношении КНР, свидетельствует об отходе от вестфальской и веберовской моделей¹³². Это ставит под сомнение универсальность западных концепций суверенитета и обращает исследователей к рассмотрению «истфальских» (от «East» – Восток) подходов, основанных на незападных теоретических рамках и историческом опыте¹³³.

Так, российский ученый А. С. Панарин анализирует влияние глобализации на понятие суверенитета и кризис Вестфальской системы, подчеркивая, что современное понимание глобализации выходит за рамки теории глобальных проблем, представляя мир с ослабленными государственными границами и уменьшенным национальным контролем. Это позволяет экономической, политической и интеллектуальной элите действовать за рамками национального регулирования, ставя глобальные интересы выше национальных. А. С. Панарин указывает на переосмысление традиционных концепций государств, границ и суверенитета в пользу глобального порядка¹³⁴.

А. Ф. Филиппов, в свою очередь, отмечает, что в эпоху империй концепция суверенитета, как мы ее понимаем сегодня, вовсе отсутствовала, поскольку не существовало государств в их современной форме¹³⁵.

О. Н. Тынянова акцентирует внимание на том, что граница как элемент национального суверенитета сохраняет свое значение, подчеркивая тем

¹³² Ong A. The Chinese axis: zoning technologies and variegated sovereignty // *Journal of East Asian Studies*. — 2004. — V. 4. — № 1. — PP. 69–96.

¹³³ Kim S. W. Eastphalia rising? Asian influence and the fate of human security / S. W. Kim, D. P. Fidler, S. Ganguly // *World Policy Journal*. — 2009. — V. 26. — № 2. — PP. 53–64.

Lo C. Values to be added to an «Eastphalia order» by the emerging China // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. — 2010. — V. 17. — № 1. — PP. 13–26;

Fidler D. P. Introduction: Eastphalia emerging? Asia, International Law, and Global Governance // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. — 2010. — V. 17. — № 1. — PP. 1–12.

¹³⁴ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. Москва: Алгоритм, 2004. 640 с.

¹³⁵ Филиппов А. Ф. Повестка дня для конгресса отшельников: новая книга по политической философии // Социологическое обозрение. — 2012. — № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povestka-dnya-dlya-kongressa-otshelnikov-novaya-kniga-po-politicheskoy-filosofii> (дата обращения: 11.02.2023).

самым важным государственным функцией и территориальным управлением в глобализованном мире¹³⁶.

Китайские ученые тщательно изучают, как глобализация влияет на национальный суверенитет, особенно с учетом увеличивающегося участия Китая в мировой экономике и политике с начала XXI в. Основным вопросом их исследований — как сохранить национальный суверенитет Китая при его интеграции в глобальную систему, в которой после окончания холодной войны доминируют США.

Китайский политолог Юй Кэпин отмечает, что глобализация не просто размывает понятие суверенитета, но придает ему новый смысл, расширяя роль в осуществлении суверенитета не только государства, но и общества¹³⁷. Он подчеркивает, что развивающиеся страны, в частности КНР, особо подвержены этой тенденции реакции руководства страны на социальный запрос. Одна из предпосылок тому — политика открытости внешнему миру, которую Пекин начал проводить с конца 1970-х гг., и стремительный рост благосостояния китайского народа, а, следовательно, укрепление чувства национальной гордости. Неизбежная необходимость открытости для дальнейшего развития вынуждает государственные власти адаптировать у ней свое понимание и методы обеспечения суверенитета. Юй Кэпин приходит к выводу, что эффективным ответом на вызовы глобализации должно стать более активное участие страны в глобальных процессах вместо попыток изолироваться от них.

Специалисты по международным отношениям из Китая часто обращаются к исследованию приоритетов в области защиты национального суверенитета, рассматривая это как одно из ключевых направлений

¹³⁶Тынянова О. Н. Пограничная политика государства в постсоветскую эпоху: сущность, смыслы, проблемы практики и теории / О. Н. Тынянова. // Ценности и смыслы. — 2010. — № 5 (8). — С. 109-126.

¹³⁷ Юй К. Государственный суверенитет в эпоху глобализации Сайт Китайского университета политологии и права. [Электронный ресурс] URL: http://qqhyjs.cupl.edu.cn/_local/8/AD/E9/42A88245B4A0E51A2835EDEFFFD_39AB3CAF_B83A6.pdf (дата обращения: 04.09.2022).

политики китайского руководства в настоящее время. Ван Цзисы в своей книге «Китай в поисках большой стратегии» отмечает, что Пекин стремится создать систему управления, позволяющую стране одновременно эффективно развиваться и укреплять свой суверенитет, что представляет собой сложную задачу для формулирования современной внешней политики в Китае¹³⁸.

Он указывает, что к концу первого десятилетия XXI в., в условиях глобального экономического кризиса, экстенсивная, экспортно-ориентированная модель развития КНР столкнулась с проблемами. В связи с этим возросла необходимость проведения экономических и социальных реформ. В ответ на вызовы китайское руководство пересмотрело цели внешней политики страны. Под руководством Ху Цзиньтао, председателя КНР в период с 2002 по 2012 г. (четвертое поколение руководителей), в июле 2009 г. было заявлено, что китайская дипломатия должна «защищать интересы суверенитета, безопасности и развития»¹³⁹. Дай Бинго, государственный советник по внешним связям, более подробно определил эти основные интересы: политическая стабильность, суверенная безопасность, территориальная целостность и национальное объединение, а также устойчивое экономическое и социальное развитие Китая¹⁴⁰.

Одновременно Дай Бинго отмечал, что в Пекине распространено мнение о том, что США представляют собой наибольшее внешнее испытание для национальной безопасности, суверенитета и внутренней стабильности Китая. По мнению китайских наблюдателей, США движимы страхом и завистью в стремлении препятствовать развитию Китая различными доступными способами. Одним из примеров попыток

¹³⁸ PKU News. Peking University. [Электронный ресурс] URL: <https://english.pku.edu.cn/pkumedia/1913.html> (дата обращения: 12.08.2022).

¹³⁹ President Hu Jintao Receives Joint Interview of Chinese and Foreign Media. [Электронный ресурс] URL: http://tl.china-embassy.gov.cn/eng/xwdt/200906/t20090624_1112691.htm (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁴⁰ Wang J. "Marching Westwards": The Rebalancing of China's Geostrategy / Wang, J // The World in 2020 According to China. — Leiden : Brill, 2014. — С. 129–136.

вмешательства и ограничения китайского национального суверенитета со стороны внешних сил, в частности со стороны США, является вопрос о правах человека. В ответ на критику со стороны Запада Пекин подчеркивает превосходство суверенных прав государства над правами человека. Кроме того, Пекин настойчиво отвергает возможность внедрения в КНР демократических институтов западного образца¹⁴¹.

Понятие суверенитета интересует не только политологов и специалистов по международным отношениям, но и юристов. С точки зрения права, суверенитет остается сложным для определения понятием без единой общепринятой дефиниции. Например, Устав ООН устанавливает принцип суверенного равенства государств, но не дает точного определения самого термина «суверенитет»¹⁴².

В академической литературе термин «суверенитет» часто используется в сочетании с понятием юрисдикция, противопоставляется ему или сливается с ним. Кроме того, определения суверенитета, предложенные в научных работах, часто несут в себе идеологический оттенок¹⁴³. Г. И. Мусихин подчеркивает, что понятие суверенитета настолько многозначно, что даже отсутствует консенсус относительно того, является ли это понятие предметом дискуссии или обладает абсолютной ясностью в своей сущности¹⁴⁴.

¹⁴¹ Wang J. The Plot Against China?: How Beijing Sees the New Washington Consensus [Электронный ресурс] URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-22/plot-against-china> (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁴² Устав ООН [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁴³ Терентьева Л. В. Соотношение понятий «юрисдикция» и «суверенитет» / Л. В. Терентьева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2016. — № 12 (28). — С. 126–133.

Репьев А. Г. Правовой иммунитет государства: предостережение от попыток искажения и подмены фундаментального принципа международного права (часть 1) / А. Г. Репьев. // Правовая культура. — 2016. — № 1 (24). — С. 114–119.

Каюмова А. Р. К вопросу о юрисдикции в системе международного права / А. Р. Каюмова. // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2007. — № 6. — С. 316–323.

¹⁴⁴ Мусихин Г. И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» / Г. И. Мусихин. // Общественные науки и современность. — 2010. — № 1. — С. 64–78.

О. С. Черниченко рассматривает юрисдикцию как центральный элемент суверенитета государства, обозначая ее роль в обеспечении выполнения государственных прав через правовое принуждение в рамках международных обязательств. Юрисдикция выступает ключевым аспектом государственного устройства, позволяя реализовывать суверенные права посредством государственного принуждения¹⁴⁵. Суверенитет, по мнению Черниченко, является неотъемлемым правовым атрибутом государства, а не просто выражением его властных функций¹⁴⁶.

А. Р. Каюмова уточняет, что государство как первичный субъект международного права обладает суверенитетом как политико-правовым свойством. При этом юрисдикция определяется возможностью государства реализовывать свои суверенные права через правовые механизмы и государственное принуждение¹⁴⁷.

В контексте данного исследования основное внимание уделяется анализу пограничных аспектов суверенитета. Понятие суверенитета и его обеспечение тесно связаны с концепцией границы, поскольку осуществление национального суверенитета государства происходит в пределах его государственных рубежей¹⁴⁸.

О. Н. Тынянова подчеркивает роль государственной границы как индикатора реального суверенитета, рассматривая ее как важный элемент территориального восприятия государства на уровне как индивидуального, так и коллективного сознания¹⁴⁹. В свою очередь, взаимодействие политического центра государства с пограничной периферией формируется

¹⁴⁵ Черниченко О. С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств : специальность 12.00.10 «Международное право, Европейское право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Черниченко О. С. ; Дипломат. акад. МИД РФ. — Москва, 2003. — 168 с.

Броунли Я. Международное право В 2-х кн. / Я. Броунли. — Москва : Прогресс, 1977. — 535 с.

¹⁴⁶ Черниченко О. С. Делим ли государственный суверенитет? / О. С. Черниченко. // Евразийский юридический журнал. — 2010. — № 12. — С. 25-31.

¹⁴⁷ Каюмова А. Р. К вопросу о месте юрисдикции в системе международного права / А. Р. Каюмова. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2007. — № 6. — С. 316-323.

¹⁴⁸ Тынянова О. Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации / О. Н. Тынянова. // Век глобализации. — 2010. — № 1. — С. 89-105.

¹⁴⁹ Там же.

на основе исторически сложившихся культурных смыслов, которые отражаются в официальной истории, государственной идеологии, образовательной программе, языке, а также в инфраструктуре, включая транспортную, энергетическую, социальную, военную и другие структуры¹⁵⁰.

А. Ф. Филиппов дополняет эту концепцию, утверждая, что в современных условиях способность политического центра поддерживать контроль над пограничной периферией является ключевым фактором национального суверенитета и отражает геополитический статус страны. Эффективное управление границами и поддержание внутреннего контроля связаны с внутренней поддержкой и легитимностью власти¹⁵¹.

Пограничная политика государства разрабатывается в рамках науки погранологии, которая изучает границы и пограничные зоны, объединяя методы из истории, геополитики и международных отношений. Эта наука фокусируется на деятельности государственных институтов в сфере защиты интересов личности, общества и государства, а также анализирует как стабильные, так и изменяющиеся аспекты межгосударственных границ. Основная задача погранологии — изучение эффективности пограничной деятельности, включая такие методы обеспечения суверенитета, как охрана и профилактические меры, направленные на предотвращение нарушений границ¹⁵².

Погранология, опираясь на геополитику, оценивает политико-управленческие решения через призму их территориального влияния и

¹⁵⁰ Тынянова О. Н. Пограничная политика государства в поствестфальскую эпоху: сущность, смыслы, проблемы практики и теории / О. Н. Тынянова. // Ценности и смыслы. — 2010. — № 5 (8). — С. 109–126.

¹⁵¹ Филиппов А. Ф. Суверенитет : сборник / сост. Н. В. Граджа. — Москва : Европа, 2006. — 304 с.

¹⁵² Шумов В. В. Научное обеспечение пограничной деятельности / В. В. Шумов, Е. С. Гирник, П. Д. Сениченков. // Вопросы безопасности. — 2021. — № 1. — С. 1-16.

Кожирова С. Б., Шукыжанова А. Н. Теоретические и прикладные аспекты лимнологии: традиционные и инновационные подходы (Обзор российской и казахстанской историографии) // Вестник «Исторические и социально-политические науки». — 2022. — Т. 2. — № 73. [Электронный ресурс] URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/923/528> (дата обращения: 12.12.2022).

Анцупов А. Я. Погранология: методология и методика научных исследований: монография / А. Я. Анцупов. — Москва : Отд-ние погранологии МАИ; Пограничная акад. ФСБ России, 2006.

геополитических реалий, оказывая воздействие на анализ внешней политики и стратегии¹⁵³. Изучение взаимосвязи между погранологией и геополитикой раскрывает ключевые аспекты влияния геополитических факторов на пограничную деятельность и стратегическое положение государств. Исторический интерес к географии как детерминанте политических процессов привел к формированию геополитики как дисциплины в XIX в. благодаря работам К. Риттера, Г. Т. Бокля, Г. Спенсера и А. Гумбольдта¹⁵⁴.

Ф. Ратцель внес значительный вклад в науку, представив государство как организм, стремящийся к расширению, и определив геополитику как изучение этого процесса¹⁵⁵. Эта тема далее развивалась в работах Р. Челлена, Дж. Маккиндера и А. Мэхэна, подчеркивающего значение морской мощи государства¹⁵⁶.

Вопрос о классификации КНР как континентальной или морской державы в контексте теории А. Мэхэна вызывает дискуссии среди ученых¹⁵⁷. Однако идеи Мэхэна продолжают применяться в анализе внешней и морской политики Китая¹⁵⁸. В XXI в. концепция морской мощи, инициированная Мэхэном, стала популярной и среди китайских интеллектуалов и политического руководства¹⁵⁹. В Китае развивается так называемая школа морской силы — направление в военной стратегии,

¹⁵³ Анцулов А.Я.и Погранология: методология и методика научных исследований: монография / А.Я.и Анцулов. — Москва : Отд-ние погранологии МАИ; Пограничная акад. ФСБ России, 2006.

¹⁵⁴ Кулаков А. В. Геополитические факторы и пограничная политика государства : монография / А. В. Кулаков. — Москва : Нац. Ин-т бизнеса, 2004 . — 146 с.

¹⁵⁵ Филиппов А. Ф. Суверенитет : сборник / сост. Н. В. Граджа. — Москва : Европа, 2006. — 304 с.
Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства (Предисловие М. В. Ильина) / Р. Челлен. // Полис. Политические исследования. — 5. — № 2. — С. 115–126.

¹⁵⁶ Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660—1783 / А. Т. Мэхэн. — Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. — 634 с.

¹⁵⁷ Овчинников П. С. «Морское могущество» КНР: Состояние или положение? / П. С. Овчинников, Я. А. Барбенко. // Известия Восточного института. — 2020. — № 1 (45). — С. 45–63.

¹⁵⁸ Holmes J. R. The influence of Mahan upon China's maritime strategy / J. R. Holmes, T. Yoshihara. // Comparative Strategy. — 2005. — № 1. — С. 23–51.

Holmes J. R. Chinese Naval Strategy in the 21st Century: The Turn to Mahan / J. R. Holmes, T. Yoshihara. — New York : Routledge, 2012. — 192 с

¹⁵⁹ Hale D. China's growing appetites / D. Hale. // The National Interest. — 2004. — № 76. — С. 137–147.

которое подчеркивает важность флота для защиты национального суверенитета и расширения стратегической обороны в интересах страны¹⁶⁰. Глобализация усиливает роль морской мощи в обеспечении национального суверенитета, позволяя Китаю контролировать морские пути, что критически важно для обеспечения различных аспектов национальной безопасности¹⁶¹.

Деятельность на государственной границе и в пограничных зонах регламентируется комплексом национальных и международных законодательных актов, включая постановления правительства и межгосударственные соглашения. Это регулирование основывается на принципах и нормах международного права, обеспечивая правовую основу для пограничной деятельности.

Пограничное пространство — это зона, примыкающая к государственной границе, где происходит активное взаимодействие между культурными, экономическими, правовыми и политическими системами смежных государств, а также наблюдаются пограничные процессы и явления¹⁶².

Пограничная система включает в себя организации и ведомства, ответственные за обеспечение пограничной безопасности и защиту интересов в пограничных областях.

Государственная граница — это линия или вертикальная поверхность, определяющая границы государственной территории и пределы действия

160 Ларин В. Л. Становление Китая как великой морской державы / В. Л. Ларин, С. К. Песцов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — № 3. — С. 27–46.

Xu Q. Maritime geostrategy and the development of the Chinese navy in the early twenty-first century / Q. Xu, A. S. Erickson, L. J. Goldstein. // Naval War College Review. — 2006. — № 4. — С. 46–67.

¹⁶¹ Zhang W. China's energy security and policy choices / W. Zhang. // World Economics and Politics. — 2003. — № 5. — С. 11–16.

Wang L. Sea lanes and Chinese national energy security / L. Wang. // Journal of Coastal Research. — 2015. — № 73. — С. 572–576.

¹⁶² Пограничный словарь / В. И. Боярский, В. Р. Девятов, В. А. Дмитриев, В. В. Сахаров. — Москва : Академия ФПС РФ, 2002.

государственного суверенитета¹⁶³. Она разделяет территорию одного государства от земель сопредельных стран или международных пространств, служа как пространственный ограничитель для осуществления суверенитета¹⁶⁴.

Границы устанавливаются на основе межгосударственных договоров, а процесс их определения и маркировки включает делимитацию и демаркацию. Эти процессы осуществляются с участием специализированных комиссий и подчиняются международным нормам и принципам, таким как уважение территориальной целостности и суверенитета¹⁶⁵. Границы подразделяются на различные типы в зависимости от местности, через которую они проходят, включая сухопутные, речные, морские и воздушные границы. Они регулируются как внутренним законодательством государства, так и международными договорами, формируя основу для пограничной политики и обеспечивая мирное сосуществование государств.

Морскими границами считаются внешние грани территориального моря или линия разграничения территориальных морей между смежными или конфликтующими государствами. Как правило, морская граница не обозначается физическими метками, такими как вехи или буи, а представляется в виде линии, указанной на карте¹⁶⁶.

После установления границы государства вводится и поддерживается режим границы, направленный на ее неприкосновенность. Государства заключают договоры, регулирующие этот режим и порядок разрешения пограничных инцидентов. Пограничная деятельность осуществляется на

¹⁶³ Ромашев Ю. С. Погранология: правовые основы : Монография / Ю. С. Ромашев, Б. В. Ганюшкин, Ю. Я. Баскин. — Москва : Отд-ние погранологии МАИ, 2000. — 296 с.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Климено Б. М. Нерушимость границ — условие международного мира / Б. М. Климено, Н. А. Ушаков. — Москва : Наука, 1975. — 168 с.

Ромашев Ю. С. Погранология: правовые основы : Монография / Ю. С. Ромашев, Б. В. Ганюшкин, Ю. Я. Баскин. — Москва : Отд-ние погранологии МАИ, 2000. — 295 с.

¹⁶⁶ Шумов В. В. Введение в методологию погранологии и погранометрики / В. В. Шумов. — Москва : URSS, 2013. — 200 с.

территориях с различными правовыми статусами: национальным, смешанным и международным. В пределах государственной территории правовой режим определяется национальным законодательством, но также подвержен воздействию международного права. В области с международным правовым статусом режим устанавливается коллективным решением всех заинтересованных государств.

Смешанный правовой режим относится к районам открытого моря, где государства могут осуществлять определенные суверенные права и юрисдикцию в соответствии с международным правом — такими как прилегающая зона, исключительная экономическая зона (ИЭЗ) и континентальный шельф с его недрами. В этих районах применяются как международное, так и национальное право, основанные на международных нормах. Такой режим существует, например, для Международного района морского дна. Как указывает отечественный правовед П. А. Гудев, морские пространства государства делятся на те, что находятся под его суверенитетом (внутренние воды, территориальное море), и те, что находятся под его юрисдикцией (прилегающая зона, исключительная экономическая зона, континентальный шельф)¹⁶⁷.

Пограничные пространства на территории государства охватывают сухопутные и водные зоны. Сухопутная территория включает в себя всю прилегающую сушу, находящуюся в пределах государственной границы и под его суверенитетом. Водные территории включают в себя внутренние воды, такие как реки, озера и каналы, а также внутренние морские воды, которые простираются от береговой линии к морю. В этих зонах государство может установить свой суверенитет и определить соответствующий правовой режим¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Гудев П. А. Столкновение национальных и наднациональных подходов в области обеспечения морской безопасности / П. А. Гудев. // Пути к миру и безопасности. — 2015. — № 1 (48). — С. 22-47.

¹⁶⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982). [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.06.2021).

В соответствии с Конвенцией, территориальные воды государства простираются на 12 морских миль от линии наибольшего отлива или исходной линии берега. В этой зоне государство имеет суверенитет над воздушным пространством, дном и недрами. Оно вправе устанавливать правовой режим с учетом своих интересов. Территориальное море регулируется международными правовыми нормами, иностранные суда имеют право на мирный проход через него. При этом прибрежное государство сохраняет право установления правил безопасности и контроля движения судов в этой зоне.

Вне территории государства располагается прилегающая зона протяженностью 12 морских миль от территориального моря. Эти зоны образуют акваторию в 24 морские мили, где государство осуществляет пограничный контроль за соблюдением таможенных и иммиграционных правил. Правовой статус прилегающей зоны смешанный, и ее контролируют специализированные суды. Уполномоченные представители могут останавливать невоенные суда для проверок. Однако иностранные суда, не заходящие в территориальные воды данного государства, не подвергаются контролю. В мореплавании в этой зоне действуют правила открытого моря.

Государство имеет право на создание 200-мильной *исключительной экономической зоны (ИЭЗ)* и зоны исключительного рыболовства за пределами прилегающей зоны. В этих зонах применяется специальный правовой режим, утвержденный Конвенцией ООН по морскому праву. В ИЭЗ государство имеет суверенные права на разведку, добычу и сохранение живых и неживых природных ресурсов. Другие государства могут свободно проходить через эту зону, уважая права прибрежных государств¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982). [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.06.2021).

Согласно Конвенции, прибрежные государства в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) имеют право создавать искусственные острова, устанавливать сооружения, проводить морские научные исследования и осуществлять прочие виды деятельности, предусмотренные указанным документом. Важно отметить, что искусственные острова и сооружения, согласно Конвенции, не обладают статусом островов и не имеют территориального моря. Их наличие не воздействует на определение границ территориального моря, ИЭЗ или континентального шельфа прибрежного государства¹⁷⁰.

При этом прибрежное государство имеет право определять зоны безопасности вокруг искусственных островов, в пределах которых оно может принимать меры для обеспечения безопасности объектов. Международное право регулирует размер этих зон, ограничивая их расстояние до 500 метров от каждой точки внешней границы объекта. Важно подчеркнуть, что возведение искусственных островов, установок и сооружений не разрешается, если это мешает использованию морских маршрутов, которые имеют стратегическое значение для международного судоходства.

В своей ИЭЗ прибрежное государство устанавливает ограничения на вылов живых ресурсов, так как разработка природных ресурсов играет важную роль в его экономической деятельности в данной зоне. Оно имеет право предпринимать необходимые шаги для сохранения и эффективного управления живыми ресурсами в ИЭЗ. Кроме того, прибрежное государство обладает полномочиями для осуществления контроля, проведения инспекций, применения ареста и даже возможности начать судебное разбирательство по отношению к судам других стран¹⁷¹.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982). [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.06.2021).

Континентальным шельфом определяется морское дно и недра на глубине до 200 метров, а также область, расположенная в пределах 200 морских миль от территориального моря. Внешняя граница территориального моря служит внутренней границей шельфа, который не может простирается дальше 350 морских миль. Прибрежное государство обладает суверенными правами на континентальный шельф для исследования и разработки его природных ресурсов, при этом эти права не затрагивают статус воды и воздушного пространства, находящихся над ним ¹⁷². Делимитация континентального шельфа осуществляется в соответствии с международным правом. Перед заключением соглашения между государствами с противоположными или смежными побережьями они принимают меры для достижения временных соглашений¹⁷³.

Вывод к параграфу. Теоретическое исследование взаимосвязи между концепцией суверенитета, функциональной ролью государственных границ и воздействием исторических и географических детерминант на их формирование создает теоретическую базу для анализа структуры пограничной системы КНР, в частности, на морских рубежах в Южно-Китайском море. Данный анализ способствует пониманию механизмов, посредством которых центральное правительство осуществляет взаимодействие с пограничными территориями, а также методов управления и контроля над пограничным пространством, направленных на обеспечение фактического национального суверенитета на спорных территориях. Исследование стратегических и тактических подходов, применяемых для обеспечения безопасности и стабильности на границах, является ключевым для определения эффективности данной системы в контексте государственной политики КНР.

¹⁷² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982). [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 11.06.2021).

¹⁷³ Там же.

1.2 Исторические предпосылки и основополагающие подходы руководства КНР к внешней политике и защите территориальной целостности

В политическом дискурсе пятого поколения лидеров КНР, пришедшего к власти в 2012–2013 гг., утвердилась идея о «возвышении Востока и упадке Запада»¹⁷⁴. С начала политики реформ и открытости страна сделала стремительный скачок в своем развитии, увеличив ВВП с 92,6 млрд долл. в 1970 г. до 17,96 трлн долл. в 2022 г. ВВП на душу населения за тот же период вырос с 113 долл. до 17,9 тыс. долл.¹⁷⁵

В начале третьего десятилетия XXI в. Китай, несмотря на экономическую рецессию, укрепил свою позицию в качестве второй по величине экономики мира после США¹⁷⁶. Такой стремительный скачок уровня благосостояния в рамках одного поколения граждан страны спровоцировал также подъем националистических настроений в Китае, подпитал чувство национальной гордости и особого пути КНР¹⁷⁷.

Возвышение Китая сопровождается его закреплением в качестве ведущей экономической державы, возрастающей военной мощью и политическим авторитетом на мировой арене. Это заставляет рассматривать возможность если не пересмотра действующего мирового порядка и закреплённых в международно-правовых документах правил и норм, то их реинтерпретации. Проявляется тенденция к более активному учету интересов государств, которые приобрели существенное влияние,

¹⁷⁴ China's officials play the rise of the East and the decline of the West. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3124752/chinas-officials-play-rise-east-decline-west> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁷⁵ World Bank. GDP (current US\$) — China [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?Locations=CN> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁷⁶ По данным Всемирного банка, ВВП США в 2022 г. составил 25,462 трлн долл., ВВП на душу населения — 76,26 тыс. долл. «United States GDP — Gross Domestic Product» // Macrotrends. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (1982). [Электронный ресурс] URL: <https://www.macrotrends.net/countries/USA/united-states/gdp-gross-domestic-product> (дата обращения: 12.02.2022).

¹⁷⁷ Wu Z. In search of national wealth and power: nationalism and economic modernization of China : дис. — Boston University, 2022.

политический и экономический капитал для более жесткого отстаивания своей позиции на мировой арене уже после того, как эти нормы были сформулированы и закреплены в международных документах.

На протяжении веков до прихода европейских колонизаторов в XVI в. в Восточной Азии преобладала китаецентричная модель мироустройства. Эта система предполагала существование мощной и культурно развитой империи — Китая — в центре. Периферийные страны (Япония, Вьетнам, Корея) перенимали достижения более развитой цивилизации: язык, элементы культуры и принципы государственного устройства — и находились в иерархии ниже Срединного государства¹⁷⁸. Иностранные посланники и делегации воспринимались китайским императорским двором как представители «вассальных» народов, прибывшие для поклонения и установления отношений с «сюзереном»¹⁷⁹.

Такая система в научной литературе получила название даннической. О ее истинной природе историками на протяжении многих лет ведутся споры, однако общепризнано, что она представляла собой нечто большее, чем просто механизм построения империи в традиционном понимании. Важно отметить, что содержательно эта система не имела ничего общего с европейским вариантом отношений «сюзерен – вассал». Китай не ставил целью прямой контроль над соседними государствами. Систему можно рассматривать как специфическую модель международной торговли или символический и дипломатический каркас. Периферийные государства также ожидали определенных льгот в ответ, таких как торговые привилегии и защита в случае агрессии. В отношениях существовала определенная степень взаимности, и данническая система оказывала значительное

¹⁷⁸ Kang D. Hierarchy and legitimacy in international systems: The tribute system in early modern East Asia / D. Kang. // *Security Studies*. — 2010. — № 4. — С. 591–622.

¹⁷⁹ Россия и Китай. Четыре века взаимодействия / А. В. Лукин, А. И. Денисов, Е. П. Бажанов [и др.]. — Москва : ООО Издательство Весь Мир, 2013. — 704 с.

влияние на формирование «восточноазиатской геополитики» в течение многих столетий¹⁸⁰.

Вестфальский мир сложился в значительной степени в результате кровопролитных войн и разделения ограниченного территориального ресурса между множеством относительно небольших стран. Однако, как подчеркивал Д. Канг, в период с 1368 по 1841 гг. в Восточной Азии в рамках конфуцианской, китаеццентричной модели мироустройства произошло всего лишь два относительно крупных военных конфликта¹⁸¹.

События после начала опиумных войн и иностранного вторжения в Китай в середине XIX в. определили развитие политической мысли в Китае после Синьхайской революции 1911 г.¹⁸² Китайская традиционная система международных отношений в результате западной военной и политической экспансии была разрушена. Власти династии Цин и далее руководство республиканского Китая были вынуждены, а во многом и сами стремились реформировать систему внешнеполитических связей по европейскому образцу и следовать основным принципам европейского международного права, основанного на принципе равенства стран¹⁸³.

Попытка адаптации иностранной системы, чуждой китайскому мышлению, привела к формальному участию Китая в международной системе наравне с другими государствами. Тем не менее традиционные представления о политической организации мира в мировоззрении китайской политической элиты сохранились.

¹⁸⁰ Fairbank J. K. On the Ch'ing tributary system / J. K. Fairbank, S. Têng. // Harvard journal of Asiatic studies. — 1941. — № 2. — С. 135–246.

Zhang Y. The tributary system as international society in theory and practice / Y. Zhang, B. Buzan. // Chinese Journal of International Politics. — 2012. — № 1. — С. 3–36.

¹⁸¹ Kang D. East Asia before the West: Five centuries of trade and tribute / D. Kang. — New York : Columbia University Press, 2010. — 240 с.

¹⁸² Fung E. S. The intellectual foundations of Chinese modernity: Cultural and political thought in the republican era / E. S. Fung. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — 336 с.

¹⁸³ Забровская Л. В. Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ / Л. В. Забровская. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 92 с.

Л. В. Забровская подчеркивает, что западные и советские историки в первой половине XX в. рассматривали данный аспект в китайской истории преимущественно как событие прошлого и не уделяли должного внимания поиску параллелей между традиционным политическим мышлением и современными политическими стратегиями КНР. Они также не стремились исследовать связь между установками прошлого и принципами, лежащими в основе формирования государственных границ в Китае¹⁸⁴. Однако, чем активнее коммунистические власти Китая взаимодействовали с соседями, тем очевиднее становилась неполноценность такого подхода.

Как указывает Е. Д. Степанов, учрежденная в 1949 г. Китайская Народная Республика унаследовала от предыдущих формаций китайского государства размытые рубежи¹⁸⁵. Традиционно границы Китайской империи были не четкими демаркированными линиями, а скорее зонами, в которых перемежались ханьские поселения и варварские (находящихся в даннических отношениях с Китаем народов, кочевников, племен)¹⁸⁶. Вопреки тому, что в XIX в. под давлением иностранных держав Китай заключил ряд соглашений об определении границ, условиться о точных координатах рубежей с соседями долгое время так и не удавалось¹⁸⁷. Более того, власти Нового Китая оставили за собой право признавать, отвергать, пересматривать эти соглашения¹⁸⁸.

До сегодняшнего дня территориальные претензии Китая к соседям во многом обусловлены тем, что исторически в регионе отсутствовало понятие границ. Это привело к тому, что в дискурсе китайского руководства закрепились формулировка «вопросы, оставленные историей» после того,

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Степанов Е. Д. Политика начинается с границы : Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. / Е. Д. Степанов. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2007. — 244 с.

¹⁸⁶ Harold C. H. Communist China in World Politics / C. H. Harold. — Boston : Houghton Mifflin Co., 1966. — 540 с.

¹⁸⁷ Elleman B. Beijing's power and China's borders : twenty neighbors in Asia / B. Elleman, S. Kotkin, C. Schofield. — New York : ME Sharpe, 2015. — 392 с.

¹⁸⁸ Степанов Е. Д. Политика начинается с границы : Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. / Е. Д. Степанов. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2007. — 244 с.

как ее в своем докладе на сессии ВСНП в 1957 г. озвучил премьер Госсовета Чжоу Эньлай. По его словам, политика империалистических держав привела к тому, что между Китаем и сопредельными странами остается потенциал территориальных споров, в свою очередь, поднимающий так называемые вопросы, оставленные историей, которые должны быть решены справедливо и рационально¹⁸⁹.

Следует отметить, что понятие «рациональное» (合理) толкование международно-правовых норм не означает их последовательного применения и, как указывает российский китаевед И. Е. Денисов, дает субъекту основания для вольного толкования международно-правовых норм в своих интересах, исходя из собственного понимания ситуации¹⁹⁰.

Стимулом к развитию направления исследований в области пограничной политики КНР, а также ее взаимосвязи с традиционными политическими концепциями китайских лидеров послужили первые пограничные конфликты, возникшие в период после учреждения КНР. В 1960–1970 гг. ситуация обострилась на нескольких фронтах. Вьетнамско-китайская война, китайско-индийский пограничный конфликт, пограничные претензии КНР к Советскому Союзу вынудили американских ученых, в числе которых Д. Фэрбэнк, Д. Хэвиа, Н. Гинзбург, Д. Камиллери, обратить внимание на природу взаимоотношений Китая с его бывшими «вассалами» и влияние «вестернизации» внешнеполитической мысли на пограничную политику КНР¹⁹¹.

¹⁸⁹ Степанов Е. Д. Политика начинается с границы : Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. / Е. Д. Степанов. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2007. — 244 с.

¹⁹⁰ Денисов И. Е. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации / И. Е. Денисов, Д. Л. Адамова. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2017. — № 22. — С. 76–90.

¹⁹¹ Забровская Л. В. Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ / Л. В. Забровская. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 92 с.

Д. Фэрбэнк и Д. Хэвиа указывали, что западные государства оказали цивилизаторское влияние на Китай и его политическое мышление¹⁹². Гинзбург и Камиллери, исследуя систему взаимодействия Китая со смежными государствами, подчеркивали возможность применения традиционных паттернов при анализе современной внешней политики КНР¹⁹³.

В 1960-х гг., после конфликтов на индийско-китайской границе, распространенным было мнение, что китайские амбиции в сфере территориальных споров носят в основном ирредентистский характер. Полагалось, что позиция КНР заключается в том, что территорию, некогда принадлежащую китайской империи, необходимо вернуть под управление «преемников» при первой же возможности¹⁹⁴. Целью Пекина считалось «возвращение территорий, которые входили в состав империи на пике ее могущества». Фэрбэнк указывал, что корнями такой подход внешней политики КНР уходит именно в представления о Поднебесной как об особом китаецентричном мироустройстве¹⁹⁵.

В отечественной науке внимание к анализу пограничной политики КНР и основам китайского подхода к решению пограничных споров оказалось особенно приковано в период советско-китайского раскола в 1960-х гг. Советская историография в основном фокусировалась на

¹⁹² Fairbank J. K. *The Chinese world order: Traditional China's foreign relations* / J. K. Fairbank. — Boston : Harvard University Press, 1968. — 426 с.

Hevia J. L. *English lessons: The pedagogy of imperialism in nineteenth-century China* / J. L. Hevia. — Durham : Duke University Press, 2003. — 416 с.

Hevia J. L. *Making China 'Perfectly Equal'* / J. L. Hevia. // *Journal of Historical Sociology*. — 1990. — № 4. — С. 379–400.

¹⁹³ Ginsburg T. *Judicial Independence in East Asia: Implications for China* / T. Ginsburg. // *Judicial Independence In China*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. [Электронный ресурс] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1524749 (дата обращения: 12.02.2022).

Camilleri J. A. *Southeast Asia in China's Foreign Policy* / J. A. Camilleri. — Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 1975. — 74 с.

¹⁹⁴ Fitzgerald C. P. *The Chinese view of foreign relations* / C. P. Fitzgerald. // *The World Today*. — 1963. — № 1. — С. 9–17.

¹⁹⁵ Ch'en T. T. *The Chinese World Order. The tradition of Chinese Foreign Relations* / T. T. Ch'en. — Boston : Harvard University Press, 1968. — 416 с.

изучении документов, которые опровергали китайские «исторические обоснования» территориальных претензий к Советскому Союзу¹⁹⁶.

Е. Д. Степанов отмечает, что в 1960-х гг. КНР прибегала к методу «картографической агрессии» — публикации фальсифицированных карт. При этом претензии Пекина и исторические обоснования «аппетитов» менялись на протяжении 1950–1970-х гг.¹⁹⁷ На сегодняшний день Китай также выпускает и разрешает для публикации и распространения на своей территории только официальные китайские карты, в которые обязательно должны быть включены острова и акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, спорные с Индией и Бутаном районы южного Тибета¹⁹⁸.

В начале XXI в. исследователи, напротив, оценивали китайский подход к пограничной политике как сдержанный. М. Фравель в книге «Сильные границы, безопасная нация: сотрудничество и конфликты в территориальных спорах Китая» подчеркивал, что, наряду с риторической негибкостью в вопросах территориальных споров, на практике Пекин готов идти на компромисс¹⁹⁹. При этом, по его мнению, примирительное поведение Китая не свидетельствовало о его желании повиноваться международным правовым нормам. Готовность Пекина идти на компромисс в пограничных спорах Фравель связывал с внутренней уязвимостью Китая, неготовностью Пекина вовлекаться во внешний конфликт без достаточного подспорья в виде развитой военной мощи, внутренней стабильности и консолидации общества.

¹⁹⁶ Тихвинский С. В. Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений / С. В. Тихвинский. — Москва : Мысль, 1982. — 509 с.

¹⁹⁷ Степанов Е. Д. Политика начинается с границы : Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. / Е. Д. Степанов. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2007. — 244 с.

¹⁹⁸ 自然资源部关于印发《公开地图内容表示规范》的通知 = Минприроды выпустило «Открытую карту». Уведомление о спецификациях представления контента. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5752310.htm (дата обращения: 04.09.2023).

¹⁹⁹ Fravel M. Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes / M. Fravel. — Princeton : Princeton University Press, 2008. — 408 с.

Что касается основополагающих подходов современного руководства КНР к внешней политике, необходимо отметить, что на 2022 г. в КНР отсутствовал документ доктринального характера, в котором была бы изложена внешнеполитическая концепция страны²⁰⁰. Аналогами такого документа в России и США являются, соответственно, Концепция внешней политики и Стратегия национальной безопасности²⁰¹.

Вместо этого внешнеполитический курс базировался на ряде всеобъемлющих понятий, таких как, например, «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху». Эти идеи были представлены председателем КНР в своем докладе на XIX Всекитайском съезде КПК в 2017 г. и сформировали основу современной внешней политики страны²⁰², наряду с «Идеями Си Цзиньпина о дипломатии в новую эпоху»²⁰³.

Научная дискуссия относительно особенностей и четких характеристик внешней политики Китая и его видения относительно своей глобальной роли продолжается²⁰⁴. При этом большое внимание исследователи уделяют непрозрачности процесса принятия решений внутри китайской политической системы, в том числе касающихся международных отношений. Порядок принятия решений, уровень координации взаимодействия ведомств, институциональные механизмы

²⁰⁰ В 2023 г. в КНР был издан Закон «О международных отношениях». Он является основополагающим законодательным актом, который определяет внешнеполитический курс, принципы и институциональную структуру страны.

中华人民共和国对外关系法 = Закон КНР «О международных отношениях». [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjlb_673085/zfxxgk_674865/zcfg/fl/202306/t20230628_11105189.shtml (дата обращения: 19.09.2023).

²⁰¹ Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 83–98.

²⁰² 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 = Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-4.html> (дата обращения: 17.08.2022).

²⁰³ 中国外交政策 = Внешняя политика Китая. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/guoqing/2023-03/12/content_5745875.htm?Eqid=a3dc4a6a0002fffa0000000664590afd (дата обращения: 17.08.2022).

²⁰⁴ Yang Y. E. China's strategic narratives in global governance reform under Xi Jinping / Y. E. Yang. // Journal of Contemporary China. — 2021. — № 128. — С. 299–313.

для продвижения китайской повестки на международной арене при этом являются одними из основных переменных в формуле выработки внешнеполитического курса КНР²⁰⁵. Тем не менее анализ существующих источников и научной литературы позволяет выявить несколько утвердившихся характеристик внешней политики Китая, проводимой под руководством председателя КНР Си Цзиньпина.

Во-первых, это так называемая сицзиньпинизация, представляющая собой процесс персонификации идеологии и курса страны в соответствии с принципами, выдвигаемыми председателем КНР Си Цзиньпином. С момента вступления в должность в 2012 г. лидер КНР сделал упор на консолидацию государственной власти, централизацию процессов принятия решений и укрепление своего положения в структуре Коммунистической партии Китая²⁰⁶. Термин «Сипломатия» и его англоязычный аналог «Xiplomasy» закрепились в официальных китайских СМИ и отражают персонифицированный характер внешней дипломатии под руководством Си Цзиньпина²⁰⁷.

Вторая характеристика — преемственность. Внешняя политика КНР при Си Цзиньпине находится в стадии планомерного перехода от предыдущих концепций, в частности от идей Дэн Сяопина, к новым стратегиям. Однако, несмотря на резкое ужесточение риторики и большую ассертивность на международной арене, процесс трансформации происходит плавно и эволюционно²⁰⁸.

²⁰⁵ Денисов И. Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК / И. Е. Денисов. // Международная аналитика. — 2018. — № 2. — С. 28–36.

²⁰⁶ Денисов И. Е. Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КН / И. Е. Денисов. // Тетради по консерватизму. — 2015. — № 5. — С. 112–118.

²⁰⁷ Xiplomasy: Xi's global governance philosophy helps address challenges, promote shared growth. [Электронный ресурс] URL: <https://english.news.cn/20220624/d0d5d92c95aa4da989f2bb50c51fb9ee/c.html> (дата обращения: 17.08.2022).

²⁰⁸ Портяков Я. В. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация / Я. В. Портяков. // Проблемы Дальнего Востока. — 2012. — № 5. — С. 14–27.

Идеи Дэна Сяопина о преимуществе экономического развития и ненавязчивом поведении на мировой арене по-прежнему влияют на внешнеполитическое мышление китайского руководства. Его принцип *таогуан янгуи* (韬光养晦), означающий «прятаться в тени и ждать своего часа», направлен на поддержание гибкости во внешней политике для обеспечения мира и стабильности. Внешняя политика Китая служит внутренним целям, таким как улучшение жизни населения и укрепление авторитета Компартии, сохранение внутривнутриполитической стабильности²⁰⁹.

Осторожность и осмотрительность в принятии внешнеполитических решений связаны с желанием сохранить авторитет партии внутри страны. Внешнеполитический курс также становится все более секьюризованным, с учетом рисков, связанных с растущим участием Китая в международных делах²¹⁰.

Третьей важной характеристикой внешней политики КНР является планомерное расширение геополитического присутствия. С начала XXI в. страна присоединилась к ряду важных международных организаций, включая Всемирную торговую организацию, Международный валютный фонд и другие. Однако, не имея решающего голоса в этих организациях, Китай стремится к увеличению своего влияния и реформированию международных структур. Для этой цели создаются альтернативные международные объединения, где Китай играет ведущую роль.

Примерами таких организаций являются Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, а также Форумы сотрудничества Китая с арабскими государствами, Африкой и другими регионами. Кроме того,

²⁰⁹ Россия и Китай. Четыре века взаимодействия / А. В. Лукин, А. И. Денисов, Е. П. Бажанов [и др.]. — Москва : ООО Издательство Весь Мир, 2013. — 704 с.

²¹⁰ Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 10 (5). — С. 83-98.

Китай активно вносит свой вклад в глобальное управление, выдвигая собственную идею «сообщества единой судьбы»²¹¹.

Участие в международных организациях и инициация новых проектов придает Китаю престиж и легитимность на мировой арене, а создание новых международных институтов может способствовать реформированию международного порядка²¹².

В качестве четвертой характеристики внешней политики КНР необходимо обратить внимание на укрепление обороноспособности. В официальных документах, а также в выступлениях лидеров и высокопоставленных чиновников Китая регулярно подчеркивается мирный характер развития страны. Однако современная внешняя политика Китая в значительной мере ориентирована на обеспечение безопасности, учитывая вызовы внутренней стабильности, сепаратистские движения, террористическую угрозу, территориальные споры и напряженные отношения с США.

Эти факторы послужили предпосылками для проведения масштабной реформы Вооруженных сил КНР, которая была заявлена Си Цзиньпином в 2015 г. и впоследствии была отражена в новом Уставе партии. Исторически Народно-освободительная армия Китая играла ключевую роль в формировании и внутренней политики страны. С увеличением глобального присутствия Китая стало ясно, что армия должна эффективно реагировать на новые вызовы²¹³. Так, сегодня Китай занимает второе место в мире по военному бюджету после США, опережая Россию, а расходы на оборону

²¹¹ Сообщество единой судьбы. [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0317/c417128-9972616.html> (дата обращения: 04.09.2023).

²¹² Zhang Y, Power and responsibility in Chinese foreign policy / Y. Zhang, G. Austin. — 1. — Salisbury : Griffin Press, 2013. — 308 с.

Chen Y. The Changing Identity of China in Global Governance and International Institutions / Y. Chen. // Contemporary International Relations. — 2018. — № 5. — С. 105–116.

²¹³ Кокошин А. А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России / А. А. Кокошин. — Москва : РОССПЭН, 2003. — 528 с.

выросли на 63% с 2013 по 2022 гг.²¹⁴ К 2022 г. Китай также обладал одной из самых мощных армий и крупнейшим в мире флотом, что является свидетельством особого внимания руководства страны к морской стратегии государства.

Несмотря на то, что отношение Китая к морским пространствам варьировалось в разные исторические периоды — от стимулирования морской торговли и исследований до их строгого запрета²¹⁵, современные условия вынудили руководство КНР радикально пересмотреть значимость прилегающих морских пространств. В первую очередь это произошло в контексте обеспечения экономической, энергетической и военной безопасности.

В эволюции взглядов китайского руководства на морскую политику в рамках процесса развития военной политики КНР российский китаевед В. Кашин выделяет четыре периода²¹⁶. Морское измерение в первые десятилетия существования КНР не было для руководства страны приоритетным направлением. Перед первым председателем КНР Мао Цзэдуном стояли другие задачи: восстановление страны после жестокой гражданской войны и японского вторжения, земельная реформа, индустриализация, внутривластные вызовы, укрепление власти КПК.

214 Для сравнения: за аналогичный период военные расходы США выросли на 2,7%, России — на 15%. В то же время доля военных расходов от ВВП страны в США составляет 3,5%, в России 4,1%, а в Китае 1,6%.

Trends in World Military Expenditure, 2022. SIPRI Fact Sheet. [Электронный ресурс] URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-04/2304_fs_milex_2022.pdf (дата обращения: 04.10.2023).

²¹⁵ Zhao G. The Qing Opening to the Ocean: Chinese Maritime Policies, 1684-1757 / Z. Gang. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 2013. — 282 с.

Мясников В. С. Границы Китая: история формирования : монография / В. С. Мясников, Е. Д. Степанов, А. А. Бокщанин. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 469 с.

²¹⁶ Кашин В. Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949—2014 гг. / В. Б. Кашин. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2013. — № 4. — С. 106–129.

В то же время морская стратегия была в повестке политического плана Мао Цзэдуна. В 1951 г. он выдвинул идею «Великой морской стены»²¹⁷.

В период реформ и открытости морское пространство стало играть для Китая более важную роль. Протяженность береговой линии КНР составляет 18 тыс. км, и без развития морской сферы невозможны были бы ни реформы, ни открытость. Так, «архитектор китайской перестройки» Дэн Сяопин предложил «отложить споры и совместно осваивать морские пространства» (搁置争议, 共同开发)²¹⁸.

В дальнейшем вклад в освоение морских рубежей внес «отец современного ВМФ» Китая, командующий ВМС НОАК в 1982–1988 гг. адмирал Лю Хуацин²¹⁹. Он выдвинул концепцию «активной обороны в ближних морях». Она включает в себя, во-первых, установление контроля над так называемой первой цепью островов — Курилы, Японские острова, Тайвань, Филиппины и Борнео. Во-вторых, в пределах второй цепи островов — до Бонинских и Марианских и Каролинских островов. Дальнейшее развитие ВМС Китая должно сделать КНР глобальным игроком, равным по возможностям США²²⁰.

При председателе КНР Цзян Цзэминь ВМС НОАК должны были быть готовы к выполнению боевых задач в локальном конфликте²²¹. Современный этап развития морской стратегии начался в 2004 г. при председателе Ху Цзиньтао. Он поставил перед армией историческую задачу обеспечения безопасности в так называемый период благоприятных

²¹⁷ 论毛泽东海防战略思想 = О стратегической мысли Мао Цзэдуна о береговой обороне // Научно-исследовательский институт истории и литературы ЦК КПК. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0228/c423718-30948528.html> (дата обращения: 04.09.2023).

²¹⁸ “搁置争议, 共同开发” = «Отложим споры и развиваемся вместе». [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200011/t20001107_10250989.shtml (дата обращения: 04.09.2021).

²¹⁹ Кашин В. Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949—2014 гг. / В. Б. Кашин. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2013. — № 4. — С. 106–129.

²²⁰ Там же.

²²¹ Каменнов П. Б. Китай: принципы активной обороны / П. Б. Каменнов. // Международная жизнь. — 2010. — № 4. — С. 40–56.

возможностей для процветания, поддержания национальных интересов КНР и общемирового, глобального развития²²². Последние две задачи до этого никогда не стояли перед китайским военным руководством. Именно это направление развития морской стратегии КНР продолжило пятое поколение руководителей КНР во главе с Си Цзиньпином.

При пятом поколении руководителей КНР морская стратегия вышла на передний план внешней и оборонной политики страны. Вступив в должность председателя КНР в 2013 г., Си Цзиньпин наряду с другими инициативами выдвинул идею «морской дипломатии» (海外外交) как часть нового внешнеполитического и дипломатического подхода, а также озвучил идеи о развитии экономики страны на основе морских ресурсов и сохранения экологической гармонии²²³. Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал важность морской стратегии для дальнейшего развития Китая, объясняя ее роль в защите национального суверенитета и обеспечении безопасности. Он акцентировал внимание на приоритетности национального суверенитета, безопасности и контроле за морскими границами, а также на решительной защите территориального суверенитета и интересов Китая в морских пространствах²²⁴. Эти принципы также отражены в XIII пятилетнем плане развития, принятом в 2016 г., который выделяет развитие «голубой экономики» как один из приоритетов²²⁵.

²²² В конце 2004 г. прошло расширенное заседание Центрального военного совета КНР.

²²³ 中国共产党领导下的边海外交百年历程 = Век пограничной и морской дипломатии под руководством Коммунистической партии Китая. [Электронный ресурс] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?Id=1707924033563579690&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 04.09.2019).

²²⁴ 习近平: 进一步关心海洋认识海洋经略海洋 推动海洋强国建设不断取得新成就 = Си Цзиньпин: Дальше уделять внимание океану, познавать океан, осваивать океан — способствовать строительству великой морской державы и добиваться новых успехов. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-07/31/c_116762285.htm. (дата обращения: 02.09.2022).

²²⁵ 中国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要(全文) = XIII пятилетний план народно-хозяйственного и общественного развития (Полный текст). [Электронный ресурс] URL: http://www.china.com.cn/lianghui/news/2016-03/17/content_38053101.htm (дата обращения: 03.09.2022).

Вооруженные силы также являются стратегической опорой для осуществления флагманской концепции Си Цзиньпина — «мечты о великом возрождении китайской нации»²²⁶.

После 2015 г. руководство КНР конкретизировало задачи, которые предстояло решать ВМС НОАК. Среди них обеспечение как национального суверенитета в Восточном и Южно-Китайском морях, так и безопасности важнейших морских коммуникационных коридоров, проходящих через ЮКМ, Индийский и Тихий океаны, а также усиление позиции КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе²²⁷. По оценкам самих китайских военных, китайское военное строительство и реформы следуют двум основным принципам: руководящая роль партии и готовность к реальному военному конфликту²²⁸.

Помимо этого, Китай наращивает глобальное военное присутствие посредством участия в международных военных учениях, форумах безопасности и сотрудничества, заключения стратегических партнерских отношений, а также содействия миротворческим операциям под эгидой ООН²²⁹. В 2019 г. была выпущена Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эпоху»²³⁰. Обеспечение военного контроля над морскими акваториями, которые КНР считает входящими в свою национальную территорию, занимает в ней значительное место.

Контроль над стратегически важными морскими путями, в частности над Малаккским проливом, Пекин связывает с обеспечением

²²⁶ Си Цзиньпин. Для того чтобы сбылась «китайская мечта», необходимо следовать по китайскому пути. [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8176942.html> (дата обращения: 15.05.2020).

²²⁷ Андрианов В. П. Укрепление позиций Китая в АТР: потенциал и пределы / В. П. Андрианов. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2012. — № 3. — С. 49-71.

²²⁸ Военный атташе: Китай придерживается стратегии активной обороны. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/interviews/4792302> (дата обращения: 15.05.2020).

²²⁹ Клименко А. Ф. Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства / А. Ф. Клименко, П. Б. Каменнов. // Проблемы Дальнего Востока. — 2017. — № 2. — С. 69-85.

²³⁰ Xinhua. Full Text: China's National Defense in the New Era. [Электронный ресурс] URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения: 18.03.2020).

энергетической безопасности. Так называемая Малаккская дилемма была впервые упомянута председателем КНР Ху Цзиньтао в 2003 г.²³¹ Контроль над Малаккским проливом означает для Китая фактическое управление энергетическими маршрутами. Индийский океан играет важную роль для национальной безопасности КНР, так как через него пролегают морские маршруты из Африки и Ближнего Востока²³².

При пятом поколении руководителей дилемма стала еще более актуальной, так как через Малаккский пролив проходит более 70% китайского импорта СПГ и значительная доля энергоносителей. В 2019 г. из ста крупнейших портов мира 22 принадлежали Китаю, шесть из них входили в топ-10, и все они расположены на морских маршрутах, проходящих через ЮКМ. China Ocean Shipping Company (COSCO Group) входит в пятерку крупнейших мировых операторов контейнерных перевозок, обеспечивая 10,9% глобальных контейнерных перевозок²³³.

Еще одним аспектом обеспечения национальной безопасности для КНР является контроль над Тайваньским проливом и противостояние с США в АТР. Поддержание стабильности в отношениях с Тайбэем и «мирное объединение» Тайваня и материкового Китая являются приоритетом нынешнего китайского руководства²³⁴. С другой стороны, США, придерживаясь принципа стратегической неопределенности в

²³¹ 中国的“马六甲困局” = «Малаккская дилемма» Китая. [Электронный ресурс] URL: http://zqb.cyol.com/content/2004-06/15/content_888233.htm (дата обращения: 03.09.2023).

²³² Graham E. Maritime security and threats to energy transportation in Southeast Asia / E. Graham. // The RUSI Journal. — 2015. — № 2. — С. 20—31.

²³³ One Hundred Ports 2019. Lloyd's List. [Электронный ресурс] URL: <https://lloydslist.maritimeintelligence.informa.com/one-hundred-container-ports-2019> (дата обращения: 31.08.2023).

Alphaliner TOP 100. AXS MARINE : Connecting the shipping community. [Электронный ресурс] URL: <https://alphaliner.axsmarine.com/public/top100/> (дата обращения: 31.08.2023).

²³⁴ Си Цзиньпин заявил, что мы должны твердо продвигать практику «одна страна, две системы» и великое дело воссоединения Родины. [Электронный ресурс] URL: http://www.news.cn/politics/2023lh/2023-03/13/c_1129429219.htm (дата обращения: 04.09.2023).

отношении соблюдения принципа «одного Китая»²³⁵, поддерживают статус-кво в регионе, при этом являясь главным поставщиком вооружений Тайбэю²³⁶.

США бросают вызов КНР в регионе и другими способами, создавая стратегические альянсы, направленные на сдерживание Китая в АТР. Авторы Стратегии национальной безопасности США 2017 г. указывали, что Китай стремится вытеснить США из Индо-Тихоокеанского региона, расширить сферу применения своей экономической модели и установить в регионе свое видение мирового порядка²³⁷.

Так, в 2017 г. администрацией Д. Трампа на фоне эскалации напряженности в отношениях США и КНР была восстановлена работа Четырехстороннего диалога по безопасности QUAD, в который входят США, Австралия, Индия и Япония. Работа диалога затрагивает чувствительные для Пекина темы, такие как охрану морских границ в ЮВА и Индийском океане. Пекин в ответ на подобные инициативы призывал страны QUAD «не провоцировать блоковое противостояние» в регионе²³⁸. Другой проект — Трехсторонний пакт безопасности, образованный США, Австралией и Великобританией (AUKUS) в 2021 г., и его потенциальное расширение воспринимают в КНР как «опасный шаг к росту напряженности в АТР»²³⁹.

Вывод к параграфу. Историческая детерминированность играет ключевую роль в развитии внешнеполитической и военно-морской

²³⁵ «Стратегическая неопределенность», или «двусмысленность», понимается как намеренное создание в Пекине и Тайбэе неопределенности относительно того, могут ли Соединенные Штаты вмешаться в случае горячего конфликта в Тайваньском проливе.

²³⁶ Лексютина США и политика «одного Китая» / Лексютина, В. Я. // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 99—116.

²³⁷ National Security Strategy of the United States of America - December 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

²³⁸ МИД Китая призвал страны Quad не провоцировать блоковое противостояние. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14712059> (дата обращения: 18.03.2024).

²³⁹ В МО КНР назвали расширение AUKUS рискованным шагом в опасном направлении. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20381887> (дата обращения: 18.03.2024).

стратегии КНР, ее необходимо учитывать при анализе современных подходов страны к обеспечению национального суверенитета. Морская политика Китая во многом основывается на исторической памяти о периоде, когда страна находилась в полуколониальном статусе: вторжение западных колонизаторов в Китай произошло именно через Южно-Китайское море. Однако не только историческая память определяет современную политику КНР. Объективная необходимость обеспечения национальной безопасности и внутренней стабильности государства с протяженной морской границей мотивирует стремление к укреплению морских рубежей. Расширение морской «буферной зоны» способствует предупреждению угроз национальной безопасности, исходящих с моря. Как бы то ни было, в общем контексте возвышения Китая и его попыток утвердить национальный суверенитет в пределах границ бывшей империи возвращение геополитического статуса, свойственного имперскому Китаю, можно рассматривать как основу формирования современных внешнеполитических и пограничных концепций КНР.

1.3. Пограничная система КНР в Южно-Китайском море: законодательная база и вертикаль управления

Морская правовая система КНР основана на совокупности международных законов и внутригосударственных правовых актов, регулирующих использование морского пространства. Вопросы юрисдикции КНР в отношении морских акваторий определяются не только Конвенцией ООН по морскому праву, но также внутренними законодательными актами Китая.

Отечественный исследователь китайского права К. Н. Третьяков представляет классификацию китайского морского законодательства, основываясь на юридической значимости и области применения норм. Она включает в себя разделение на законодательные и подзаконные нормы, утверждаемые на центральном и местном уровнях власти. Далее, согласно

предмету правового регулирования, законодательство подразделяется на *нормативные документы с общими положениями*, применимыми к урегулированию общественных отношений, связанных с использованием морских ресурсов, и *специализированные акты*, напрямую касающиеся морского права²⁴⁰.

В числе актов *общего характера* ключевое место занимает Конституция КНР 1982 г., включающая в себя статьи, применимые к морским правоотношениям. Например, статья 107, определяющая полномочия местного управления в различных сферах, лежит в основе принятия региональных нормативных актов, регулирующих вопросы морского права. Другим примером нормативного акта общего характера можно считать Таможенный кодекс КНР 1987 г., который содержит положения, касающиеся таможенного контроля и морской торговли и воздействующие на перемещение товаров через морские границы²⁴¹.

Среди специализированных законов следует выделить следующие: Закон КНР «О территориальном море и прилежащей зоне», который определяет статус территориального моря и прилегающей зоны, а также устанавливает правила и ограничения их использования²⁴². Закон «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе» соответственно регулирует деятельность в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе²⁴³. Закон КНР «Об охране окружающей

²⁴⁰ Третьяков, К. Н. Правовые основы морской политики Китая / К. Н. Третьяков. // Московский журнал международного права. — 2012. — № 3. — С. 77-107.

²⁴¹ 中华人民共和国海关法 = Таможенный закон КНР. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/dtdmxgfl/202303/P020230313585877676135.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

²⁴² 中华人民共和国领海及毗连区法 = Закон КНР о территориальном море и прилежащей зоне. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hyfxzhxfl/202303/P020230313590260322670.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

²⁴³ 中华人民共和国专属经济区及大陆架法 = Закон КНР об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hyfxzhxfl/202303/P020230313590134788658.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

морской среды» устанавливает основные принципы и положения, касающиеся охраны морской среды²⁴⁴, и т.д.

Следует отметить, что морское право в КНР регулируется множеством нормативных актов различного уровня, что нередко приводит к дублированию регулирования и юридическим пробелам. Это многообразие затрудняет управление береговой зоной, распределяя ответственность между различными органами, что часто ведет к противоречиям и неэффективности. В связи с этим с 2012 г. в стране был инициирован ряд реформ, затронувших в числе прочего ведомственную структуру, в полномочия которой входит администрация районов, включающих в себя спорные территории в ЮКМ.

МИД КНР разделяет пограничные и морские законы с точки зрения направленности действия на 11 категорий:

1. Комплексные законы, касающиеся границы и земельных ресурсов, которые относятся к законодательным актам *общего характера*²⁴⁵. Среди них: «Земельный и национальный пограничный закон», Закон «О национальной обороне», «Водное право КНР», Закон «О предотвращении и контроле загрязнения воды», Закон «О профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями».
2. Законы и другие документы, касающиеся съемки и картографии сухопутных границ, которые также относятся к актам *общего характера*²⁴⁶.

²⁴⁴ 中华人民共和国海洋环境保护法 = Закон КНР «Об охране окружающей морской среды» (1982 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgxode4ytixzthimjaxogi2mja3ntmxnje4ogy%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

²⁴⁵ 陆地方向综合性法律 = Комплексные законы о землеустройстве. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/ldfxzhxfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

²⁴⁶ 陆地边界测绘相关法律 = Законы, касающиеся съемки и картографии сухопутных границ. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/ldbjchxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

Закон «О геодезии и картографии», «Постановления КНР об управлении результатами геодезических исследований и картографирования».

3. Законы и другие документы, связанные с географическими названиями и регулированием карт²⁴⁷. В эту категорию входят как акты *общего характера*, такие как «Правила регулирования [географических] карт», «Положения о регулировании проверки [географических] карт», «Правила регулирования географических названий» и т. д., так и *специализированные законодательные документы*, относящиеся к топонимике конкретных регионов, таких как Южный Тибет, Восточно-Китайское море, острова Дяоюйдао.

Применительно к ЮКМ в данную категорию входят два документа: «Стандартные топонимы островов Южно-Китайского моря»²⁴⁸ и «Заявление Министерства природных ресурсов и Министерства гражданской администрации о публикации стандартных названий некоторых островов, рифов и географических объектов морского дна в Южно-Китайском море *Китая*»²⁴⁹.

Первый документ представляет собой перечень островов, рифов и других образований в ЮКМ, содержащий их общепринятые китайские иероглифические названия, названия в системе латинской транскрипции пиньинь и названия на местном диалекте. Всего в реестре числится 289

²⁴⁷ 地图地名相关法律 = Законы, связанные с географическими названиями на карте. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/dtdmxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

²⁴⁸ 我国南海诸岛部分标准地名 = Некоторые стандартные топонимы островов Южно-Китайского моря в моей стране. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/dtdmxgfl/202303/P020230313585088793886.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

²⁴⁹ 自然资源部、民政部关于公布我国南海部分岛礁和海底地理实体标准名称的公告 = Заявление Министерства природных ресурсов и Министерства по гражданским делам о публикации стандартных названий некоторых островов, рифов и географических объектов морского дна на юге моей страны. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/dtdmxgfl/202303/P020230313584749968923.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

Следует отметить, что в названии документа подчеркивается принадлежность ЮКМ Китаю — 我国南海 (кит. Южное море моей страны).

названий, образования делятся на острова (кит. дао, 岛), архипелаги (кит. цюньдао, 群岛), рифы (кит. цзяо, 礁), отмели (кит. шачжоу, 沙洲), малые острова (кит. юй, 屿), камни, скалы (кит. ши, 石), банки, отмели на небольшой глубине (кит. аньша, 暗沙), отмель с пологим берегом, наносной островок (кит. тань, 滩), скалы (кит. янь, 岩).

Во втором документе приведены названия архипелагов, к которым относятся образования в ЮКМ, их стандартные названия на китайском языке, в системе пиньинь, а также их координаты. Всего в документе насчитывается 80 наименований.

4. Законы и другие документы, касающиеся управления сухопутными границами²⁵⁰: Таможенный кодекс КНР, Закон «О порядке выезда и въезда в КНР», «Правила оформления пропусков в зоны пограничного контроля», «Правила пограничного контроля для пограничных провинций» (Хайнань в них не включен, так как не является сухопутной пограничной провинцией).

5. Комплексное морское право включает в себя законы *общего характера*²⁵¹: «О территориальном море и прилежащей зоне», «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе», «О береговой охране», «О безопасности морского движения».

6. Законы и иные документы общего характера, связанные с использованием морских территорий²⁵²: Закон «Об управлении использованием морской территории», Положение «Об управлении правами пользования морской территорией».

²⁵⁰ 陆地边界管理相关法律 = Законы, касающиеся управления сухопутными границами. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/ldbjpglxf/ (дата обращения: 08.05.2021).

²⁵¹ 海洋方向综合性法律 = Комплексное морское право. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hyfxzhxf/ (дата обращения: 08.05.2021).

²⁵² 海域使用相关法律 = Законы, связанные с использованием морских территорий. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hysyxf/ (дата обращения: 08.05.2021).

7. Закон КНР «О защите островов»²⁵³ также относится к актам *общего характера*, в нем указаны общие правила охраны и использования островов, в том числе строительства на них инфраструктуры. Таким образом, для строительства инфраструктуры на спорных островах также существует определенная законодательная база.
8. Законы, касающиеся защиты морской среды²⁵⁴: Закон «Об охране морской среды», Постановление «Об управлении сбросами морских отходов», Положение «Об охране окружающей среды и управлении морской разведкой и разработкой нефти» и т. д.
9. Законы и подзаконные акты, связанные с рыболовством²⁵⁵: Закон «О рыболовстве», «Правила управления лицензиями на рыболовство», Положение «Об управлении рыболовной деятельностью иностранцев и иностранных судов в морских районах, находящихся под юрисдикцией КНР» и др.
10. Законодательные документы, связанные с морскими научными исследованиями²⁵⁶: Положение «Об управлении морскими научными исследованиями, связанными с зарубежными странами».
11. Положение «О защите подводных культурных реликвий и управлении ими»²⁵⁷.

²⁵³ 中华人民共和国海岛保护法 = Закон КНР о защите островов. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hdglxgfl/202303/P020230313600325797695.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

²⁵⁴ 海洋环保相关法律 = Законы, касающиеся защиты морской среды. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hyhbxxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

²⁵⁵ 渔业相关法律 = Законы, связанные с рыболовством. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/yyxxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

²⁵⁶ 海上科研相关法律 = Законы, связанные с морскими научными исследованиями. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hskyxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

²⁵⁷ 中华人民共和国水下文物保护管理条例 = Положение КНР о защите подводных культурных реликвий и управлении ими. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/sxwwxxgfl/202303/P020230313614774683268.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

Такая классификация отражает многоаспектность пограничного и морского законодательства, охватывая широкий спектр правового регулирования от земельных границ до морской деятельности и экологической безопасности.

Законодательная база также охватывает международные договоры и межгосударственные соглашения о границе, которые в рамках данной диссертации разделены на две категории:

1. Международные договоры: Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Международная конвенция по регулированию столкновений судов на море 1972 г.²⁵⁸, Многосторонние международные договоры по защите морской среды, Международные договоры о морских научных исследованиях; Многосторонние международные договоры, регулирующие рыболовство.

2. Двусторонние морские договоры: Соглашение между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам об основных принципах разрешения морских вопросов²⁵⁹; Соглашение между КНР и СРВ о разграничении территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в

²⁵⁸ 1972 年国际海上避碰规则公约 = Международная конвенция по предотвращению столкновений судов на море 1972 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/hsjtaqdbty/202303/P020230320579524118271.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

²⁵⁹ 中华人民共和国和越南社会主义共和国关于指导解决中华人民共和国和越南社会主义共和国海上问题基本原则协议 = Соглашение между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам об основных принципах разрешения морских вопросов между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/hydzjjsbty/202303/P020230320586749204484.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

Тонкинском заливе²⁶⁰; Двусторонние договоры о сотрудничестве в сфере рыболовства и разведки природных ресурсов с другими государствами²⁶¹.

Законодательная база морской политики КНР как частный случай правовой системы КНР характеризуется в первую очередь особым положением в сфере соотношения международного и внутригосударственного права. В вопросе соотношения между международным и национальным правом государства могут оставлять за собой «свободу действий», не закрепляя на конституционном уровне четкие нормы взаимоотношения международного и внутригосударственного права. Такой подход позволяет широко интерпретировать и применять международные нормы, особенно в тех сферах, где политические аспекты играют значительную роль. Так, несмотря на то что КНР не только приняла и ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву, но и активно участвовала в ее формировании, официальное законодательство КНР относительно морских границ не всегда соответствует положениям Конвенции.

В своих работах К. Н. Третьяков предпринимает попытку анализа предпосылок, формирующих подход КНР к вопросам взаимосвязи международного и национального права. Автор указывает, что китайская правовая доктрина предполагает осторожный подход к вопросу интеграции международных и национальных правовых норм, отвергая строгую классификацию монизма и дуализма в пользу обтекаемых китайских формулировок «гармоничного единства» и «естественной

²⁶⁰ 中华人民共和国和越南社会主义共和国关于两国在北部湾领海、专属经济区和大陆架的划界协定 = Соглашение между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам о разграничении территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа двух стран в Тонкинском заливе. [Электронный ресурс] URL:https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/hyhjsbty/202303/P020230320586210738711.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

²⁶¹ 渔业合作双边条约 = Двусторонний договор о сотрудничестве в рыболовстве. [Электронный ресурс] URL:https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/yyhzbty/ (дата обращения: 08.05.2021).

согласованности». Данная концептуальная основа объясняется через призму исторического развития: влияние опиумных войн и критический анализ внешнеполитических соглашений, заключенных предыдущей властью.

Отечественный правовед П. А. Гудев указывает, что уже на III Конференции ООН по морскому праву Китай выступал за ограничение права мирного прохода для иностранных военных кораблей в ЮКМ – на чем Пекин настаивает и сейчас. Это противоречило интересам ведущих морских держав, таких как СССР, США, Великобритания и Франция. Принятая система принятия решений на конференции позволяла игнорировать мнения менее влиятельных стран, каковой на тот момент являлась КНР²⁶².

К. Н. Третьяков также подчеркивает роль практики СССР, который также не закреплял в своем конституционном законодательстве четкие нормы, регламентирующие взаимосвязь международного и национального права, что повлияло на формирование подобной правовой стратегии в Китае²⁶³.

В КНР отсутствие прямого положения о соотношении международного и национального права в Конституции приводит к тому, что регулирование этого вопроса происходит на уровне подзаконных актов, формируя базу для соответствующей судебной практики: принципы международного права применяются к конкретным сферам общественных отношений. В случае, если положения международных документов не соответствуют внутреннему законодательству, приоритет отдается национальному праву.

²⁶² Гудев П. А. Политика Китая и международное морское право / П. А. Гудев. // Ежегодник СИПРИ. — 2017. — № Т. 2016. — С. 968–979.

²⁶³ Третьяков К. Н. Правовые основы морской политики Китая / К. Н. Третьяков. // Московский журнал международного права. — 2012. — № 3. — С. 77-107.

П. А. Гудев указывает, что Китай не только интерпретирует положения Конвенции шире, чем это предусмотрено, но и явно нарушает ее основные статьи. Хотя в национальных законодательствах многих стран также есть положения, конфликтующие с Конвенцией, только Китай в таком масштабе пренебрегает ее требованиями на своих морских территориях. К нарушениям относится ограничение права мирного прохода военных кораблей через территориальное море, попытки увеличения зоны безопасности, отказ признавать свободу судоходства и воздушного пространства в исключительной экономической зоне, а также установление строгих условий для морских исследований в своей ИЭЗ, превышающих требования Конвенции²⁶⁴.

В китайском законодательстве относительно ЮКМ зафиксированы положения, явно противоречащие международным правовым нормам. Так, острова ЮКМ, согласно официальной позиции Пекина, признаются обладающими как внутренними, так и территориальными водами, а также прилегающими районами. Кроме того, КНР настаивает на том, что эти острова обладают ИЭЗ и континентальным шельфом²⁶⁵. Однако эти заявления нарушают условия Конвенции и не признаны другими странами. Гаагский трибунал на основании положений Конвенции признал претензии КНР на данные острова незаконными.

КНР настаивает на интеграции акватории ЮКМ в свою национальную границу. Во 2-й статье Закона «О территориальном море и прилежащей зоне» подчеркивается, что сухопутные территории КНР охватывают непосредственно материковую часть республики, а также ее прибрежные острова, включая Тайвань, а также острова, рассматриваемые как

²⁶⁴ Гудев П. А. Политика Китая и международное морское право / П. А. Гудев. // Ежегодник СИПРИ. — 2017. — № Т. 2016. — С. 968–979.

²⁶⁵ 关于中国在南海的领土主权和海洋权益中国政府严正声明！ = О территориальном суверенитете, морских правах и интересах Китая в Южно-Китайском море Китайское правительство торжественно заявляет! [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-07/12/content_5090628.htm (дата обращения: 21.10.2021).

вспомогательные, такие как Дяоюйдао, Пэнху, Дунша (архипелаг Пратас), Сиша (архипелаг Спратли), Чжунша (архипелаг Маклесфилд), Наньша (Парасельские острова)²⁶⁶. Острова включены в рамки в так называемой пунктирной или U-образной линии (во Вьетнаме ее также называют «линией бычьего языка»), которая охватывает существенную часть акватории ЮКМ и пересекает ИЭЗ других прибрежных государств.

Дополнительно в рамках Закона «О территориальном море и прилегающей зоне» в 1996 г. Пекин направил Декларацию о границах территориальных вод в ООН. В данной декларации указывается, что территориальные воды КНР в ЮКМ охватывают архипелаг Сиша (Парасельские острова)²⁶⁷. При этом Пекин не предоставляет конкретных координат данной линии, настаивая на том, что суверенитет Китая простирается на все водные пространства и объекты в «указанной области». Хотя точных координат линии китайская сторона не публиковала, визуально она покрывает около 90 проц. площади ЮКМ (см. Приложение 1).

В соответствии с законодательством Китая, иностранные военные корабли обязаны предварительно получить разрешение от китайских властей для безопасного прохода через китайские территориальные воды, включая все ЮКМ. Согласно статье 6 Закона КНР «О территориальном море и прилегающей зоне», иностранные военные корабли, входящие в

²⁶⁶ 中华人民共和国领海及毗连区法 = Закон КНР о территориальном море и прилегающей зоне. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbm_673085/zjzg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hyfxzhxfl/202303/P020230313590260322670.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

²⁶⁷ 国家海洋局坚决维护钓鱼岛主权和海洋权益大事回眸 2012 年 9 月 10 日,日本政府宣布所谓“购买”钓鱼岛 = Государственная океаническая администрация решительно защищает суверенитет, морские права и интересы островов Дяоюйдао. Обзор основных событий. 10 сентября 2012 года правительство Японии объявило о так называемой «покупке» островов Дяоюйдао. [Электронный ресурс] URL: https://www.mnr.gov.cn/dt/hy/201303/t20130308_2330851.html (дата обращения: 22.05.2021).

территориальные воды КНР, должны получить разрешение от правительства КНР²⁶⁸.

В заявлении о территориальном и морском суверенитете в ЮКМ МИД КНР также отмечало, что Китай уважает и поддерживает свободу судоходства и полетов, которой пользуются все страны в ЮКМ в соответствии с международным правом²⁶⁹. Китай выражает готовность сотрудничать с другими прибрежными странами и международным сообществом для обеспечения безопасности и свободного движения по международным судоходным каналам в ЮКМ. В то же время Пекин предпринимает меры для ограничения иностранной военной деятельности в своей 200-мильной исключительной экономической зоне²⁷⁰.

Например, Министерство обороны США реализует в ЮКМ специализированную программу правительства США по обеспечению свободы судоходства (The freedom of navigation operations program, FONOP)²⁷¹. В Китае программу оценивают как «военную операцию США в ЮКМ» и указывают, что она политизирована с целью компенсировать недостаток силы США в регионе и ограничения контроля КНР над водами ЮКМ²⁷².

Таким образом, правительство Китая настаивает на своем национальном суверенитете над островами в ЮКМ, ссылаясь как на положения Конвенции, так и на внутригосударственные документы.

²⁶⁸ 中华人民共和国领海及毗连区法 = Закон КНР «О территориальном море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hyfxzhxfl/202303/P020230313590260322670.pdf (дата обращения: 27.07.2022).

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Иванов О. П. Внешняя и оборонная политика КНР. Взгляд из Вашингтона / О. П. Иванов. // Научно-аналитический журнал "Обозреватель - Observer". — 2011. — № 6 (257). — С. 48-56.

²⁷¹ Freedom of Navigation (FON) Program. [Электронный ресурс] URL: <https://policy.defense.gov/Portals/11/dod%20FON%20Program%20Summary%2016.pdf?Ver=2017-03-03-141350-380>. (дата обращения: 01.07.2022).

²⁷² Feature-challenge Freedom of Navigation Operations and the Major Agendas of U.S. Policy toward China. [Электронный ресурс] URL: <http://www.scsipi.org/en/dtfx/feature-challenge-freedom-navigation-operations-and-major-agendas-us-policy-toward-china>. (дата обращения: 01.07.2022).

В соответствии с актами Минприроды КНР, регулирующим картографическое изображение островов ЮКМ, обязательно включение всех островов ЮКМ в карту провинции Хайнань. Острова могут быть представлены как на основной карте, так и в виде приложения. На карте островов ЮКМ должны быть четко обозначены островные гряды, такие как Дунша, Сиша, Чжунша, Наньша, Цзэнму, остров Хуанъянь, а также другие острова и рифы ЮКМ. В общей сложности на карте предусмотрено отображение 25 островов и рифов (см. Приложение 1)²⁷³.

В качестве юридических обоснований своих претензий в ЮКМ Пекин прибегает к концепции «исторических прав». Так, в 14-й статье Закона «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе» подчеркивается, что нормы данного закона не препятствуют действию исторических прав КНР²⁷⁴. В КНР приверженность «историческим правам» страны в ЮКМ рассматривается как согласованная с Конвенцией. Согласно китайской позиции, нормы Конвенции не охватывают полный спектр морского права, напротив, они явно предусматривают применение общих принципов международного права к областям, которые не урегулированы самой Конвенцией. Дополнительно сам текст Конвенции не отвергает концепции «исторических прав», которые были заявлены Пекином в отношении ЮКМ и последовательно поддерживались до момента принятия Конвенции, — указывают в КНР²⁷⁵.

²⁷³ 民政部关于公布我国南海部分岛礁和海底地理实体标准名称的公告民政部关于公布我国南海部分岛礁和海底地理实体标准名称的公告 = Объявление Министерства природных ресурсов и Министерства гражданских дел о публикации стандартных названий некоторых островов, рифов и подводных географических объектов в Южном море Китая. [Электронный ресурс] URL: http://gi.mnr.gov.cn/202004/t20200419_2509115.html. (дата обращения: 22.05.2021).

²⁷⁴ 中华人民共和国专属经济区和大陆架法 = Закон КНР «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе». [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmgq2nzhizje3otaxnjc4ymy1zwfmnjaymdm%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

²⁷⁵ 外交部：中国在南海历史性权利受国际法保护 = Министерство иностранных дел: Китай обладает историческими правами в Южном море, которые защищены международным правом. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-07/06/content_5088941.htm (дата обращения: 22.05.2021).

Как отмечает П. А. Гудев, проблема заключается в том, что, хотя Конвенция признает понятие «исторические воды», она не формулирует четких правил, по которым можно было бы определить, какие воды могут считаться историческими. Он предполагает, что создатели Конвенции специально не включили эти правила, чтобы избежать сложностей и конфликтов, связанных с их определением. В итоге в Конвенции нет конкретных указаний на критерии, которые должны выполняться для признания вод историческими²⁷⁶.

Китай активно стремится подкрепить свои претензии в ЮКМ «исторической базой», которая бы свидетельствовала о длительном и активном использовании морских ресурсов. Однако ссылки Пекина на исторические доказательства, древние карты и документы не находят признания. Речь идет не о сомнениях в их существовании или подлинности — все они находятся в китайских архивах. Сомнению подвергается возможность их использования в качестве обоснования претензий Пекина в ЮКМ. Кроме того, запретительные законы о выходе в море, известные как «морской запрет» времен династии Мин и Цин, слабость центральной власти Китая в XIX и XX вв., которая не обеспечивала эффективного контроля над ЮКМ и его островами, добавляют дополнительной спорности подобным историческим аргументам.

Постоянная палата третейского суда в Гааге по поводу споров в ЮКМ между Филиппинами и Китаем в 2016 г. сделала однозначный вывод о том, что использование Пекином аргумента о «историческом праве» не имеет законного основания для заявлений о суверенитете над этими акваториями²⁷⁷. Тем не менее понятие «историческое право» продолжает

²⁷⁶ Гудев П. А. Политика Китая и международное морское право / П. А. Гудев. // Ежегодник СИПРИ. — 2017. — № Т. 2016. — С. 968–979.

²⁷⁷ The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China). [Электронный ресурс] URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/7/> (дата обращения: 08.05.2021).

играть центральную роль в морской политике и стратегии Китая, выступая как ключевой элемент в обеспечении национального суверенитета на море.

Наряду с юридическими аргументами, Китай активно использует административные ресурсы для укрепления своих претензий на ЮКМ, что демонстрирует комплексный подход страны к вопросу обеспечения своего суверенитета. Система административного управления КНР спорными территориями в ЮКМ включает в себя не только центральные государственные ведомства и их региональные подразделения, занимающиеся обеспечением суверенитета страны в спорных областях, но и местные управленческие структуры, играющие весомую роль в практическом укреплении позиций Китая в данном регионе.

В структуре центральной государственной власти КНР под эгидой Государственного совета функционирует ряд министерств и ведомств, специализирующихся на развитии, использовании и исследовании морских территорий и прибрежных зон. Особое внимание уделяется морским пространствам, поскольку они выполняют множество критически важных функций, включая обеспечение национальной обороны, поддержание безопасности, регулирование таможенных процедур, управление природными ресурсами и осуществление экологической защиты. В число таких регулирующих органов входит Министерство иностранных дел, которое осуществляет регулирование взаимодействия с международными партнерами, включая подписание соответствующих договоров. Пограничными и морскими делами в рамках Министерства занимается специальный Отдел пограничных и морских дел (边界与海洋事务)²⁷⁸.

Функции обеспечения безопасности в приграничных районах лежат на Министерстве общественной безопасности. Главное таможенное управление несет ответственность за контроль на пунктах пропуска и

²⁷⁸ 边界与海洋事务司 = Отдел пограничных и морских дел. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/ (дата обращения 15.08.2021).

введение карантинных мер. Охрана границы поручена Министерству обороны — Народно-освободительной армии Китая и войскам Народной вооруженной полиции, которые, в соответствии с предоставленными полномочиями, занимаются контролем, обороной государственных рубежей, обеспечением социальной стабильности и предоставлением помощи в чрезвычайных ситуациях населению и местным властям.

Одним из ключевых административных субъектов обеспечения суверенитета КНР в ЮКМ является Государственное океаническое управление (国家海洋局)²⁷⁹ в составе Министерства земельных и природных ресурсов. Управление осуществляет регулирование и управление использованием морских территорий, обеспечивает охрану морской среды, защищает государственные морские права и интересы, а также координирует проведение научных и технологических исследований в морских областях²⁸⁰.

На провинциальном и окружном уровнях местные административные структуры играют значительную роль в осуществлении национального суверенитета КНР в ЮКМ. Так, административные органы островной провинции Хайнань обладают полномочиями по осуществлению всех претензий Китая в данном регионе: поддержанию порядка в море, разработке необходимой инфраструктуры и предоставлению логистической поддержки объектам в ЮКМ.

Исследование законодательства КНР по управлению морскими территориями выявляет кооперативную модель разграничения полномочий между центральными и местными органами. Центр устанавливает общие

²⁷⁹ В научной литературе на русском языке существует два варианта перевода с китайского языка названия ведомства 国家海洋局 (гоцзя хайян цзю) – Государственное океанологическое управление и Государственная океанологическая администрация (в соответствии с англоязычным названием ведомства State Oceanic Administration). В рамках данного исследования использован общепринятый перевод 局 (цзю) с китайского языка — управление.

²⁸⁰ 国家海洋局简介 = Государственная океаническая администрация КНР. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/bumenfuwu/2007-11/28/content_2598855.htm (дата обращения 15.08.2021).

принципы для освоения и охраны морей, в то время как местные власти регулируют конкретные аспекты правоприменения. Сложность системы, обусловленная большим количеством регулирующих органов, приводит к дублированию норм и несогласованности исполнения решений и директив²⁸¹.

В рамках осуществления своей политики в ЮКМ создание новых административных единиц в оспариваемых районах становится важным инструментом для властей. В частности, в 2012 г. Госсовет КНР объявил о создании городского округа Сانشа на острове Вуди (кит. Юнсин), входящем в управление провинции Хайнань²⁸².

В апреле 2020 г. в провинции Хайнань были учреждены два новых административных района: Наньша (народное правительство района Наньша, 南沙区人民政府) и Сиша (народное правительство района Сиша, 西沙区人民政府) в городском округе Сانشа (三沙地级市). Район Сиша охватывает острова Сиша, Чжунша и соответствующие прибрежные воды, а его управление расположено на острове Вуди. Район Наньша включает в себя остров Наньша и соответствующие водные территории, а его администрация размещена на рифе Файери-Кросс²⁸³. Эти нововведения свидетельствуют о шагах Пекина по установлению реального контроля над спорными территориями, внесению спорных островов в систему государственного административного устройства и систематизации местного управления в спорном регионе.

²⁸¹ Третьяков К. Н. Правовые основы морской политики Китая / К. Н. Третьяков. // Московский журнал международного права. — 2012. — № 3. — С. 77-107.

²⁸² 三沙市成立大会暨揭牌仪式在西沙永兴岛隆重举行 = Сانشаши: церемония учреждения города и церемония открытия на острове Юньсинданао в Сиша. [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/jrzq/2012-07/24/content_2191106.htm. (дата обращения: 22.05.2021).

²⁸³ 民政部关于国务院批准海南省三沙市设立市辖区的公告 = Объявление Министерства гражданских дел о разрешении установления городской юрисдикции в Сانشаши, Хайнань, Миньчжэнбуганьюй. [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-04/19/content_5504215.htm. (дата обращения: 22.05.2021).

Данное решение китайских властей является последовательным воплощением политики по обеспечению суверенитета КНР и расширению административного влияния в регионе через создание новых административных единиц на островах.

Город Саньша имеет стратегическое значение для Китая в контексте обеспечения национального суверенитета в ЮКМ, и его администрация несет ответственность за управление всеми китайскими объектами на искусственных островах в данном регионе. В ее компетенцию входит управление приблизительно 280 объектами, включая острова, рифы, мелководья и другие образования, общее население которых составляет примерно 1 800 человек. Территории и острова, претензии на которые предъявляет КНР в ЮКМ, практически полностью находятся в юрисдикции городского округа Саньша²⁸⁴.

С 2012 г. наблюдается быстрое развитие городского округа Саньша и острова Вуди. За восьмилетний период с момента основания городского округа были реализованы различные проекты по созданию объектов инфраструктуры, телекоммуникационных и логистических сооружений, построена школа²⁸⁵. С 2012 г. в округе также были учреждены муниципальные органы, включая четыре рабочих комитета (工作委员会), уличные комитеты (管委会), а также десять домовых комитетов (居民委员会)²⁸⁶.

До этого в 2008 г. на острове было учреждено 18 новых административных отделов (行政职能部门) и 20 иных государственных

²⁸⁴ 国务院批准，三沙市设立市辖区 = Саньшаши получили одобрение Госсовета для установления городской юрисдикции. [Электронный ресурс] URL: <https://news.sina.cn/gn/2020-04-18/detail-iircuyvh8544571.d.html> (дата обращения: 22.05.2021).

²⁸⁵ Creating Facts on the Sea: China's Plan to Establish Sansha City. Asia Maritime Transparency Initiative. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/chinas-plan-establish-sansha-city/>. (дата обращения: 22.05.2021).

²⁸⁶ 国务院批准，三沙市设立市辖区 = Саньшаши получили одобрение Госсовета для установления городской юрисдикции. [Электронный ресурс] URL: <https://news.sina.cn/gn/2020-04-18/detail-iircuyvh8544571.d.html> (дата обращения: 22.05.2021).

учреждений (事业单位)²⁸⁷. Появление подобных организаций на острове Вуди впервые отмечено в 1959 г.²⁸⁸ Присутствие государственных структур рассматривается с китайской точки зрения как законное распространение китайской юрисдикции на данные острова. Госучреждения также несут ответственность за согласование и реализацию мероприятий местных властей, которые претворяют в жизнь политику КНР по обеспечению национального суверенитета в регионе.

В ходе исследования автором диссертации были получены данные непосредственно от родственников лиц, проживающих на спорных островах ЮКМ. Согласно их свидетельствам, основной функцией присутствующих на островах госслужащих является фактическое нахождение на спорных островах. Этот персонал работает вахтовым методом, их задачи не предусматривают выполнения каких-либо специфических задач, кроме создания эффекта постоянного присутствия и осуществления хозяйственной деятельности на спорных территориях. Один из собеседников охарактеризовал свою деятельность на острове как «простое пребывание»²⁸⁹, занятие рыболовством и поддержание инфраструктуры на острове в рабочем состоянии.

Вывод к параграфу. Концептуальная база правовой системы КНР определяется особой формой взаимодействия международного и национального права, в которой международные правовые нормы включены в законодательство, однако их примат над национальным правом не закреплен в Конституции страны. Это объясняют определенные исторические предпосылки, в частности память о национальной слабости перед внешним вмешательством во внутренние дела страны. В

²⁸⁷ 三沙的前世今生：先秦时代已内属中原王朝 = Прошлая и настоящая жизнь Санши: в эпоху до Цинь он уже принадлежал династии Центральных равнин. [Электронный ресурс] URL: http://www.81.cn/2016xsjx/2016-04/08/content_6997424_3.htm. (дата обращения: 22.05.2021).

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Дословная цитата: «就在那里呆着».

административном плане КНР активно использует свои ресурсы для укрепления претензий на территории ЮКМ путем создания новых административных единиц на спорных островах и интеграции оспариваемых островов в национальную систему государственного управления. Такие действия направлены на укрепление позиций Китая и систематизацию местного управления в регионе, что является ключевым элементом государственной стратегии по обеспечению суверенитета и расширению административного влияния в данном регионе.

Вывод к главе. Оценка политическим руководством КНР необходимости укрепления морской мощи страны основывается на ряде предпосылок, включая исторические факторы. Морская политика Китая существенно обусловлена историческими уроками периода, когда страна находилась в угнетенном положении. Этот период характеризуется слабостью центрального правительства и несоответствием международного статуса КНР в первые десятилетия ее существования и представлений руководства страны о центральной, цивилизационно-образующей роли Поднебесной в региональной системе международных отношений на протяжении многих веков до прихода на континент европейцев.

Немаловажным фактором является и нарастающее, в том числе военное, противостояние Китая с США. Стремительный экономический рост Китая в конце XX – начале XXI в. ко второму десятилетию XXI в. конвертировался в значительный международный политический капитал. Возросшее влияние Китая в АТР и в мире побудило США рассматривать его как угрозу своим национальным интересам. Вашингтон бросает вызов Пекину как в политико-экономической, так и в военной сфере, провоцируя реакцию со стороны КНР, направленную на обеспечение своих национальных интересов и суверенитета. Китай же стремится противостоять тенденции к «размыванию» государственного суверенитета

в условиях глобализации, которая опирается на западные принципы и ценности.

Так, историческая память, наряду с объективной необходимостью обеспечения национальной безопасности на протяженной морской границе, стимулирует стремление к укреплению морских рубежей и расширению буферной зоны для предотвращения угроз.

Под обеспечение национальных интересов, в частности в ЮКМ, в КНР подведена соответствующая правовая база. Законодательная система страны характеризуется особой формой взаимодействия международного и национального права. Международные нормы интегрированы в законодательство, но, согласно Конституции, не обладают приматом над национальным правом. Это обеспечивает гибкость в их толковании и применении. Важную роль в политике по обеспечению национального суверенитета КНР в ЮКМ играет и включение спорных островов в административно-хозяйственную систему страны.

Глава 2. Невоенные методы обеспечения национального суверенитета КНР в Южно-Китайском море после 2012 г.

2.1 Позиция КНР по территориальным спорам в Южно-Китайском море

Предметом спора в ЮКМ является как сама акватория — более 3,5 млн квадратных километров, так и крупные архипелаги — Спратли и Парасельские острова, а также рифы Скарборо, находящиеся на северо-востоке от Спратли (см. Приложение 2). КНР предъявляет претензии на большую часть акватории моря в пределах так называемой пунктирной линии.

Споры вокруг ЮКМ вновь обострились в конце первого десятилетия XXI в., когда участились столкновения на море между участниками споров (см. Приложение 3). Принадлежность Парасельских островов оспаривают КНР и Вьетнам, а также официально считающийся провинцией КНР, но де-факто не находящийся под управлением Пекина Тайвань²⁹⁰. На все острова архипелага Спратли претендуют КНР, Вьетнам и Тайвань, а на отдельные участки архипелага — Филиппины и Малайзия²⁹¹. Скарборо оспаривают КНР и Филиппины. Таким образом, участниками споров в ЮКМ официально являются пять стран: КНР, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней²⁹², все они подписали и ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву.

²⁹⁰ Country Profile from the Maritime Awareness Project. Vietnam. Maritime Awareness Project. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nbr.org/publication/vietnam/>. (дата обращения: 01.07.2022).

Ham J., Lee C. US, Vietnam, Taiwan Oppose China's Buildup on Triton Island [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/a/us-vietnam-taiwan-oppose-china-s-buildup-on-triton-island/7237517.html>. (дата обращения: 01.07.2022).

²⁹¹ Country Profile from the Maritime Awareness Project. Vietnam. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nbr.org/publication/vietnam/> (дата обращения: 01.07.2022).

Country Profile from the Maritime Awareness Project. Malaysia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nbr.org/publication/malaysia/>. (дата обращения: 01.07.2022).

Country Profile from the Maritime Awareness Project. Philippines. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nbr.org/publication/philippines/>. (дата обращения: 01.07.2022).

²⁹² Де-юре Тайвань не является страной, большинство стран мира признают принцип «одного Китая». Однако фактически Китайская Республика на Тайване проводит независимую от Пекина политику, в китайской литературе о Тайване в международном контексте говорят, как о «регионе» — *цю*.

Существует несколько аспектов, на которые опирается КНР при обосновании своего национального суверенитета над ЮКМ и его островами. В первую очередь это так называемые исторические права. В Пекине утверждают, что Китай обладает «историческими основаниями» для претензий на акваторию ЮКМ и находящиеся в ее пределах острова и рифы²⁹³. Так, первый аспект включает в себя ссылки на исторические исследования, основанные на архивных документах имперского и республиканского периодов в Китае, которые подтверждают «исторический суверенитет» КНР над ЮКМ.

Второй заключается в апелляции китайских правоведов и представителей власти к «международному признанию» суверенитета Китая над ЮКМ на основе международных договоров и других документов XX в. А также в их обращении к заметкам и информации, содержащейся в зарубежных географических атласах, газетах и журналах. Третий же основан на интерпретации КНР положений Конвенции ООН по морскому праву и оценкой решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге 2016 г. по иску Филиппин против Китая по вопросам территориальных споров в ЮКМ.

МИД КНР резюмировал исследования архивных документов, подтверждающих «историческое право» Китая на акваторию ЮКМ в статьях «Исторические основания суверенитета КНР над островами Наньша»²⁹⁴ и «Правовая основа суверенитета Китая над островами Наньша»²⁹⁵. Согласно этим документам, древнейшее упоминание

²⁹³ China Stays Committed to Peace, Stability and Order in The South China Sea. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb_663304/zzjg_663340/bianhaisi_eng_665278/plpbo/202204/t20220409_10666104.html (дата обращения: 27.07.2022).

²⁹⁴ 中国对南沙群岛拥有主权的历史依据 = Исторические основания суверенитета КНР над островами Наньша. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001122_9868825.shtml (дата обращения: 27.07.2022).

²⁹⁵ 中国对南沙群岛拥有主权的法理依据 = Правовая основа суверенитета Китая над островами Наньша [Электронный ресурс] URL:

принадлежности островов Наньша Китаю относится к династии Хань (206 г. до н.э. — 220 н. э.). В «Описании необычных вещей» (Иучжи) Ян Фу, ученый времен Восточной Хань (25–220 гг. н. э.) упоминает «море Чжан с обрывистыми островами» (张海石头). Это, по мнению китайских историков, указывает на рифы и отмели ЮКМ. Также найдены упоминания о «море Чжан» и его островах в работе «Анналы Фунань» генерала царства Восточное У эпохи Троецарствия (220–280 гг.). Подобные упоминания об островах Наньша и Сиша также прослеживаются в историко-географических работах времен династий Тан (618–907 гг.), Сун (960–1279 гг.) и Мин (1368–1644 гг.)²⁹⁶.

Во времена династии Юань географическое положение ЮКМ отмечено в «Повествовании о дикарях с островов» мореплавателя Ван Даюаня²⁹⁷. В период правления династии Мин ЮКМ и острова Наньша были нанесены на «Карту границ прошлых династий» в 1402 г. Также в минском «Каталоге Гэнлу» перечислены 73 топонима ЮКМ, включая архипелаги Наньша и Сиша. При династии Мин развивалось рыбное

https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001122_7949772.shtml (дата обращения: 27.07.2022).

²⁹⁶ 《异物志》 杨孚（东汉）= Ян Фу (династия Восточная Хань). «Описание необычных вещей». China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/cn/2016-07/15/c_53073.html (дата обращения: 30.08.2022).

《南州异物志》 万震（三国 东吴）= Вань Чжэнь («Троецарствие», Сучжоу). «Наньчжоуские хроники посторонних предметов». [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2020-12-22/73493.shtml>. (дата обращения: 30.08.2022).

《武经总要》 曾公亮（北宋）= Цзэн Гунлянь (династия Северная Сун). «У цзин цзуняо». China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/15/c_53075.html. (дата обращения: 30.08.2022).

《岭外代答》 周去非（南宋）= Чжоу Цюфэй (Династия Южная Сун). «Линвай дайда». China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/18/c_53165.html. (дата обращения: 30.08.2022).

《诸蕃志》 赵汝适（宋朝）= Тан Чжоу (династия Мин). «Хроники Цюнтай». China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/18/c_53168.html. (дата обращения: 30.08.2022).

²⁹⁷ 《岛夷志略》 汪大渊（元朝）= Ван Даюань. (династия Юань). «Дао И Чжи Люэ». [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/18/c_53169.html (дата обращения: 20.09.2021).

хозяйство в ЮКМ: рыбаки из портов Пуцянь и Цинлань (о. Хайнань) отправлялись на острова Наньша для промысла морских огурцов²⁹⁸.

При династии Цин (1644–1911 гг.) власти прибрежных провинций осуществляли административный контроль над островами ЮКМ и наносили их на карты водных маршрутов в 1717 г., а также в «Карты провинций династии Цин» в 1724, 1755, 1767, 1810, 1817 гг. Кроме того, в документе «Китайский морской путеводитель» 1868 г. отмечается активная деятельность китайских рыбаков на островах Наньша, которые торговали с материковым Китаем²⁹⁹.

В китайских архивах действительно обнаружены разнообразные исторические документы, в которых упоминается ЮКМ и острова, находящиеся в нем³⁰⁰. Не вызывает сомнений и то, что на протяжении многих веков подданные Китайской империи активно занимались исследованием и эксплуатацией морских ресурсов ЮКМ, ловили рыбу и высаживались на острова и рифы. Однако включение описаний водных пространств, островов и рифов на карты не обязательно свидетельствует о фактическом установлении единоличного и признанного другими странами контроля над этими территориями или их постоянном, длительном использовании в хозяйственной деятельности, что могло бы быть основанием для претензий на суверенитет на основании «исторического права». Простое упоминание данных акваторий в исторических документах не может служить основанием для претензий на суверенитет над ними.

²⁹⁸ 《更路簿》明清时期 = «Гэн Лу Бу» династий Мин и Цин. China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/18/c_53174.html. (дата обращения: 20.09.2021).

²⁹⁹ 1717 年清朝官方绘制的南海地图 = Официальная карта Южно-Китайского моря, составленная династией Цин в 1717 г. Новостной сайт морского архива КНР. [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2018-09-12/42687.shtml>. (дата обращения: 20.09.2021).

³⁰⁰ 古代文献是如何记载中国最早并持续开发利用南海诸岛及相关海域的? = Как древние документы свидетельствуют о самом раннем и продолжающемся освоении и использовании Китаем островов Южно-Китайского моря и связанных с ними вод? [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2019-07-22/68111.shtml>. (дата обращения: 20.09.2021).

В период после падения империи Цин деятельность по утверждению суверенитета Китая над ЮКМ продолжалась — указывают в МИД. Согласно китайским исследованиям документов времен Китайской Республики (КР), управление акваторией в 1911–1949 гг. включало в себя несколько аспектов: административное управление и патрулирование, разведку природных ресурсов и строительную деятельность, дипломатические усилия по восстановлению, защите и укреплению суверенитета над ними после окончания военных действий³⁰¹.

Претензии на акватории ЮКМ, правда, в рамках не девяти-, а одиннадцатипунктирной линии были представлены еще правительством Китайской Республики. Карты, выпущенные в тот период, сегодня служат аргументом в поддержку «исторически обоснованных» притязаний Китая на акваторию Южно-Китайского моря в пределах этой линии³⁰².

Правительство Китайской Республики передавало управление островами и рифами под юрисдикцию различных административных структур, сперва военно-морского флота, а затем и специальных административных районов. Кроме того, власти КР стандартизировали названия островов и рифов на картах ЮКМ, а также развивали инфраструктуру на островах: строили сооружения для метеорологических наблюдений и связи. Эти действия, как указывают в КНР, осуществлялись с учетом международного признания суверенитета Китая над островами³⁰³.

³⁰¹ 民国时期对南海诸岛及其海域的管理 (1911-1949) = Управление островами Южно-Китайского моря и их морскими территориями во времена Китайской Республики (1911–1949 гг.). [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2018-09-12/42688.shtml>. (дата обращения: 20.09.2021).

³⁰² 王颖, 葛晨东, 邹欣庆. 论证南海海疆国界线 = Ван Ин, Гэ Чэндун, Цзоу Синьцин. Демонстрация национальных границ Южно-Китайского моря // 海洋学报. – 2014 – 36(10). – 1-11. [Электронный ресурс] URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/hyxb201410001> (дата обращения: 20.09.2021).

³⁰³ 郭渊 = 民国时期的南海地缘环境与我国对南海诸岛主权的维护 = Го Юань. Геополитическая среда Южно-Китайского моря в период Республики Китай и защита суверенитета Китая над островами Южно-Китайского моря // 中州学刊. – 2009. – Т. 6. – С. 192. [Электронный ресурс] URL: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/12/d20121208220950370.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).
王琦, 陈平殿. 民国时期水陆地图审查委员会与南海岛礁维权考 = Ван Ци, Чэнь Пиндянь. Оценка водных и наземных карт в период Республики Китай и рассмотрение защиты островов и рифов в Южно-Китайском море // 海南大学学报: 人文社会科学版. – 2020. – Т. 38. – №. 2. – С. 12-19. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cqvip.com/qk/80757x/202002/7101534372.html>. (дата обращения: 20.09.2021).

В Пекине настаивают, что суверенитет КНР над островами ЮКМ подкрепляется документами и договоренностями, заключенными после Второй мировой войны. В качестве наиболее значимых указываются итоги Каирской и Потсдамской конференций 1943 и 1945 гг. Согласно их китайской интерпретации, контроль над всеми островами ЮКМ по их итогам был передан Китайской Республике.

Согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., Япония отказалась от прав на Тайвань, Парасельские острова и архипелаг Спратли. Однако в договоре не указано, в пользу какой страны это было сделано. Это привело к разным интерпретациям итогов конференции. Так, КНР утверждает, что в 1952 г. японское правительство официально отказалось от всех прав и претензий на эти острова, возвращая их Китаю³⁰⁴.

После образования КНР острова Наньша были переданы под юрисдикцию провинций Гуандун и Хайнань. В 1958 г. КНР приняла Закон «О территориальном море», согласно которому территориальное море протяженностью 12 миль и четыре островных гряды официально вошли в состав КНР. Так, острова ЮКМ стали частью государственной территории новой республики. Китайское внешнеполитическое ведомство ссылается на ноту, отправленную премьер-министром Вьетнама Фан Ван Донгом премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю. В ней вьетнамский премьер

赵焕庭, 王丽荣, 袁家义 = 中国南海诸岛主权维护与回归——纪念中国政府收复南海诸岛 70 周年 (1) = Чжао Хуантин, Ван Лиэн, Юань Цзяи. Защита и возвращение суверенитета над островами Южно-Китайского моря в Китае: воспоминания о 70-летию освобождения Китайским правительством островов Южно-Китайского моря (часть 1) // 热带地理. – 2017. – Т. 37. – №. 5. – С. 634-648. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rddl.com.cn/CN/10.13284/j.cnki.rddl.002981> (дата обращения: 20.09.2021).

民国时期对南海诸岛及其海域的管理 (1911-1949) = Управление островами Южно-Китайского моря и их морскими территориями во времена Китайской Республики (1911–1949 гг.) [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2018-09-12/42688.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).

³⁰⁴ После основания КНР Пратас является предметом спора между КНР и непризнанной Китайской Республикой на Тайване, которую Пекин не признает и считает своей провинцией. Российский государственный архив военно-морского флота.

Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года. [Электронный ресурс] URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf (дата доступа: 23.03.2020)

приветствовал принятие закона, а значит, полагают в МИД КНР, признал принадлежность четырех островных гряд Китаю³⁰⁵.

Ханой, однако, такую интерпретацию ноты китайской стороной считает ошибочной. Нота говорит лишь о том, что Вьетнам согласился и признал 12-мильную зону территориальных вод КНР, а острова Парасельские и Спратли в ней не могли быть упомянуты³⁰⁶. Кроме того, в то время Вьетнам еще не был объединен, поэтому ноту Фан Ван Донга нельзя отождествлять с позицией нынешней СРВ.

В Пекине указывают также на резолюцию № 24 Тихоокеанской региональной авиационной конференции Международной организации гражданской авиации, прошедшей в Маниле в 1955 г. Участники мероприятия призывали Китай к усилению метеорологических наблюдений на островах Наньша, и это не вызвало протеста ни одной страны³⁰⁷.

Руководство КНР подчеркивает, что после Второй мировой войны и до 1970-х гг. китайский суверенитет над акваторией ЮКМ оставался непререкаемым на международном уровне и ни одна страна не высказывала протестов по этому поводу. МИД КНР в своих заявлениях регулярно ссылается на то, что ни Филиппины, ни Малайзия не предъявляли официальных претензий на острова и рифы в ЮКМ до 1970-х гг.³⁰⁸

Следует отметить, что КНР участвовала в разработке, приняла и ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву в 1982 г., тем самым

³⁰⁵ 中国对南沙群岛的主权得到国际上的承认 = Суверенитет Китая над островами Наньша признан на международном уровне. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001122_9868836.shtml (дата обращения: 20.09.2021).

³⁰⁶ China deliberately cites 1958 note by PM Pham Van Dong wrongly. [Электронный ресурс] URL: <https://mod.gov.vn/en/detail/sa-en-news/sa-en-news-vn/1ff2a44a-0c37-405f-ab66-77fc64eb022f> (дата обращения: 20.09.2021).

³⁰⁷ 中国对南沙群岛的主权得到国际上的承认 = Суверенитет Китая над островами Наньша получил международное признание. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001122_9868836.shtml (дата обращения: 20.09.2021).

³⁰⁸ 南海问题的由来 = Происхождение проблемы Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001122_7949769.shtml. (дата обращения: 20.09.2021).

приняв все положения этого основополагающего международно-правового документа. Другие международные документы, принятые до 1982 г., безусловно, имели силу на тот момент, однако, после того как вступила в силу Конвенция, ее положения стали основополагающими при разрешении международных споров. Именно к ней в первую очередь государства должны апеллировать при возникновении противоречий, связанных с морским правом.

Помимо ссылок на итоги послевоенных конференций в качестве обоснования «исторических прав» на ЮКМ Китай также приводит данные из атласов и заметок в иностранных газетах. Например, в «Китайском морском путеводителе» 1912 г., составленном Гидрографическим управлением Великобритании, упоминается присутствие китайцев на островах ЮКМ. В японском «Новом годовом справочнике Китая» 1966 г. и «Ежегоднике мира» 1972 г. ЮКМ также упоминается как территория Китая. Однако такие упоминания в периодических изданиях не являются примерами официального международного признания суверенитета КНР над ЮКМ и его островами. К тому же большинство их таких «доказательств», опять же, относится к периоду до учреждения Конвенции ООН по морскому праву.

КНР признает важное место, которое занимает Конвенция ООН по морскому праву в морском законодательстве страны. В этом контексте указывается, что «исторические права» на ЮКМ гарантированы Китаю именно согласно положениям Конвенции. Пекин ссылается на статью 15, касающуюся делимитации территориального моря между государствами, обладающими противоположными или смежными побережьями. В соответствии с этой статьей, «положение не применяется, если в силу исторически сложившихся правовых оснований или иных особых обстоятельств необходимо разграничить территориальные моря двух

государств иным образом»³⁰⁹. В Китае ее интерпретируют как свидетельствующую о правомерности аргумента об «историческом праве» Пекина на акваторию ЮКМ.

Китайские юристы также обращаются к статьям 286, 287 и 288 Конвенции, которые устанавливают ограничения на условия и сферу применения процедур урегулирования споров, предусмотренных в Разделе 2 части XV Конвенции³¹⁰. В соответствии со статьей 298, государство вправе письменно заявить о своем отказе от процедуры, предусмотренной Конвенцией, по спорам, касающимся толкования или применения статей, связанных с делимитацией морских границ, или спорам, связанным с историческими заливами³¹¹. В 2006 г. китайское правительство опубликовало заявление, в котором отказалось от обязательных процедур разрешения споров в соответствии с положениями Конвенции. На основании этого заявления Пекин отвергает и право ППТС в Гааге рассматривать иск, поданный Филиппинами против КНР в 2012 г.³¹²

Китайские власти ссылаются и на исследования ученых, которые указывают: до принятия Конвенции в 1982 г. не существовало общепринятого международным сообществом определения терминов «остров» и «риф», а также отсутствовали единые определения для исключительной экономической зоны и континентального шельфа. В связи

³⁰⁹ 王军敏. 从国际法看中国在南海的权利 = Ван Цзюньмин. Права Китая в Южно-Китайском море с точки зрения международного права. [Электронный ресурс] URL: <https://news.12371.cn/2014/07/07/ARTI1404689042465147.shtml> (дата обращения: 27.07.2022).

³¹⁰ 龚迎春. 《联合国海洋法公约》框架下争端解决程序的适用: 前提、条件、限制和例外-----兼评菲律宾南海仲裁案 = Гун Инчунь. Применение процедур разрешения споров в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву: предпосылки, условия, ограничения и исключения. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinalaw.org.cn/portal/article/index/id/20573/cid/243.html> (дата обращения: 27.07.2022).

³¹¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Статья 298. Факультативные исключения, касающиеся применения раздела 2. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 27.07.2022).

³¹² 不接受、不参与才是真正践行国际法——菲律宾南海仲裁案闹剧系列评论 = Непринятие и неучастие – истинная практика международного права – серия комментариев по поводу фарса арбитражного дела о Филиппинском Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-12/18/content_5025690.htm (дата обращения: 27.07.2022).

с этим власти Китайской Республики в 1949 г. представили карту, на которой была изображена пунктирная линия в ЮКМ, но не проводилось различия между объектами в этих водах³¹³. Все они в китайском языке определялись как *цуньдао* — архипелаг, что создало впоследствии трудности с определением статуса объектов при разработке Конвенции³¹⁴.

В документах китайского МИД, описывающих вышеуказанные факты, четко не разъясняется, какое отношение они имеют к современному территориальному спору. Аргументы приводятся как свод исторических фактов, достоверность которых не вызывает сомнений. Однако, каким именно образом их можно применить в качестве легитимной аргументации в территориальных спорах в ЮКМ, китайская сторона не детализирует.

Китай, Вьетнам, Филиппины и другие участники спора ратифицировали Конвенцию и должны в первую очередь придерживаться положений документа при разрешении территориальных споров. При этом страны стремятся закрепить свои претензии в национальном законодательстве³¹⁵. Так, Китай на основании «исторического права» закрепил суверенитет над островами ЮКМ в Законе «О территориальном море»³¹⁶.

В 2020 г Вьетнам подал в ООН вербальную ноту, в которой указывалось, что Ханой признает решение Третейского суда по Южно-

³¹³ 罗欢欣. 《美国国际法杂志》南海专刊文章述评 = Ло Хуаньсинь. Обзор статей в специальном выпуске «Американского журнала международного права». // 北方法学. — 2016. — №10 (04). [Электронный ресурс] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2016&filename=BFFX201604011&v=J%25mmd2F%25mmd2FNui32tm3NhlU6IMlNF4TIQZjcb%25mmd2BZNc%25mmd2B%25mmd2BwoLvtfmQXjJhHq5VcDMhTRxex%25mmd2BGta> (дата обращения: 23.12.2021).

³¹⁴ Zou K. The Chinese Traditional Maritime Boundary Line in the South China Sea and Its Legal I Consequences for the Resolution of the Dispute over the Spratly Islands / K. Zou. // The International Journal of Marine and Coastal Law. — 1999. — № 14(1). — С. 27-55.

³¹⁵ Buszynski L. The South China Sea Maritime Dispute: Political, Legal and Regional Perspectives / L. Buszynski, C. B. Roberts. — New York : Routledge, 2014. — 222 с.

Thayer C. A. Chinese assertiveness in the South China Sea and southeast Asian responses / C. A. Thayer. // Journal of Current Southeast Asian Affairs. — 2011. — № 2. — С. 77-104.

Li J. Managing tensions in the South China sea : comparing the China-Philippines and the China-Vietnam approaches / J. Li. // The RSIS Working Paper. — 2014. — 35 с.

³¹⁶ Kim H. The 1992 Chinese Territorial Sea Law in the Light of the UN Convention / H. Kim. // The International and Comparative Law Quarterly. — 1994. — № 4. — С. 894-904.

Китайскому морю 2016 г. и отвергает претензии КНР на острова архипелагов Спратли и Парасельские. Вьетнам также выступает против заявлений КНР о том, что острова могут иметь собственные исходные линии, ИЭЗ или континентальный шельф. В ноте также подчеркивалось, что единственной основой для определения статуса островов в ЮКМ является Конвенция ООН по морскому праву³¹⁷. Однако СРВ включила в свою национальную территорию спорные острова в Законе «О морском праве» 2012 г., который «в соответствии с Конвенцией» закрепляет суверенитет Вьетнама на внутренние воды, территориальное море, прилежащую зону, ИЭЗ, континентальный шельф, острова архипелагов Хоангша (Парасельские) и Чыонгша (Спратли) и других³¹⁸. В 2019 г. в СРВ был принят Закон «О береговой охране», заменивший Постановление о береговой охране 1998 г. и призванный расширить полномочия береговой охраны с целью противостояния «морским амбициям соседних стран, нетрадиционным угрозам безопасности, транснациональной преступной деятельности и другим источникам морских инцидентов в регионе»³¹⁹. Филиппины также включили в свою территорию острова архипелага Спратли указом президента Маркоса № 1596 в 1978 г.³²⁰ И все же несмотря на аналогичные претензии других прибрежных стран в ЮКМ, китайские власти настаивают, что Китай был первой страной, обнаружившей и давшей названия островам ЮКМ³²¹.

³¹⁷ Note Verbare No. CML/14/2019 [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/mys_12_12_2019/VN20200330_ENG.pdf (дата обращения: 27.07.2022).

³¹⁸ Указ Президента Социалистической Республики Вьетнама от 12.07.2012 г. № 16/2012 L-CTN "О продлении Закона о море" № 18/2012/QH13. [Электронный ресурс] URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/vie124619.pdf> (дата обращения: 15.10.2020)

³¹⁹ National Defence Journal Vietnam Coast Guard Law – A new legal basis for maritime law enforcement. [Электронный ресурс] URL: <http://tapchiquptd.vn/en/theory-and-practice/vietnam-coast-guard-law-%E2%80%93-a-new-legal-basis-for-maritime-law-enforcement/13301.html> (дата обращения: 27.07.2022).

³²⁰ Presidential Decree No. 1596, s. 1978. [Электронный ресурс] URL: <https://www.officialgazette.gov.ph/1978/06/11/presidential-decree-no-1596-s-1978/> (дата обращения: 27.07.2022).

³²¹ 中华人民共和国外交部关于应菲律宾共和国请求建立的南海仲裁案仲裁庭所作裁决的声明 = Заявление Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по поводу решения Арбитражного суда по Южно-Китайскому морю, инициированного по просьбе Республики Филиппины.

В июне 2016 г. Постоянная палата третейского в Гааге, в соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву, приняла решение по иску, поданному Филиппинами против КНР в связи с деятельностью Китая в ЮКМ. Постановление ППТС подчеркивает, что суд не занимается вопросами суверенитета над территориями и не проводит делимитацию границ между государствами. Тем не менее трибунал вправе дать оценку статусу морских объектов, а также оценить законность действий Китая в контексте положений Конвенции ООН по морскому праву³²². Стоит отметить, что, хотя Гаагский суд рассматривал иск и принимал решение на основании Конвенции ООН по морскому праву, он не входит в структуру ООН, существует независимо от других международных организаций и не является постоянным судом или арбитражным органом³²³.

Согласно постановлению ППТС, претензии КНР на акваторию в рамках пунктирной линии неправомерны. В решении указывается, что Конвенция в полной мере определила права государств на морские участки, а права [прибрежных государств], существовавшие до утверждения Конвенции, хотя и рассматривались в процессе ее создания, в итоговый документ не включены. Таким образом, хотя Китай и мог иметь исторические права на акватории, острова и ресурсы ЮКМ, эти права были аннулированы в связи с их несоответствием Конвенции. ППТС также не нашла подтверждений тому, что Китай когда-либо осуществлял единоличный контроль над объектами в ЮКМ³²⁴.

[Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlwcwj/201607/t20160712_8521047.htm (дата обращения: 27.07.2022).

³²² The South China Sea Arbitration (The Republic Of The Philippines V. The People's Republic Of China). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/Ph-Cn-20160712-Press-Release-No-11-English.Pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

³²³ Как развивалась работа Постоянной палаты третейского суда (ППТС)? [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/iccj/info.shtml#three> (дата обращения: 27.07.2022).

³²⁴ The South China Sea Arbitration (The Republic Of Philippines V. The People's Republic Of China). [Электронный ресурс] URL: <https://www.pcacases.com/pcadocs/PH-CN%20-%2020160712%20-%20Award.Pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

Таким образом, ППТС определил, что до начала проведения дноуглубительных работ ни один из островов Спратли не был пригоден для проживания людей и постоянного ведения хозяйственной деятельности, что делает их непригодными для формирования вокруг себя морских зон. Поэтому территориальные претензии Китая на объекты Спратли, находящиеся в пределах исключительной экономической зоны Филиппин, не могут быть признаны. Постановление ППТС также подтвердило право граждан обоих государств на рыболовство в районе архипелага Спратли и определило нарушения Китаем прав Республики Филиппины в ее ИЭЗ³²⁵.

Комиссия ППТС, кроме того, пришла к выводу, что Китай посредством дноуглубительных работ нанес серьезный ущерб окружающей среде и нарушил свои обязательства по сохранению и защите находящихся под угрозой исчезновения экосистем³²⁶.

Пекин отверг решение третейского суда в Гааге. В своем заявлении относительно вердикта МИД Китая ссылается на статью 298 Конвенции ООН по морскому праву, утверждая, что арбитражный суд не имеет права вмешиваться в территориальные споры. Согласно позиции КНР, спор между Пекином и Манилой касается именно делимитации морских пространств и не подпадает под юрисдикцию ППТС в Гааге. В соответствии с рядом двусторонних документов и положений, а также Декларацией о поведении сторон в ЮКМ, Китай и Филиппины обязуются решать споры только путем двусторонних переговоров. Следовательно, арбитражная

³²⁵ An Arbitral Tribunal Constituted Under Annex Vii To The 1982 United Nations Convention On The Law Of The Sea Vi. The Status Of Features In The South China Sea (Submissions No. 3 To 7). [Электронный ресурс] URL: <https://www.pcacases.com/pcadocs/Ph-Cn%20-%2020160712%20-%20award.Pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

³²⁶ An Arbitral Tribunal Constituted Under Annex Vii To The 1982 United Nations Convention On The Law Of The Sea Alleged Failure To Protect And Preserve The Marine Environment (Submissions No. 11 And 12(B). [Электронный ресурс] URL: <https://www.pcacases.com/pcadocs/Ph-Cn%20-%2020160712%20-%20award.Pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

процедура считается неприемлемой, и выводы суда не признаются Китаем в качестве основания для разрешения споров в ЮКМ³²⁷.

В Заявлении отмечалось, что между Пекином и Манилой никогда не проводилось переговоров по поводу рассмотрения спора в ППТС. Это, по мнению Пекина, является нарушением статьи 283 Конвенции. Манила же утверждала, что, хотя после 1995 г. происходили обмены мнениями между Китаем и Филиппинами по некоторым вопросам, упомянутым в иске Филиппин, соглашение достигнуто не было. Это дало Маниле основания для инициирования международного судебного разбирательства. Однако МИД КНР отрицает проведение переговоров между Китаем и Филиппинами по вопросам, затронутым в иске Манилы³²⁸.

В день вынесения решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге МИД КНР опубликовало заявление, в котором заведомо отвергло решение ППТС. В заявлении вновь подчеркиваются исторические аргументы, свидетельствующие о суверенитете Китая над ЮКМ и островами Наньша (Спратли). Утверждается, что острова, на которые претендует Китай, имеют внутренние, территориальные воды, прилегающую зону и континентальный шельф³²⁹.

³²⁷ 中华人民共和国外交部关于应菲律宾共和国请求建立的南海仲裁案仲裁庭所作裁决的声明 = Заявление Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по поводу решения Арбитражного суда по Южно-Китайскому морю, инициированного по просьбе Республики Филиппины. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521047.htm (дата обращения: 27.07.2022).

³²⁸ 中国坚持通过谈判解决中国与菲律宾在南海的有关争议 = Китай настаивает на разрешении соответствующих споров между Китаем и Филиппинами в Южно-Китайском море путем переговоров. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/201607/t20160713_7949950.shtml (дата обращения: 27.07.2022).

³²⁹ 中华人民共和国外交部关于应菲律宾共和国请求建立的南海仲裁案仲裁庭所作裁决的声明 = Заявление Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики о решении Арбитражного суда Южно-Китайского моря, учрежденного по запросу Республики Филиппины). [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521047.htm (дата обращения: 20.09.2021).

中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 = Заявление правительства Китайской Народной Республики о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521049.htm (дата обращения: 20.09.2021).

13 июля 2016 г. внешнеполитическое ведомство КНР опубликовало расширенный вариант заявления, который не был переведен на английский язык. В документе, состоящем из пяти разделов и 143 пунктов, подробно изложена позиция Китая по вопросу своего национального суверенитета в ЮКМ. В первом разделе приводится детальное перечисление его «исторических оснований» и «международного признания». Второй раздел разъясняет причины возникновения территориального спора с Филиппинами, отмечается несоответствие претензий Манилы международным правовым нормам.

В качестве доказательств того, что Филиппины исторически не осуществляли контроль над островами, приводятся Испано-американский мирный договор 1898 г. (Парижский договор), Испано-американский договор об уступке отдаленных островов Филиппин 1900 г. (Вашингтонский договор), Договор о делимитации британских территорий 1930 г., Договор о границе между Северным Борнео и США, а также переписка сенатора США с Госдепартаментом от 1933 г., в которой представитель Госдепа указывает, что острова Наньша находятся за пределами Филиппинских островов, приобретенных у Испании в 1898 г. Однако все эти документы относятся к периоду до ратификации Конвенции ООН по морскому праву, что поднимает вопрос об уместности их применения при разрешении нынешних китайско-филиппинских противоречий.

В заявлении также отмечается, что споры между КНР и Филиппинами обострились именно после вступления в силу Конвенции, так как «территориальные побережья» двух стран находятся на расстоянии меньшем, чем 400 морских миль друг от друга³³⁰. Согласно Конвенции,

³³⁰ 中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 = Заявление КНР о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море . [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlwcwj/201607/t20160712_8521049.htm (дата обращения: 03.10.2021).

«фиксированные точки, составляющие линию внешних границ континентального шельфа <...> должны находиться не далее 350 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря»³³¹. Однако китайской стороной не разъясняется, что подразумевается под понятием «территориальное побережье» — *линьту хайань*. Для обозначения территориальных вод в китайском языке в соответствии с Конвенцией используется термин *линьхай*, а береговой линии — *хайаньсянь*³³². Однако, согласно Конвенции, территориальные воды не могут превышать 12 морских миль в ширину, соответственно, не ясно, что имеет в виду китайская сторона под определением «территориального побережья». Таким образом, затруднено понимание того, к какому положению Конвенции в данном случае апеллирует китайская сторона.

Согласно заявлению, с 1986 г. между Китаем и Филиппинами заключено соглашение о разрешении споров на двусторонней основе, мирным путем, несмотря на территориальные разногласия. Этот консенсус подтвержден рядом двусторонних соглашений и заявлений, включая Декларацию по поведению сторон в ЮКМ. КНР обвиняет Филиппины в усложнении разрешения спора и нарушении международных правовых норм, включая привлечение иностранных компаний для разведки и добычи полезных ископаемых в спорных районах. Филиппины обвиняются в инициировании неправомерного судебного разбирательства с целью ограничить национальный суверенитет и морские права Китая. Пекин настаивает на решении конфликта на двусторонней основе без привлечения третьих сторон³³³.

³³¹ 中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 = Китайской Народной Республики о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521049.html (дата обращения: 03.10.2021).

³³² Конвенция ООН по морскому праву. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

³³³ Заявление Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики о решении Арбитражного суда Южно-Китайского моря, учрежденного по запросу Республики Филиппины). [Электронный ресурс]

В заявлении МИД Китая также подчеркивает готовность к сотрудничеству со странами АСЕАН на основе Декларации о поведении сторон в ЮКМ и поддержку проведения консультаций по выработке Кодекса поведения в ЮКМ. Китай акцентирует внимание на необходимости защиты свободы судоходства и полетов в соответствии с международным правом, а также важность обеспечения безопасности морских торговых и энергетических маршрутов в регионе. Кроме того, заявление выражает приверженность Китая мирному развитию, оборонительной политике, концепции безопасности на основе взаимного доверия, равенства и сотрудничества, а также добрососедской политике и дипломатии. Эти принципы подчеркивают стремление Китая к укреплению доверия, сотрудничеству и мирному разрешению разногласий в регионе³³⁴.

Вывод к параграфу. Китай категорически настаивает на своих «исторических правах» на острова и большую часть акватории ЮКМ, интегрируя тезис как в свое национальное законодательство, так и в официальную позицию по вопросу соответствия внутренних законов положениям Конвенции. В то же время китайская сторона избегает конкретики при объяснении соответствия своей позиции международным нормам. Многочисленные официальные заявления МИД КНР в недостаточной степени иллюстрируют и разъясняют применимость китайских аргументов к современному территориальному спору и возможностям его разрешения. Можно наблюдать попытки подмены

URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521047.htm (дата обращения: 20.09.2021).

中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 = Заявление правительства Китайской Народной Республики о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521049.htm (дата обращения: 20.09.2021).

³³⁴ 中国坚持通过谈判解决中国与菲律宾在南海的有关争议 = Китай настаивает на разрешении споров между Китаем и Филиппинами в Южно-Китайском море путем переговоров. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160713_8521053.htm (дата обращения: 03.10.2021).

понятий и недосказанность в китайской интерпретации положений Конвенции. В разъяснениях китайской стороны по этому вопросу наблюдаются явные пробелы, а формулировки не убеждают зарубежных специалистов по международному праву.

2.2 Информационная политика КНР по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море

Китай стремится укрепить позицию важного глобального игрока и активно продвигает свои идеологические принципы и ценности, стремясь к «дискурсивному превосходству» и влиянию на формирование международной повестки. Для реализации этих целей Компартия Китая использует синергию медиаресурсов и пропаганды, интегрируя цифровые и традиционные медиаплатформы ³³⁵. Политику по обеспечению национального суверенитета КНР в информационной сфере можно разделить на внутреннее и внешнее направления.

Внутреннее ориентировано в первую очередь на китайскую аудиторию и существует в рамках китайского файрвола (от англ. Firewall – «огненная стена») – внутригосударственной сети Интернет, которая строго контролируется и ограничивает доступ пользователей к информации и ресурсам, которые могут, по мнению властей, вредить национальным интересам страны. Это направление имеет цель не убедить аудиторию, а лишь подпитать уже сложившиеся националистические настроения относительно политики КНР в той или иной сфере, укрепить сформировавшийся внутригосударственный, контролируемый КПК дискурс. Внешнее направление существует за рамками китайского файрвола и направлено на зарубежную аудиторию. Публичная дипломатия преследует цель внешнеполитической пропаганды – продвижения точки зрения и аргументации КНР по различным вопросам мирового управления.

³³⁵ Thibaut K. Chinese Discourse Power: Capabilities and Impact / K. Thibaut. — Washington, D.C. : Atlantic Council, 2023. — 40 с.

Среди направлений, по которым работает китайская политика в сфере информационной поддержки обеспечения национального суверенитета, можно выделить государственный контроль над средствами массовой информации, цензуру информации, которая может представить страну в неблагоприятном свете, пропаганду государственных экономических, внешнеполитических успехов. Помимо традиционных новостных СМИ, таких как агентство Синьхуа, медиакорпорация CGTN, газета The Global Times, для продвижения китайской официальной позиции используются также национальные и международные социальные сети, Интернет-платформы — X (бывший Twitter), YouTube, Facebook и т. д. Используются как аккаунты официальных китайских СМИ и представителей власти, так и крупных лидеров мнений, а также «боты», известные в Китае как *умаодан* (кит. «партия 50 мао»).

Характерной чертой этого направления политики с 2012 г. является усиление контроля государства над транслируемой повесткой, «закручивание гаек», подавление свободной дискуссии, мнений, критикующих политику КНР, указывающих на перегибы и негативные ее последствия. Это включает в себя как непосредственно информационную цензуру, так и ограничительные законы, в частности запрет на иностранное телевизионное вещание, сокращение числа иностранных журналистов на территории КНР. Китай продвигает концепцию кибер-суверенитета для обеспечения возможности властей контролировать интернет-дискурс в пределах национальной границы и за ее пределами³³⁶.

³³⁶ Drinhausen K. Et al. Image Control: How China struggles for discourse power //Mercator Institute for China Studies (MERICS). [Электронный ресурс] URL: <https://merics.org/en/report/image-control-how-china-struggles-discourse-power> (дата обращения: 03.11.2023).

Разумов Е. А. Киберсуверенитет как аспект системы национальной безопасности КНР / Е. А. Разумов. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. — Благовещенск : , 2017. — С. 707-710.

Михалевич Е. А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность / Е. А. Михалевич. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2021. — № 2. — С. 254-264.

В рамках работы со СМИ и новыми медиа, Китай прибегает к таким способам манипулирования мировым общественным мнением, как «дипломатия волков» — напористое, местами агрессивное поведение представителей китайской власти в информационной сфере³³⁷. К таковым относятся резкие, конфронтационные высказывания, публикации в соцсетях, привлекающие внимание своей категоричностью. Как правило, такие заявления касаются дискредитации западной повестки, реакции на осуждение китайской политики.

Среди методов информационной политики также необходимо выделить стратегическое использование языка, подбор специальной терминологии для обозначения политических намерений руководства КНР. К таким терминам, например, относится «сообщество единой судьбы человечества»³³⁸, «закат Запада, возвышение Востока»³³⁹. Они применяются для описания видения китайским руководством структуры мирового управления, продвижения в информационном пространстве приоритетных внешнеполитических идей, таких как многосторонность, ответственное лидерство, устойчивое развитие³⁴⁰.

Для укрепления имиджа КНР как ответственного мирового лидера используется флагманская инициатива председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь». Ее информационная составляющая подчеркивает

³³⁷ Polite Wolves: China's Soft Twitter Diplomacy in Southeast Asia. [Электронный ресурс] URL: <https://fulcrum.sg/polite-wolves-chinas-soft-twitter-diplomacy-in-southeast-asia/>. (дата обращения: 03.10.2023).

³³⁸ 习近平：人类是相互依存的命运共同体 = Си Цзиньпин: Человечество — взаимозависимое сообщество с общим будущим). [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6909839.htm (дата обращения: 03.10.2023).

³³⁹ 着力提高学习实效 全面提升国际传播效能 = Сосредоточьтесь на повышении эффективности обучения и всестороннем повышении эффективности международного общения. [Электронный ресурс] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2023/0811/c40531-40054965.html> (дата обращения: 03.10.2023).

³⁴⁰ Study and Implement General Secretary Xi Jinping's Thought on Diplomacy in a Deep-going Way and Keep Writing New Chapters of Major-Country Diplomacy with Distinctive Chinese Features 2017 Yang Jiechi [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201707/t20170718_678630.html (дата обращения: 03.10.2023).

Xi Focus: Xi expounds on sustainable development at G20 meeting. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-11/23/c_139535787.htm (дата обращения: 03.10.2023).

взаимовыгодное экономическое сотрудничество стран-участниц, возрождение одной из важнейших мировых торговых артерий — Великого шелкового пути и Морского шелкового пути³⁴¹. Этот нарратив используется, чтобы заручиться поддержкой среди стран-участниц инициативы и позиционировать Китай как ответственного мирового лидера, который, в отличие от США, не предъявляет политических условий для сотрудничества³⁴². Подчеркивается неполитическая направленность данных инициатив. Однако, несмотря на отсутствие политических лозунгов, долгосрочные последствия участия в китайских инициативах подразумевают также и политическую лояльность стран-партнеров.

С момента прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г. усилению «дискурсивной власти» Китая на международном уровне отводится все более важная роль³⁴³. Среди используемых методов не только работа с медиа и соцсетями, но и организация мероприятий для СМИ, публикация статей китайских лидеров в местных изданиях, интервью с китайскими послами и т.д.³⁴⁴.

Такая стратегия по созданию положительного образа Китая, противодействию западным нарративам и подчеркиванию вклада КНР в региональный мир, стабильность и развитие способствует продвижению политики Пекина по обеспечению суверенитета в ЮКМ³⁴⁵.

³⁴¹ Full text of President Xi's speech at opening of Belt and Road forum. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (дата обращения: 03.10.2023).

³⁴² Лузянин С. Г. Один пояс, один путь — политические и экономические измерения / С. Г. Лузянин, А. В. Афонасьева. // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2017. — № 40. — С. 5-14.

³⁴³ 习近平在中共中央政治局第三十次集体学习时强调 加强和改进国际传播工作 展示真实立体全面的中国 = Си Цзиньпин в ходе 30-го коллективного исследования Политбюро ЦК КПК подчеркнул необходимость укрепления и совершенствования международной коммуникационной работы, чтобы продемонстрировать реальный, трехмерный и всеобъемлющий Китай. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-06/01/c_1127517461.htm?Ref=neican.org (дата обращения: 03.10.2023).

³⁴⁴ Zheng W. "Tell China's Story Well": Chinese Embassies' Media Outreach in Southeast Asian Media / W. Zheng. — Singapore : ISEAS – Yusof Ishak Institute , 2021. — 15 с.

³⁴⁵ Deng Xijun, "An Undemocratic 'Summit for Democracy'", Mission of People's Republic of China to ASEAN. [Электронный ресурс] URL: http://asean.china-mission.gov.cn/eng/stxw/202112/t20211209_10464838.htm (дата обращения: 03.10.2023).

Дипломатические представительства КНР в странах Юго-Восточной Азии активно вовлекают местные СМИ³⁴⁶ для трансляции «китайского взгляда» (в английском языке используется термин «китайская история» — China story)³⁴⁷. Среди направлений такой работы можно перечислить организацию специализированных медиа-мероприятий посольствами КНР (пресс-туры, экскурсии, семинары); публикацию авторских статей китайских лидеров и дипломатов в местных изданиях; проведения интервью и информационных брифингов китайскими дипломатами для региональных СМИ. Иными словами, работа представителей китайской власти непосредственно с целевой аудиторией, народом³⁴⁸. Представляемый взгляд на Китай,

Deng Xijun, “Uncovering Truth About AUKUS”, Mission of People’s Republic of China to ASEAN. [Электронный ресурс] URL: http://asean.china-mission.gov.cn/eng/stxw/202109/t20210930_9578428.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

³⁴⁶ “China Media Group and ASEAN media set up partnership to boost regional development”, CGTN. [Электронный ресурс] URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-07-14/CMG-and-ASEAN-media-set-up-partnership-to-boost-regional-development-11terueblh6/index.html>. (дата обращения: 03.10.2023).

“感受 70 载辉煌发展成就 唱响中国-东盟美好未来—东盟媒体代表团访华纪实”, 中国驻东盟使团= Почувствуйте славыные достижения развития за последние 70 лет и пойте о светлом будущем Китая и АСЕАН. [Электронный ресурс] URL: http://asean.china-mission.gov.cn/stxw/202109/t20210925_8849155.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

³⁴⁷ “The China Story: Reshaping the World’s Media”, International Federation of Journalists. [Электронный ресурс] URL: https://www.ifj.org/fileadmin/user_upload/IFJ_chinareport_2020.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

³⁴⁸ “Written Interview of Ambassador WANG Wentian on Fighting COVID-19 Pandemic”, Embassy of the People’s Republic of China in the Kingdom of Cambodia. [Электронный ресурс] URL: http://kh.china-embassy.gov.cn/eng/dssghd_1/202108/t20210818_8938489.htm (дата обращения: 03.10.2023).

“A signed article ‘Covid-19 origin tracing: Respect science, reject politicisation’ by Mr. Zhang Xumin. Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of Singapore. [Электронный ресурс] URL: http://sg.china-embassy.gov.cn/eng/sgsd/202108/t20210820_8913765.htm (дата обращения: 03.10.2023).

“Signed Article by H.E. Dr. Xiao Jianguo, Chinese Ambassador to Timor-Leste, published on Suara Timor Lorosae”, Embassy of the People’s Republic of China in the Democratic Republic of Timor-Leste 18 June 2021. [Электронный ресурс] URL: http://tl.china-embassy.gov.cn/eng/xwdt/202106/t20210618_8909268.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

“Written Interview of Chinese Ambassador to Cambodia H.E. Wang Wentian on the Outcomes of State Councilor Wang Yi’s Visit to Cambodia by Cambodia News Agency”. Embassy of the People’s Republic of China in the Kingdom of Cambodia. [Электронный ресурс] URL: http://kh.china-embassy.gov.cn/eng/dssghd_1/202109/t20210920_9579992.htm (дата обращения: 03.10.2023).

“Ambassador Xiao Qian published a signed article titled United States origin tracing of coronavirus is a dead end in Jakarta Post”. Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of Indonesia. [Электронный ресурс] URL: http://id.china-embassy.gov.cn/eng/sgdt/202109/t20210910_9633640.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

“Keynote Speech by Chinese Ambassador Xiao Qian at Seminar ‘Connecting Indonesia and China through Belt and Road Initiative’”. Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of Indonesia. [Электронный ресурс] URL: http://id.china-embassy.gov.cn/eng/sgdt/201903/t20190327_2049062.htm (дата обращения: 03.10.2023).

“Full text: Why Belt and Road and Global Maritime Fulcrum Cooperation Benefits both China and Indonesia?” Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of Indonesia. [Электронный ресурс] URL: http://id.china-embassy.gov.cn/eng/sgdt/201909/t20190902_2049102.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

направленный на аудиторию ЮВА, носит исключительно положительный характер, выделяется три ключевые тематики: критика западных нарративов, укрепление отношений между Китаем и странами АСЕАН, а также продвижение достижений Китая по различным направлениям внутренней и внешней политики.

Особый толчок этой тенденции придала мировая пандемия коронавируса в 2020 г., начавшаяся, согласно официальным данным ВОЗ, в КНР. В период пандемии Китай применил все свои наработки по формированию международного нарратива относительно политики по сдерживанию распространения вируса и продвижения противоэпидемиологических мер. Особенно явно эта информационная политика была направлена на государства ЮВА.

Так, быстрый и эффективный ответ властей КНР на распространение заболевания, а также сохранение роста экономики в 2020 г. были преподнесены китайской пропагандой как результат успеха китайской модели управления, опыт которой активно предлагался для адаптации в других государствах. Подчеркивалось при этом, что речь идет не о заимствовании модели, а именно адаптации ее под определенные условия,

“Timor Post published a signed article by Ambassador Xiao Jianguo on the Belt and Road Forum”/ Embassy of the People’s Republic of China in the Democratic Republic of Timor-Leste. [Электронный ресурс] URL: http://tl.chineseembassy.org/eng/xwdt/201904/t20190426_1140850.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

“Full text of Chinese ambassador Xiao Qian’s article on Belt and Road Initiative published by the Jakarta Post”, Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of Indonesia. [Электронный ресурс] URL: http://id.china-embassy.gov.cn/eng/sgdt/201904/t20190409_2049070.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

“Ambassador Huang Xilian: All Chinese projects will continue as planned”. Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of the Philippines. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceph/eng/sgdt/t1811014.htm> (дата обращения: 03.10.2023).

“Interview of H.E. Ambassador Ouyang Yujing with BERNAMA”. Embassy of the People’s Republic of China in Malaysia. [Электронный ресурс] URL: http://my.china-embassy.gov.cn/eng/sgxw/202103/t20210316_9935451.htm. (дата обращения: 03.10.2023).

“Ambassador Huang Xilian: All Chinese projects will continue as planned”. Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of the Philippines. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceph/eng/sgdt/t1811014.htm> (дата обращения: 03.10.2023).

“The South China Sea issue should not be a tool for implementing the strategy of containing China by non-regional countries”. Embassy of the People’s Republic of China in the Kingdom of Thailand. [Электронный ресурс] URL: http://th.china-embassy.gov.cn/eng/sgxw/202007/t20200714_10149168.htm (дата обращения: 03.10.2023).

“China-Philippines Relations Shine Brighter in the Tempering of Time”. Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of the Philippines. [Электронный ресурс] URL: http://ph.china-embassy.gov.cn/eng/sgdt/202106/t20210609_8936066.htm (дата обращения: 03.10.2023).

так как китайская модель уникальна и сформировалась в Китае в силу особых обстоятельств. Так Пекин пытался обезопасить себя от обвинений в попытке вмешательства во внутренние дела других государств и навязывания своей политики и стандартов.

Опыт противоэпидемиологической кампании, а также материальные ресурсы для борьбы с вирусом передавались другим, в основном менее развитым государствам, в том числе ЮВА. Страны АСЕАН не присоединились к начавшейся в публичном пространстве во время пандемии волны осуждения китайских властей в недостаточных усилиях по контролю и сдерживанию вируса, слишком жестких мерах подавления эпидемии. В ответ на это Китай приоритизировал страны ЮВА при распределении помощи: поставке необходимых медицинских средств, включая вакцины, защитные маски и диагностические тесты, чтобы помочь странам региона в преодолении кризиса.

В контексте пандемии Китай был признан наиболее эффективным партнером региона в борьбе с COVID-19, согласно мнению 57,8 проц. населения региона. В то же время доля респондентов, считающих США наиболее эффективным партнером, составила 23,2 проц. Однако, несмотря на это, более 50 проц. населения АСЕАН выразили предпочтение вакцинам Pfizer и Moderna из США, в то время как китайские вакцины Sinopharm и Sinovac выбрали менее 20 проц³⁴⁹.

В рамках стратегии КНР по расширению своего влияния в ЮВА посредством дискурсивной мощи возникает вопрос о степени доверия, которым «китайский взгляд» пользуется у населения стран региона. Ответ на данный вопрос представляет собой сложную задачу из-за широкого спектра мнений и взглядов, присутствующих в регионе, что обусловлено не только межгосударственными различиями, но также и многообразием в

³⁴⁹ Seah S. Climate Change: Southeast Asia's Existential Threat / S. Seah. // Southeast Asian Affairs. — 2022. — № 1. — С. 73-88.

пределах отдельных обществ. Эта неоднозначность подчеркивает важность учета индивидуальных и коллективных точек зрения при анализе эффективности китайской дискурсивной стратегии в ЮВА³⁵⁰.

Другой важной опорой информационной поддержки и продвижения китайской политики в ЮКМ является академическая база: исследования, проводимые китайскими учеными, которые являются научным подспорьем для обоснования претензий КНР в ЮКМ. Исследовательская активность охватывает широкий спектр направлений, включая океанографические изыскания, разведочные работы в области нефти и газа, военные, исторические, юридические, лингвистические исследования. Этот метод предполагает комплексный подход, который сочетает в себе создание и государственное спонсирование специализированных исследовательских центров, интеграцию результатов исследований китайских ученых в систему образования и пропагандистскую работу властей, а также идеологический контроль над результатами исследований. В свою очередь, эти методы являются частью более масштабной стратегии «мягкой силы» КНР, призванной влиять на международное мнение и политику по вопросу территориальных споров в ЮКМ.

Согласно анализу американского Центра стратегических и международных исследований, Китай осуществляет масштабные исследовательские проекты в Южно-Китайском море, часто нарушая границы ИЭЗ, принадлежащих государствам ЮВА, таким как Вьетнам, Филиппины и Малайзия. Данные действия преследуют множество целей, начиная от подтверждения территориальных претензий Китая и заканчивая

³⁵⁰ China's Media Go Global but Struggle with Credibility. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2020/01/chinas-media-go-global-but-struggle-with-credibility/> (дата обращения: 03.10.2023).

сбором информации, которая может быть использована как в гражданских, так и в военных целях³⁵¹.

До конца XX в. в Китае научные исследования в основном были посвящены не политическому и юридическому аспекту проблемы ЮКМ, а географическому и геологическому³⁵². Однако с начала XXI в. в связи с активизацией территориальных споров в китайской научной литературе появлялось все больше работ, нацеленных на доказательство правомерности претензий КНР в ЮКМ с точки зрения истории международного права³⁵³. Государство также стало уделять больше внимания спонсированию специализированных научных учреждений.

В июле 2012 г. при содействии Министерства образования, Министерства иностранных дел, Министерства финансов КНР, а также

³⁵¹ New report reveals extent of Chinese surveys in South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rfa.org/english/news/china/southchinesea-surveys-03012022152826.html> (дата обращения: 03.10.2023).

³⁵² Среди наиболее часто цитируемых материалов: 姜广策, 林永成, 周世宁. 中国南海红树内生真菌 No. 1403 次级代谢物的研究 = Исследование вторичных метаболитов эндофитных грибов мангровых зарослей Южно-Китайского моря No. 1403 // 中山大学学报: 自然科学版. – 2000. – Т. 39. – №. 6. – С. 68-72.

赖万忠. 中国南海北部二氧化碳气成因 = Происхождение углекислого газа в северной части Южно-Китайского моря // 中国海上油气 (地质). – 1994. – Т. 8. – №. 5. – С. 319-327.

张波, 黄长穆. 中国南海流花 11—1 油田的深水开发技术 = Технология глубоководной разработки нефтяного месторождения Liu Hua 11—1 в Южно-Китайском море // 中国海上油气 (工程). – 1998. – Т. 10. – №. 3. – С. 36-44.

林厚文 et al. 中国南海总合草苔虫中抗肿瘤活性成分研究——I. Bryostatin 4~6 的分离鉴定及其体外抗肿瘤活性 = Исследование антитуморных компонентов в бризоах Южно-Китайского моря — I. Идентификация и изоляция Bryostatin 4~6 и их антитуморная активность in vitro // 中国海洋药物. – 1998. – Т. 17. – №. 3. – С. 1-6.

朱伟林 et al. 中国南海油气资源前景 = Перспективы нефтегазовых ресурсов Южно-Китайского моря // 中国工程科学. – 2010. – Т. 12. – №. 5. – С. 46-50.

谢彬, 张爱霞, 段梦兰. 中国南海深水油气田开发工程模式及平台选型 = Модели разработки глубоководных нефтегазовых месторождений и выбор платформы в Южно-Китайском море // 石油学报. – 2007. – Т. 28. – №. 1. – С. 115-118.

³⁵³ 李国强. 中国南海诸岛主权的形成及南海问题的由来 = Формирование суверенитета над островами Южно-Китайского моря и происхождение проблемы Южного Китая // 求是. – 2011. – №. 15. – С. 49-51.

李庆功 et al. 中国南海安全的战略思考 = Стратегические размышления о безопасности Южно-Китайского моря // 科学决策. – 2014. – №. 11. – С. 1-51.

巩建华. 中国南海海洋政治战略研究——论南海争端中的中国作为 = Исследование морской политической стратегии Южно-Китайского моря — О роли Китая в спорах Южного Китайского моря // 太平洋学报. – 2012. – Т. 20. – №. 3. – С. 75-87.

贾宇. 南海问题的国际法理 = Международно-правовые аспекты проблемы Южного Китая // 中国法学. – 2012. – №. 6. – С. 26-35.

葛红亮. 东盟在南海问题上的政策评析 = Анализ политики АСЕАН по вопросам Южного Китайского моря // 外交评论: 外交学院学报. – 2012. – Т. 29. – №. 4. – С. 66-80.

правительства провинции Хайнань и Государственной океанической администрации был учрежден Совместный инновационный центр исследований Южно-Китайского моря в престижном Нанкинском университете. Центр активно взаимодействует с другими научными учреждениями, включая Национальный институт исследований Южно-Китайского моря, Военно-морскую академию командования и Китайский Народный университет. Его деятельность направлена на проведение фундаментальных исследований, а также на разработку практических мероприятий по решению проблем, связанных с Южно-Китайским морем, научное поддержание стратегии развития Китая в качестве «морской державы»³⁵⁴.

Национальный институт исследований Южно-Китайского моря (NISCSS), расположенный в провинции Хайнань, является одним из ведущих учреждений, занимающихся научными исследованиями Южно-Китайского моря. Созданный в 1996 г. институт тесно связан с Министерством иностранных дел и Государственной океанической администрацией. Область интересов Национального института исследований Южно-Китайского моря связана с историческими и географическими аспектами, с фокусом на вопросы суверенитета, геополитической динамики в регионе, включая политику соседних государств в отношении ЮКМ, а также применение Конвенции ООН по морскому праву³⁵⁵. Другие элитные исследовательские институты, такие как Институт международных исследований Китая, Академия общественных наук КНР, Институт международных стратегических исследований Партийной школы ЦК КПК, Институт стратегии развития морской среды Национальной океанической администрации и др., также

³⁵⁴ Collaborative Innovation Center of South China Sea Studies. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nju.edu.cn/en/info/1066/4561.htm> (дата обращения: 07.08.2023).

³⁵⁵ Национальный институт исследований Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: <https://en.nanhai.org.cn/index/survey/index.html> (дата обращения: 07.08.2023).

проводят свои собственные исследования. Многие из научных направлений нацелены именно на доказательство и подтверждение правомерности претензий КНР в ЮКМ на основании исторических документов, а также геологических, географических и океанологических исследований.

Возросшая активность как научного сообщества, так и государственных ведомств Китая по информационному обеспечению суверенитета пришлась на период после 2016 г. — года вынесения вердикта ППТС в Гааге по иску Филиппин к КНР. Так, в сентябре 2016 г. вышла работа китайских географов Института исследования географии и океанологии Хайнаньского педагогического университета, изучивших координаты одиннадцатипунктирной прерывистой линии в ЮКМ на карте Китайской Республики 1947 г.³⁵⁶ Работу сразу окрестили «доказательством суверенитета КНР над ЮКМ». На основе карты, а также других исследований китайских ученых, была построена трехмерная модель ЮКМ, а затем с помощью алгоритма пространственного наложения проанализированы топографические характеристики морского дна³⁵⁷. Результаты показали, что длина и интервалы сегментов пунктирной линии различаются в зависимости от их географического положения и свидетельствуют не о случайном порядке их нанесения, а напротив, соответствии интервалов пунктирной линии географическим характеристикам дна ЮКМ. Ученые пришли к выводу, что большая длина пунктиров на Востоке и меньшая на Западе, ареал и форма сегментов пунктирных линий, преимущественно расположенных на континентальном склоне и шельфе, сопоставимы с подстилающим рельефом, что говорит об определенных геологических основаниях, которыми руководствовались

³⁵⁶ Wang Y. Evidence of China's sea boundary in the South China Sea / Y. Wang, C. Ge, X. Zou // *Acta Oceanologica Sinica*= *Hai Yang Hsueh Pao*. — 2017. — № 4. — С. 1-12.

³⁵⁷ Там же.

Wang Y. Characteristics of submarine geomorphology, natural resources distribution and border intermittent lines of the South China Sea / Y. Wang, J. Ma. // *Journal of Nanjing University*. — 2003. — № 39 (6). — С. 797-805..

составители карты. Сопоставление расположения пунктирных линий и их формы с рельефом морского дна, по утверждению авторов работы, указывает на основания для признания правомерности претензий КНР на акватории и острова в рамках пунктирной линии и является «научной основой» претензий КНР в ЮКМ (см. Приложение 3)³⁵⁸.

Авторы пришли к выводу, что недостаточная изученность карты привела к тому, что в 1953 г. одиннадцатипунктирная линия превратилась в девятипунктирную. Коммунистические власти Китая на тот момент не понимали, на основании чего изначально были проведены линии, в связи с чем отказались от двух пунктирных черт в северной части ЮКМ. Оригинал карты говорит о том, что пунктирные линии были проведены на определенном расстоянии от береговой линии прибрежных стран, что, согласно утверждениям китайских исследователей, совпадало с требованиями соблюдения территориальных вод этих государств в 1930–1940 гг. В исследовании не приводятся данных, на основании которых авторы пришли к такому заключению.

Выводы китайских ученых о географических предпосылках нанесения одиннадцатипунктирной линии на акваторию ЮКМ в качестве морской границы, как бы то ни было, не предоставляют юридической базы для признания линии легитимной. Утверждение о том, что удаленность линий на карте от береговой линии рассчитана с условием сохранения территориальных вод прибрежных стран в 1930–1940 гг., также не имеет юридической силы, так как границу территориальных вод после 1982 г. регламентирует Конвенция ООН, а не карта, изданная в 1947 г.

³⁵⁸ 单之蔷：事关主权的重大地理学发现：南海“断续线”划分的依据是地形 = Шань Чжицян. Крупное географическое открытие, связанное с суверенитетом: «пунктирная линия» в Южно-Китайском море разделена по топографии. [Электронный ресурс] URL: <https://nanhai.nju.edu.cn/64/8d/c5318a156813/page.htm> (дата обращения: 07.08.2023).

Китайские исследователи также уделяют особое внимание историческим обоснованиям политики КНР в ЮКМ³⁵⁹. Некоторые настаивают, что политика Цинской династии была направлена на развитие международной и частной морской торговли. Морская ориентация политики Цинов с конца XVII в. привела к развитию морских портов, таких как Шанхай и Гонконг, дала толчок интеграции Китая в глобальную торговлю и экономику того времени³⁶⁰. Военный флот Цинов, в отличие от периода предыдущих династий, функционировал скорее, как современная береговая охрана. Особое внимание Цины уделяли защите торговли и искоренению пиратства в пределах бюрократически управляемого морского пространства. Некоторые исследователи утверждают, что власти Китая, вопреки распространенному в научном сообществе мнению, не закрывались от внешнего мира, а оценивали потенциальные угрозы и последовательно использовали на практике оценки этих угроз³⁶¹. И все же куда большее количество исследований исторических источников говорит о том, что власти Цинской империи далеко не всегда относились к исследованию морских рубежей благосклонно.

Некитайские, в том числе отечественные, исследователи отмечают, что с древних времен у китайского народа сложилось особенное отношение к

³⁵⁹ 聂有财. 清代琿春巡查南海问题初探 = Нье Юйцай. Первоначальное исследование проблемы Южного Китая во время патрулирования Хуньчуня в эпоху Цин // *Qing History Journal*. – 2015. – Т. 97. – №. 4.
夏增民. 关于南海诸岛的历史主权问题 = Ся Цзэнминь. Проблема исторического суверенитета островов Южного Китая // *华中国学* : дис. – 2018.

张召忠. 要从历史, 法律和现实的角度研究南海问题——张召忠新著《走向深蓝》访谈录 = Чжан Жаочжун. Необходимо изучать проблему Южного Китая с точки зрения истории, права и реальности — Записи интервью с Чжан Жаочжуном, автором новой книги «К глубокому синему» // *军营文化天地*. – 2012. – №. 4. – С. 30-31.

³⁶⁰ Leonard B. The Qing Opening to the Ocean: Chinese Maritime Policies, 1684–1757 / B. Leonard, Z. Gang. // *The American Historical Review*. — 2014. — № 3. — С. 868–869.

Zhao G. The Qing Opening to the Ocean: Chinese Maritime Policies, 1684-1757 / Z. Gang. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 2013. — 282 с.

Shen J. China's sovereignty over the South China Sea Islands: A historical perspective / J. Shen. // *Chinese J. Int'l L.* — 2002. — № 1. — С. 94-155..

³⁶¹ Po R. C. The Blue Frontier: Maritime Vision and Power in the Qing Empire / R. C. Po. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 308 с.

Po R. C. Mapping maritime power and control: a study of the late eighteenth century Qisheng yanhai tu (a coastal map of the seven provinces) / R. C. Po. // *Late Imperial China*. — 2016. — № 2. — С. 93-136.

морским границам, которое значительно влияло на формирование политики китайского правительства до наших дней. К началу I тыс. до н. э. в Китае была установлена морская граница протяженностью около 18 тыс. км, которая тянулась от Ляодунского полуострова на востоке до нынешних границ с Вьетнамом³⁶². К этому времени у китайцев — при том, что себя они считали Поднебесной, власть императора которой распространяется на все, что находится под Небом — сложилось понимание рубежей. На севере они отгородились от варваров Великой Китайской стеной, установили пограничные столбы. На южных и морских рубежах суверенитет реализовывался через контроль над пограничной морской линией, включающий регулирование движения иностранных судов в порты Китая и ограничение выхода в море для китайских подданных³⁶³.

К середине VII в. в Китае сформировались провинциальные надзорные органы, следящие за соблюдением «морского запрета» и регулирующие морскую торговлю. К X в. было учреждено специальное Управление торговых кораблей (*шибосы*), выполнявшее функции как дипломатического, так и торгового ведомства³⁶⁴. В XIII в., в период правления монгольской династии Юань, политика «морского запрета» в Китае приобрела системный характер³⁶⁵.

При династии Мин (1368–1644 гг.) отношение двора к морским пространствам несколько раз менялось. Эпоха ранней Мин характеризовалась активной морской торговлей. В начале XV в. адмирал Чжэн Хэ возглавил семь крупных экспедиций, достигших Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Ближнего Востока и даже восточного побережья Африки. Эти путешествия были направлены на демонстрацию могущества

³⁶² Мясников В. С. Границы Китая: история формирования / В. С. Мясников, Е. Д. Степанов. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 469 с.

³⁶³ Sun L. Chinese maritime concepts / L. Sun. // Asia Europe Journal. — 2010. — № 8. — С. 327-338..

³⁶⁴ Antony, R. China's rise and retreat as a maritime power / R. Antony, A. Schottenhammer. // New Discourses on Chinas Role in East Asian Maritime History. — Висбаден : Harrassowitz, 2017. — С. 189-211.

³⁶⁵ Там же.

Китая и расширение сети вассальных государств в китаецентричной даннической системе. В XIV в. был введен запрет на выход частных лиц в море, вызванный увеличившейся активностью японских пиратов у берегов Китая³⁶⁶. Были предприняты меры по усилению патрулирования морских рубежей, охраны береговой линии. Как бы то ни было, во время поздней Мин рестрикции были ослаблены, активизировались связи с иностранными торговцами, португальцами и испанцами.

Тем не менее к 1656 г., в период правления маньчжурской династии Цин, морское побережье Китая было полностью изолировано от внешнего мира³⁶⁷. Необходимо подчеркнуть, что на протяжении нескольких тысяч лет китайской истории отношение императорского двора к морским пространствам менялось, и однозначная характеристика исторического китайского отношения к морю не может быть объективной. На формирование взгляда на китайскую морскую политику как изоляционистскую во многом повлияли исследования 1950-х гг. Дж. Фэрбэнка. С середины XX в. его интерпретация являлась наиболее влиятельным и авторитетным объяснением истории китайской внешней торговли. Как в Китае, так и на Западе в академических и публицистических работах морская политика империи Цин описывалась как пассивная, консервативная и изоляционистская, что в значительной степени основывалось на парадигме Фэрбэнка. И, как указывает исследователь морской политики эпохи Цин Чжао Хан, немного было сделано последующими исследователями темы для пересмотра европоцентристских предположений, лежащих в основе той модели³⁶⁸.

³⁶⁶ Zhao G. The Qing Opening to the Ocean: Chinese Maritime Policies, 1684-1757 / Z. Gang. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 2013. — 282 c.

Li K. The Ming maritime trade policy in transition, 1368 to 1567 / K. Li. — Висбаден : Harrassowitz, 2010. — 211 c.

³⁶⁷ Po R. C. Qing China and Its Offshore Islands in the Long Eighteenth Century / R. C. Po. // The Historical Journal. — 2024. — № 67 (3). — С. 1-33.

³⁶⁸ Zhao G. The Qing Opening to the Ocean: Chinese Maritime Policies, 1684-1757 / Z. Gang. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 2013. — 282 c.

Несмотря на изоляцию материка от моря и нежелание китайских властей активно развивать морские пространства у рубежей страны, в китайском имперском понимании море оставалось подчиненным Китаю в соответствии с представлениями о безграничной императорской власти. Примечательно, что и Вьетнам в ответ может предъявлять аналогичные претензии на острова в ЮКМ на основании их исторической принадлежности стране, ведь первые свидетельства вьетнамского присутствия относятся к 1816 г. В Китае же полагают, что исторические претензии Вьетнама не имеют силы, так как Вьетнам до 1884 г. находился в вассальных отношениях с Цинской империей³⁶⁹.

Параллельно с этим на рубеже XIX–XX вв. формировалось национальное сознание и, следовательно, понимание пределов национального суверенитета — территорий, фактически находящихся под контролем китайской государственной власти. Военные конфликты XX в. и потеря Китаем Маньчжурии, острова Тайвань, прибрежных территорий Ляодунского полуострова усилили эту тенденцию, явно продемонстрировав значение суверенитета для государства³⁷⁰.

Современные китайские историки в соответствии с целями национальной политики стремятся осветить историю освоения морских пространств Китаем таким образом, чтобы она подтверждала тезис об «историческом праве» на суверенитет страны в ЮКМ. Результаты исторических исследований цитируются в заявлениях китайских государственных ведомств в качестве доказательств исторической справедливости притязаний Китая на спорные акватории. Аргументация,

³⁶⁹ Jia B. The Nine-Dash Line in the South China Sea: History, Status, and Implications / B. Jia, Z. Gao // *The American Journal of International Law*. — 2013. — № 107 (1). — С. 98-124.

罗欢欣. 《美国国际法杂志》南海专刊文章述评 = Ло Хуаньсинь. Обзор статей в Южно-Китайском море. Специальный выпуск «Американского журнала международного права» // *北方法学*. — 2016. — №. 4. — С. 138-150.

³⁷⁰ Hutters T. Bringing the world home: Appropriating the West in late Qing and early republican China / T. Hutters. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 2005. — 370 с.

основанная на «длительной истории» суверенитета Китая над ЮКМ, является не столько реальным юридическим основанием политики Китая в ЮКМ, сколько попыткой сформировать и утвердить определенный дискурс. Однако, учитывая, что пока ни одно из государств или научных сообществ зарубежных стран не солидаризировалось с китайской позицией, этот подход нельзя считать успешным.

Вывод к параграфу. Политическое руководство КНР использует комплексный подход в реализации информационной политики по обеспечению национального суверенитета, в частности в ЮКМ. По направленности она делится на внутреннюю (закрепляющую установленный внутри государства нарратив) и внешнюю (продвижение этого нарратива вовне). Качественно информационную политику можно разделить на: 1) внутригосударственное регулирование информации (законы о публикации официальных карт, идеологический контроль КПК над информационной повесткой) и публичную дипломатию – использование социальных платформ и СМИ, работу посольств с зарубежными СМИ; 2) работу со СМИ: файервол, цензура внутренних СМИ и работа иновещательных СМИ; 3) академическую базу: создание научных центров, посвященных исследованию ЮКМ, строгая цензура, политизация и идеологизация работы ученых, использование результатов исследований в качестве официальной аргументации КНР по вопросам суверенитета в ЮКМ.

2.3 Многостороннее и двустороннее дипломатическое взаимодействие КНР с участниками территориальных споров в Южно-Китайском море

Дипломатическая стратегия КНР в отношении государств-членов АСЕАН охватывает различные аспекты взаимодействия, включая информационное, гуманитарное и культурное направления политики, экономическое и энергетическое сотрудничество, обеспечение

безопасности, а также координированные действия в ответ на глобальные вызовы. Среди направлений сотрудничества со странами ЮВА и дипломатических усилий Пекина в рамках политики по обеспечению национального суверенитета в ЮКМ можно выделить:

1) работу с экономически активной китайской диаспорой в странах ЮВА;

2) дипломатические инициативы КНР, нацеленные на формирование образа ответственного регионального лидера. Специфические направления сотрудничества включают в себя реализацию инициативы морского «сообщества единой судьбы человечества», экономической составляющей которой являются инициативы «Один пояс, один путь», «Морской Шелковый путь XXI в.», культурной — Инициатива глобальной цивилизации, создание языковых и культурных центров, таких как Институт Конфуция;

3) многостороннюю работу со странами ЮВА в рамках блока АСЕАН, в частности, переговоры по утверждению Кодекса поведения в ЮКМ³⁷¹;

4) двусторонний формат взаимодействия со странами-участницами территориальных споров и других участников АСЕАН для закрепления влияния на позицию отдельных государств по вопросам взаимодействия с КНР.

Данное направление дипломатии Китая в отечественной литературе называют политикой добрососедства. Она подразумевает обеспечение национальных интересов страны посредством формирования стабильной

³⁷¹ Batongbacal J. L. Asia's Quest for Balance: China's Rise and Balancing in the Indo-Pacific / J. L. Batongbacal. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2018. — 334 с.

Xiplomacy: How China helps preserve cultural heritage sites in Asia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202304/29/WS644c85cfa310b6054fad079b.html> (дата обращения: 07.09.2023).

China's Bid to Construct a 'Maritime Community With a Shared Future' in the South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2023/11/chinas-bid-to-construct-a-maritime-community-with-a-shared-future-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 07.09.2023).

What's Behind the New China-ASEAN South China Sea Code of Conduct Talk Guidelines? [Электронный ресурс] URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/whats-behind-new-china-asean-south-china-sea-code-conduct-talk-guidelines> (дата обращения: 07.09.2023).

внешнеполитической обстановки для прогнозирования и предупреждения кризисов и конфликтов³⁷². Такую политику также можно отнести к «мягкой силе» Китая, инвестиции в которую, по некоторым оценкам, составляют до 10 млрд долл. в год³⁷³.

В рамках стратегии расширения «мягкой силы» Китая на территории ЮВА важную роль играет диаспора этнических китайцев (*хуацяо* — зарубежные китайцы, или *хуажэнь* — этнические китайцы без китайского гражданства). Китайская диаспора является значимым экономическим актором в данном регионе. При численности около 50 млн человек, что составляет относительно небольшую долю от общего населения стран региона, этнические китайцы занимают доминирующие позиции в экономике — на их деятельность приходится около 10 проц экономической активности региона³⁷⁴. Особенно это выражается в том, что *хуацяо* представлены в большинстве списков миллиардеров стран ЮВА. Они управляют более чем тремя четвертями регионального богатства миллиардеров, которое оценивается в 369 млрд долларов³⁷⁵. Этнические китайцы также являются значительным источником инвестиций для стран региона, показатель достигает 30 млрд долл.³⁷⁶

Диаспора выступает в качестве важного звена, соединяющего китайский и юго-восточноазиатский бизнес. Примером может служить CP Group, получающая значительную часть своего годового дохода от операций в Китае и владеющая долями в крупнейших и значимых для

³⁷² Портяков В. Я. Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен / В. Я. Портяков. // Проблемы Дальнего Востока. — 2011. — № 1. — С. 136-150.

³⁷³ Shambaugh D. China's soft-power push: The search for respect / D. Shambaugh. // Foreign Affairs. — 2015. — № 4. — С. 99-107.

³⁷⁴ Верлин Е. В. Проблемы формирования и эволюции "Большого Китая": Роль и место Китая в интеграционных процессах региона ЮВА : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Верлин Е. В. — Москва, 2001. — 180 с.

³⁷⁵ South-East Asian tycoons' high-wire act. [Электронный ресурс] URL: <https://www.economist.com/business/2020/05/28/south-east-asian-tycoons-high-wire-act> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁷⁶ Strangio, S. In the Dragon's Shadow: Southeast Asia in the Chinese Century / S. Strangio. — New Haven : Yale University Press, 2020. — 360 с.

государства китайских компаниях, таких как страховой конгломерат Ping An Insurance³⁷⁷.

В эпоху провозглашенного Си Цзиньпином «возрождения китайской нации» и китайской идентичности, различия между *хуацяо* и *хуажэнь* размываются³⁷⁸. Этот процесс поддерживается политическими инициативами руководства КНР, например, идеями «одной большой китайской семьи», «сыновей и дочерей Китая»³⁷⁹. Такие инициативы не только увеличивают роль *хуацяо* и *хуажэнь* в процессе культурного объединения этнических китайцев, но также способствуют продвижению экономической и геополитической стратегии Китая в ЮВА³⁸⁰.

Так, экономическое преобладание этнических китайцев в регионе ЮВА выдвигает их на передний план стратегических интересов КПК, превращая диаспору в важный элемент распространения китайских ценностей. Это способствует укреплению межкультурных, экономических и политических связей между Китаем и странами ЮВА, что является одной из основных целей китайской стратегии «мягкой силы»³⁸¹.

Различные инициативы дипломатии КНР, такие как Инициатива глобальной цивилизации, Глобальная инициатива безопасности, о которых Си Цзиньпин объявил в 2023 г.³⁸², Инициатива глобального развития,

³⁷⁷ Business Moguls and Chinese (Soft) Power: The 'Huaren' of Southeast Asia. [Электронный ресурс] URL: thediplomat.com/2021/05/business-moguls-and-chinese-soft-power-the-huaren-of-southeast-asia/ (дата обращения: 07.09.2023).

³⁷⁸ Ларин А. Г. Роль китайской диаспоры в развитии экономики Китая / А. Г. Ларин. // Российский внешнеэкономический вестник. — 2006. — № 2. — С. 39–46.

³⁷⁹ Suryadinata L. The rise of China and the Chinese overseas: A study of Beijing's changing policy in Southeast Asia and beyond / L. Suryadinata. — Singapore : ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2017. — 278 с.

³⁸⁰ Beijing's influence operations target Chinese diaspora [Электронный ресурс] URL: <https://warontherocks.com/2018/03/beijings-influence-operations-target-chinese-diaspora/> (дата обращения: 07.09.2023).

China's 'one big family' policy raises concerns. [Электронный ресурс] URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/chinas-one-big-family-policy-raises-concerns> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁸¹ Мосяков Д. В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии / Д. В. Мосяков. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2010. — № 14. — С. 5–22.

³⁸² Global Times: The Global Civilization Initiative full of Chinese wisdom, injects fresh momentum into bright shared future. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/global-times-the-global-civilization-initiative-full-of-chinese-wisdom-injects-fresh-momentum-into-bright-shared-future-301799204.html> (дата обращения: 07.09.2023).

объявленная в декабре 2021 г.³⁸³, концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и инициатива «Один пояс, один путь» демонстрируют тесное взаимопроникновение и наличие схожих или идентичных элементов. Основопологающим аспектом является их рамочный характер, где содержание этих инициатив не имеет строгого определения и фиксации в нормативных документах, а представлено в гибкой и адаптивной форме, варьирующейся в соответствии с текущими потребностями и стратегическими возможностями. Эти инициативы являются компонентами более широкого понятия «мягкой силы». Они предусматривают проведение культурных фестивалей, реализацию образовательных проектов в сотрудничестве с государствами АСЕАН, организацию годов культурного обмена, установление партнерских отношений между городами и прочие мероприятия³⁸⁴.

В этих действиях центральную роль играет Рабочий отдел Объединенного фронта Коммунистической партии Китая, задачей которого является продвижение сотрудничества на государственном и международном уровне для реализации целей Компартии³⁸⁵. Среди основных направлений деятельности отдела выделяется продвижение изучения китайского языка среди иностранной молодежи, принятие мер по защите прав лиц китайского происхождения, финансирование за рубежом научных центров, поддерживающих китайскую повестку, а также

³⁸³ Global Development Initiative to improve velocity of 2030 Agenda: UN resident coordinator in China. [Электронный ресурс] URL: http://www.china.org.cn/world/2021-12/11/content_77924322.htm#:~:text=The%20GDI%2C%20proposed%20by%20Chinese%20President%20Xi%20Jinping%2C,the%20post-pandemic%20era%20and%20strengthen%20international%20development%20cooperation (дата обращения: 07.09.2023).

³⁸⁴ Подробные отчеты о работе КНР-АСЕАН по направлениям культуры, туризма, образования можно найти на сайте Центра АСЕАН-Китай. [Электронный ресурс] URL: <http://www.asean-china-center.org/english/news/culture.htm> (дата обращения: 07.09.2023).

Миссии КНР в АСЕАН. [Электронный ресурс] URL: <http://asean.china-mission.gov.cn/eng/zdjl/> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁸⁵ Там же.

обеспечение возможности влияния на зарубежные китайскоязычные СМИ³⁸⁶.

Анализ критики, направленной на стратегии «мягкой силы» Китая, выявляет, что китайские подходы прежде всего соответствуют его интересам, а выгода для остальных участников проектов не всегда очевидна. Например, прокламация «всеобщих» стремлений обладает «относительным характером», продвигает релятивизм ценностей в международных отношениях, размывает «международный порядок, основанный на правилах»³⁸⁷. Заявления Си Цзиньпина о нежелании Китая прибегать к гегемонии, о поддержании всеобщей выгоды и процветания могут казаться лицемерными для государств АСЕАН – участников территориальных споров с Китаем в ЮКМ³⁸⁸. Заявления китайского руководства расходятся с реальностью, в которой мир и благосостояние региона увязывается в первую очередь с соблюдением всеми сторонами основополагающих международных правовых норм, в частности, Конвенции ООН по морскому праву, а не основано на идеях о «сообществе единой судьбы человечества».

При этом опросы общественного мнения 2022 г. показали, что Китай оказывает значительное политическое и стратегическое влияние на страны ЮВА, что вызывает беспокойство у 76,4 проц опрошенных. В то же время 23,6 проц респондентов положительно относятся к усилению политического влияния Китая в регионе. Сравнение данных показателей с предыдущим годом выявило снижение доли беспокоящихся на 10 проц. пунктов и увеличение доли приветствующих на 10 проц. пунктов³⁸⁹.

³⁸⁶ Stromseth J. The testing ground: China's rising influence in southeast Asia and regional responses / J. Stromseth. — Brookings Institution, 2019. — 12 с.

³⁸⁷ The Trouble With China's Global Civilization Initiative. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2023/06/the-trouble-with-chinas-global-civilization-initiative/> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁸⁸ Full text of Xi Jinping's keynote address at the CPC in Dialogue with World Political Parties High-level Meeting. [Электронный ресурс] URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-03-16/Full-text-Xi-s-speech-at-CPC-in-Dialogue-with-World-Political-Parties-1id6mvcs8e0/index.html> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁸⁹ Там же.

С юридической точки зрения многостороннее взаимодействие Китая по вопросам ЮКМ ограничивается тремя документами, подписанными с АСЕАН: Декларацией о поведении сторон в ЮКМ, Договором о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, а также Конвенцией о правилах поведения при незапланированных встречах кораблей. Другим важнейшим направлением многостороннего дипломатического взаимодействия Китая с государствами-участниками территориальных споров в ЮКМ является разработка Кодекса поведения сторон в ЮКМ³⁹⁰. С конца 1990-х гг. АСЕАН начала проводить консультации с КНР по выработке общих правил поведения стран в ЮКМ. В 2002 г. была подписана Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море³⁹¹. Согласно этому документу, участники обязуются соблюдать нормы Устава ООН и Конвенции ООН по морскому праву, а также положения Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии³⁹². В рамках Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море страны-участницы обязуются придерживаться пяти принципов мирного сосуществования и «других принципов международного права». Это включает в себя соблюдение принципов свободы судоходства и авиапролетов над ЮКМ в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву.

В статье 4 Декларации подчеркивается, что противоречия должны решаться исключительно между суверенными государствами, участвующими в конфликте, то есть на двусторонней основе. Согласно статье 5, сотрудничество осуществляется на добровольной основе, а изменения документа могут быть приняты только на основе консенсуса. Подписанты также выразили намерение продолжить разработку Кодекса

³⁹⁰ Локшин Г. М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море (COC)-иллюзия или отвлекающий маневр? / Г. М. Локшин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2017. — № 34. — С. 40-60.

³⁹¹ Declaration On The Conduct Of Parties In The South China Sea. [Электронный ресурс] URL: https://image.mfa.go.th/mfa/0/ocxc7u4thg/migrate_directory/other-20130527-163905-069498.pdf (дата обращения: 07.09.2023).

³⁹² Заключен в 1976 г., Китай присоединился к Договору в 2003 г.

поведения сторон в ЮКМ, однако временные рамки для его принятия указаны не были. Страны АСЕАН в 2011 г. подписали Руководящие принципы по внедрению в практику положений Декларации. Положения в целом соответствуют интересам Пекина, что по некоторым оценкам, означает фактическое принятие странами АСЕАН условий КНР³⁹³.

Промежуточные результаты переговоров по выработке Кодекса не публикуются в открытых источниках. Согласно имеющимся данным, документ не задумывается как «инструмент решения территориальных споров и разграничения морских рубежей», не предполагает уточнения географических границ его применения, не предполагает обязательного характера участия подписантов в рассмотрении споров. Кодекс также не имеет статус договора по международному праву³⁹⁴.

По вопросу согласования Кодекса КНР выдвигает так называемые пять «настойчивых позиций» (*угэ цзяньчи*) в отношении решения территориальных споров в ЮКМ: поддержание мира и стабильности, разрешение споров мирным путем через переговоры и консультации, регулирование и контроль разногласий с использованием правил и механизмов, обеспечение свободы судоходства и авиапролетов в ЮКМ, а также призыв к сотрудничеству на основе взаимной выгоды³⁹⁵. Китай также настаивает на запрете сотрудничества с компаниями нерегиональных стран для прибрежных государств в ЮКМ и полном исключении третьих сторон из процесса выработки Кодекса.

³⁹³ Канаев Е. А. Десятилетие стратегического партнерства АСЕАН - Китай и проблема Южно-Китайского моря: к итогам Форума высокого уровня. [Электронный ресурс] URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/pacific-asia-in-focus/text/desyatiletie-strategicheskogo-partnerstva-asean-kitay-i-problema-yuzhno-kitayskogo-morya-k-itogam-foruma-visokogo-urovnya> (дата обращения: 07.09.2023).

Канаев Е. А. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitayskom-more/> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁹⁴ A Closer Look at the ASEAN-China Single Draft South China Sea Code of Conduct. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2018/08/a-closer-look-at-the-asean-china-single-draft-south-china-sea-code-of-conduct/> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁹⁵ 薛力. 解码王毅外长的南海问题“五个坚持” = Сюэ Ли. Расшифровывая «Пять настойчивостей» министра иностранных дел Ван И по вопросу Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: http://iwep.cssn.cn/xscg/xscg_sp/201508/t20150826_2136685.shtml (дата обращения: 07.09.2023).

Этот пункт напрямую затрагивает интересы России в ЮКМ, так как российские компании имеют энергетические проекты с прибрежными странами ЮКМ, в частности с Вьетнамом. Российские компании, особенно нефтегазовой отрасли, заинтересованы в эксплуатации ресурсов ЮКМ и участии в проектах как с Вьетнамом, так и с Китаем. Причем если в Китай Россия преимущественно экспортирует энергоресурсы, то совместно с Вьетнамом проводит геологоразведку, в том числе на шельфе ЮКМ, что вызывает негативную реакцию со стороны Китая³⁹⁶.

Считается, что одним из главных препятствий на пути принятия Кодекса поведения на основе Декларации является отсутствие политической воли, в первую очередь у Пекина. Однако и страны АСЕАН долгое время не могли согласовать проект документа. В 2012 г. на СМВД АСЕАН в Пномпене удалось утвердить основные положения, однако тогда министры не смогли принять совместное коммюнике из-за отказа Камбоджи упоминать в нем «агрессию КНР в ЮКМ»³⁹⁷. В том же году в ходе Генассамблеи ООН страны АСЕАН по инициативе Индонезии одобрили «нулевой проект» Кодекса³⁹⁸. С 2013 г. прошло более 20 раундов консультаций по выработке финального варианта Кодекса, однако Китай не спешил одобрять проект в первую очередь из-за несогласия с предлагаемыми механизмами рассмотрения споров.

В 2016 г. Китай и АСЕАН выпустили совместное заявление о применении Кодекса о правилах поведения при незапланированных встречах кораблей, согласно которому стороны обязуются придерживаться Кодекса и поддерживать мир и стабильность в регионе³⁹⁹. Более

³⁹⁶ Нархова Е. И. Разработка энергоресурсов Южно-Китайского моря в современной политике СРВ / Е. И. Нархова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2019. — № 4 (45). — С. 135-142.

³⁹⁷ ASEAN deadlocked on South China Sea, Cambodia blocks statement [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN1050F6/> (дата обращения: 07.09.2023).

³⁹⁸ Thayer C. A. ASEAN, China and the code of conduct in the South China Sea / C. A. Thayer. // The SAIS Review of International Affairs. — 2013. — № 2. — С. 75-84.

³⁹⁹ Joint Statement On The Application Of The Code For Unplanned Encounters At Sea In The South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/09/Joint-Statement-on-the-Application-of-CUES-in-the-SCS-Final.pdf> (дата обращения: 07.09.2023).

конкретных шагов на пути к решению споров в ЮКМ документ не предполагает. На 19-м саммите Китай–АСЕАН в сентябре 2016 г. было принято Руководство по установлению «горячей линии» связи между МИД КНР и государств – членов АСЕАН для предотвращения чрезвычайных ситуаций в ЮКМ⁴⁰⁰. В 2017 г. сторонам все же удалось согласовать «рамочный проект» Кодекса.

Дальнейшие переговоры на момент завершения второго срока на посту председателя КНР Си Цзиньпина не дали результата. Более того, китайские обозреватели указывают, что изменившаяся и усложнившаяся во втором десятилетии XXI в. ситуация в ЮКМ существенно затрудняет достижение консенсуса по положениям Кодекса⁴⁰¹. Официально Пекин заявляет о намерениях ускорить обсуждение документа, однако реальных шагов на пути к его принятию пока сделано не было, тексты «рамочного» и «базового» проектов также не были опубликованы.

Глава МИД КНР Ван И (2013–2022 гг., а также с 2023 г.) в 2021 г. заявлял о готовности всех сторон возобновить второе чтение единого проекта обсуждения Кодекса⁴⁰². В 2022 г. директор департамента информации и печати МИД Вьетнама Ле Тхи Тху Ханг заявила, что АСЕАН и КНР подтвердили готовность принять Кодекс «в ближайшее время». Конкретных сроков принятия документа обозначено не было⁴⁰³.

⁴⁰⁰ The 19th China-ASEAN Summit Adopts Guidelines for Hotline Communications among Senior Officials of the Ministries of Foreign Affairs of China and ASEAN Member States in Response to Maritime Emergencies [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/2016zt/LKQCXDYNZLDRXLHYBDLWJXZSFW/201609/t20160912_704176.html (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁰¹ South China Sea code of conduct harder to negotiate in more 'complicated' situation, think tank says. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3199361/south-china-sea-code-conduct-harder-negotiate-more-complicated-situation-think-tank-says> (дата обращения: 07.09.2023).
周士新: “关于 ‘南海行为准则’ 磋商前景的分析” = Чжоу Шисин. Анализ перспектив» консультаций по Кодексу поведения Южно-Китайского моря // 太平洋学报. — 2015. — № 3. — С. 21-30.

⁴⁰² Необходимо сохранять диалог, сдержанность и консенсус в вопросе Южно-Китайского моря -- Ван И [Электронный ресурс] URL: http://russian.news.cn/2021-06/11/c_1310001392.htm (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁰³ АСЕАН и Китай подтвердили готовность принять кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16116483> (дата обращения: 07.09.2023).

Усилия по разрешению территориальных споров в ЮКМ приводят к усугублению их сложности, полагает российский эксперт Е. А. Канаев. Он выделяет три уровня противоречий: первый связан со спорами о суверенитете, усиленными националистическими настроениями участников; второй касается взаимоотношений между КНР и АСЕАН, где отсутствует значимый прогресс в «риторических инициативах», подтверждением чего является затягивание процесса принятия Кодекса; третий связан с геостратегической конкуренцией между ведущими державами АТР — Китаем и США. По мнению Канаева, критически важно осознавать, что АСЕАН как организация не может выступать стороной в этих спорах, а мнения и интересы ее членов по отношению к вопросам разрешения и взаимодействия с КНР значительно различаются⁴⁰⁴.

В 2012 г., когда Камбоджа занимала пост председателя АСЕАН, она заявила о своей нейтральности в споре в ЮКМ и, впервые в истории АСЕАН, блокировала принятие совместного коммюнике по итогам 45-й встречи министров иностранных дел из-за требований Вьетнама и Филиппин включить в документ выражение обеспокоенности по поводу действий КНР⁴⁰⁵. В 2014 г. Мьянма, находясь на председательском посту, позволила принять совместную критическую позицию в адрес Китая⁴⁰⁶. Аналогичную позицию заняла Малайзия в 2015 г.⁴⁰⁷ В 2017 г., когда председательство в АСЕАН перешло к Филиппинам при президентстве Р. Дутерте, вопросы, связанные с ЮКМ, не были вынесены на

⁴⁰⁴ Kanaev E.A. China's and the US' Approaches to the South China Sea Issue: Changing Patterns and Strategic Implications / E. A. Канаев. // Security and Cooperation in the South China Sea. — Москва : Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014. — С. 198-211.

⁴⁰⁵ ASEAN deadlocked on South China Sea, Cambodia blocks statement. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN1050F6/> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁰⁶ South China Sea Dispute Overshadows ASEAN Summit. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2014/05/south-china-sea-dispute-overshadows-asean-summit/> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁰⁷ China 'Gravely Concerned' by ASEAN Statment on South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2015/04/china-gravely-concerned-by-asean-statment-on-south-china-sea/> (дата обращения: 07.09.2023).

обсуждение⁴⁰⁸. Так, общий подход АСЕАН к проблематике ЮКМ характеризуется отказом признавать «U-образную линию» и тем фактом, что все члены сообщества, за исключением Камбоджи, являются участниками Конвенции ООН по морскому праву.

КНР отдает предпочтение двустороннему формату сотрудничества со странами-участницами территориальных споров и другими государствами ЮВА для достижения своих целей по утверждению национального суверенитета в ЮКМ. Так называемый двухколейный подход или двухколейные идеи (*шуангуй сылу*) рассматриваются Пекином как «самый эффективный и выполнимый метод разрешения конфликтов через консультации и переговоры между странами, прямо заинтересованными в споре»⁴⁰⁹. Двусторонний подход предполагает проведение отдельных переговоров и заключения соглашений между участниками споров, а также выстраиванием крепких двусторонних экономических и политических связей со странами региона. Это позволяет создавать прочную экономическую взаимозависимость стран ЮВА с Китаем и избегать консолидации оппонентов КНР в территориальных спорах.

Китай выступает в качестве крупнейшего торгового партнера Вьетнама, и обе стороны многие годы подряд регулярно заявляют о своих намерениях решать споры мирным путем на основе «исторических фактов» и международных норм. Так, в июне 2013 г. Си Цзиньпин по итогам переговоров с вьетнамским президентом Чыонг Тан Шангом заявил о необходимости решать споры политическим путем и не позволять им

⁴⁰⁸ Southeast Asia not taking South China Sea thaw for granted - summit draft [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN1DD07H/> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁰⁹ 王毅：以“双轨思路”处理南海问题 = Ван И: использовать «двойной подход» для решения проблемы Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-08/09/c_1112007229.htm (дата обращения: 07.09.2023).

李克强：坚持“双轨思路”处理南海问题. = Ли Кэцян: Придерживаться «двойного подхода» к решению проблемы Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/guowuyuan/2014-11/13/content_2777920.htm (дата обращения: 07.09.2023).

влиять на двусторонние отношения⁴¹⁰. В октябре 2013 г. премьер-министры КНР и СВР Ли Кэцян и Нгуен Тан Зунг объявили о намерении использовать «новое мышление» в решении споров в ЮКМ, «оставленных историей» двусторонних отношений, и создании совместных рабочих групп по морским и береговым вопросам⁴¹¹.

В сентябре 2016 г. Си Цзиньпин, принимая вьетнамского премьера в Пекине, заявил, что вопросы ЮКМ стороны должны решать в двустороннем порядке в дружественной манере. Нгуен Тан Зунг также ограничился протокольными заявлениями о мирном характере решения споров⁴¹². В 2019 г. прошел 12-й раунд переговоров между правительством КНР и СВВ о делимитации границ в Тонкинском заливе на основе соглашения 2011 г. об основных принципах регулирования морских вопросов⁴¹³.

С Филиппинами у КНР контактов по ЮКМ долгое время не происходило, так как президент Бенигно Акино (2010–2016 гг.) придерживался жестких взглядов на сотрудничество с Китаем, именно под его руководством страна подала иск против КНР в ППТС в Гааге. В июне 2016 г. незадолго до вынесения решения вердикта Пекин заявил, что Манила неоднократно отказывалась от предложений Китая запустить регулярные переговоры по ЮКМ⁴¹⁴. Филиппинская сторона заявление не прокомментировала.

⁴¹⁰ President Xi Jinping Holds Talks with President Truong Tan Sang of Vietnam, Stressing China and Vietnam Should Unswervingly March along Path of Friendly Cooperation. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/2675_665437/2792_663578/2794_663582/201306/t20130621_525433.html (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹¹ Premier Li Keqiang Holds Talks with Prime Minister Nguyen Tan Dung of Vietnam. [Электронный ресурс] URL: http://pk.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/201310/t20131016_1222608.htm (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹² China says interests outweigh differences with Vietnam. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-vietnam-iduskcn11j00x> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹³ Vietnam, China continue negotiating on delimitation of Gulf of Tonkin. [Электронный ресурс] URL: <https://hanoitimes.vn/vietnam-china-continue-negotiating-on-delimitation-of-gulf-of-tonkin-300651.html> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹⁴ China says the Philippines is ignoring a maritime talks proposal. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-china-philippines-iduskcn0yu077>

Отношения резко изменились после избрания Родриго Дутерте на пост президента Филиппин в конце июня 2016 г. В октябре лидеры двух стран провели встречу и выпустили объемное совместное заявление, в котором ЮКМ отводилось четыре пункта из 47. Три из них содержали протокольные заявления о намерении решать споры мирным путем и приверженности Декларации о поведении сторон в ЮКМ и другим соответствующим документам. Наиболее конкретным пунктом являлась договоренность укреплять сотрудничество между службами береговой охраны для предотвращения чрезвычайных ситуаций, взаимодействовать в решении экологических и гуманитарных проблем в ЮКМ на основе Конвенции ООН по морскому праву⁴¹⁵.

По итогам встречи в мае 2017 г. стороны запустили двусторонний консультативный механизм по ЮКМ (также известный как Bilateral Consultation Mechanism on the SCS, BCM)⁴¹⁶. Консультации в рамках BCM проводятся с тех пор на регулярной основе⁴¹⁷. Несмотря на объявленный Дутерте курс на прекращение зависимости от США и стремительное улучшение отношений с КНР, страна продолжила укреплять свою обороноспособность в союзе с США согласно программам, принятым предыдущими президентами, что является раздражающим фактором в двусторонних отношениях для Пекина. Более того, после ухода Р. Дутерте с поста президента Филиппины усилили сотрудничество с США в военной сфере, регулярно проводя совместные учения в ЮКМ.

Малайзия и Бруней в отношениях с Китаем на переговорном уровне уделяют куда меньше внимания территориальным спорам, чем Вьетнам и

⁴¹⁵ Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/2649_665393/201610/t20161021_679488.html (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹⁶ Joint Statement Of The People's Republic Of China And The Republic Of The Philippines. [Электронный ресурс] URL: http://asean.china-mission.gov.cn/eng/zdjl/201705/t20170521_8236017.htm (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹⁷ Fifth Meeting of the China-Philippines Bilateral Consultation Mechanism on the South China Sea. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/eng/wjbxw_1/201910/t20191029_8523414.htm (дата обращения: 07.09.2023).

Филиппины. Малайзия и Китай отвели ЮКМ три из 29 пунктов совместного заявления по итогам встречи Ли Кэцзяна и премьер-министра Малайзии Наджиба Разака (2009–2018 гг.), однако конкретных решений об урегулировании территориальных споров не было принято⁴¹⁸.

Намерение придерживаться мирного решения споров в ЮКМ было упомянуто в совместном заявлении по итогам встречи Си Цзиньпина и султана Брунея Хассанала Болкиаха в 2013, 2017, 2018 гг.⁴¹⁹ В сентябре 2013 г. в городе Сучжоу, Китай, прошло шестое совещание на высоком уровне по выполнению Декларации о поведении сторон в ЮКМ, а также двусторонние консультации по Кодексу поведения⁴²⁰. В 2018 г. главы государств договорились о совместной разработке нефтяных и газовых ресурсов в ЮКМ в рамках сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» и программы «Видение Брунея 2035»⁴²¹.

Вывод к параграфу. С точки зрения политики КНР по урегулированию споров в ЮКМ можно выделить три основных направления: во-первых, стратегия исключения вмешательства третьих стран, не имеющих прямых территориальных претензий или не являющихся частью региона. Во-вторых, формальное сотрудничество с

⁴¹⁸Li Keqiang, Premier of the State Council of the People's Republic of China, the Honourable Dato' Sri Mohd Najib Tun Abdul Razak, Prime Minister of Malaysia Joint Press Statement. [Электронный ресурс] URL: https://www.kln.gov.my/web/guest/home?P_p_id=101&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_101_struts_action=%2Fasset_publisher%2Fview_content&_101_returntofullpageurl=https%3A%2F%2Fwww.kln.gov.my%2Fweb%2Fguest%2Fhome%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D1%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_state_rcv%3D1&_101_assetentryid=8556564&_101_type=content&_101_urltitle=joint-press-statement&inheritredirect=true (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹⁹Joint Statement Between The People's Republic Of China And Brunei Darussalam. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/2649_665393/201304/t20130409_679342.html (дата обращения: 07.09.2023).

Xi Jinping Holds Talks with Sultan Haji Hassanal Bolkiah of Brunei. [Электронный ресурс] URL: http://bn.china-embassy.gov.cn/eng/zwgx/201709/t20170918_10118572.htm (дата обращения: 07.09.2023).

China, Brunei lift ties to strategic cooperative partnership. [Электронный ресурс] URL: http://ph.china-embassy.gov.cn/eng/chinew/201811/t20181120_1171612.htm (дата обращения: 07.09.2023).

⁴²⁰Joint Statement between Brunei Darussalam and the People's Republic of China. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.bn/Lists/Press%20Releases/ndispform.aspx?ID=106&contenttypeid=0x0100de0d91a42f563640a6718a29ae56ae67> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴²¹China and Brunei to step up oil and gas development in disputed South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2173959/china-and-brunei-step-oil-and-gas-development-disputed-south> (дата обращения: 07.09.2023).

АСЕАН в рамках многостороннего формата. В-третьих, предпочтительный для Китая двусторонний формат разрешения конфликтов.

Роль АСЕАН в качестве механизма урегулирования противоречий в ЮКМ оценивается как неперспективная в силу отсутствия единой четкой позиции участников Сообщества по вопросам ЮКМ, а также нежелания Пекина обсуждать решение споров в многостороннем формате, по крайней мере до момента, когда Пекин получит неоспоримое преимущество в возможности обеспечивать суверенитет и проецировать свою силу в рамках U-образной линии⁴²².

Вывод к главе. «Мягкая сила» в целом и политика в отношении стран ЮВА в частности составляют комплексный подход, нацеленный на достижение целей руководства КНР. Так, комплекс мер направлен на: 1) Формирование положительного имиджа Китая как миролюбивого, не нацеленного на конфронтацию соседа, а также ответственного регионального лидера, способного обеспечить стабильность в сфере экономики и безопасности, оказать помощь и поддержку в случае кризиса. 2) Продвижение китайской повестки по определенным вопросам регионального и международного сотрудничества и взглядов на отдельные вопросы, в частности по территориальным спорам в ЮКМ. 3) Создание ситуации, в которой конфронтация с КНР будет иметь куда более серьезные негативные последствия для экономики и безопасности страны, нежели потенциальная выгода от конфликта.

Эти меры реализуются посредством комплекса невоенных методов: 1) Последовательного и настойчивого продвижения собственной повестки и позиции по вопросу принадлежности акватории и островов КНР как внутри страны, так и на международном уровне. Подкрепления аргументации научными исследованиями, которые проводятся в рамках

⁴²² Локшин Г. М. Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. — Москва : ИД "Форум", 2019. — 296 с

специализированных научных учреждений. 2) Проведения информационной политики – транслирования китайской позиции посредством «истории успеха» китайской модели управления через иновещательные СМИ, дипломатическую работу, гуманитарное сотрудничество. 3) Выстраивания *двусторонних* экономических, культурных связей со странами на основе так называемого взаимовыгодного сотрудничества, которое в долгосрочной перспективе конвертируется в политическую лояльность, нежелание идти наперекор крупному экономическому партнеру, обладающему значительным экономическим весом и имеющим ресурс повлиять на экономическую ситуацию в стране.

Следует подчеркнуть, что стратегия КНР носит долгосрочный характер. Китай не оказывает прямого политического давления, не выставляет ультиматумов партнерам, а использует комплекс неполитических методов для постепенного выстраивания ситуации, в которой партнер сам будет вынужден пойти на уступки или, по меньшей мере, не действовать вразрез с интересами Пекина.

Подобная политика в целом демонстрирует положительные результаты. Несмотря на то, что аргументация и позиция Пекина по территориальным спорам в ЮКМ не находит признания и подвергается критике со стороны других участников спора, Китай не сталкивается с активным сопротивлением. Эффективность данного подхода подтверждается разобщенностью позиций стран АСЕАН относительно территориальных споров в ЮКМ. Хотя государства признают отсутствие у Китая оснований для претензий на определенные акватории и острова, они оказываются не в состоянии эффективно противостоять Китаю. Это достигает в значительной степени благодаря дружественной политике КНР и предоставлению странам АСЕАН экономических стимулов и привилегий.

Глава 3. Военные методы обеспечения суверенитета КНР в Южно-Китайском море

3.1 Деятельность КНР по возведению инфраструктуры на спорных островах в Южно-Китайском море

На современном этапе Китай осуществляет стратегию по обеспечению самопровозглашенного суверенитета над ЮКМ. Эта стратегия подразумевает закрепление *fait accompli* — свершившегося факта — установления фактического контроля над спорными акваториями и островами⁴²³. Несмотря на то, что Пекин считает свои претензии на большую часть акватории ЮКМ правомерными и законными, китайские вооруженные силы официально в спорных регионах не дислоцируются. Такое отсутствие явного военного контроля над акваторией позволяет минимизировать риск горячего военного конфликта с другими участниками территориальных споров в ЮКМ⁴²⁴.

Тактика, применяемая Пекином для утверждения самопровозглашенного национального суверенитета в ЮКМ, в научной и публицистической литературе обозначается как «капустная стратегия». Этот термин, широко используемый средствами массовой информации для характеристики подхода КНР к обеспечению контроля над спорными территориями, приписывается генерал-майору Народно-освободительной армии Китая Чжан Чжаочжуну⁴²⁵. В англоязычной литературе ее называют также стратегией «нарезки салями», «серой зоны» или «серой дипломатией канонерок»⁴²⁶.

⁴²³ Hastey J. China, Faits Accomplis and the Contest for East Asia: The Shadow of Shifting Power / J. Hastey. — New York : Routledge, 2023. — 156 с.

⁴²⁴ Glaser B. S. “Armed Clash in the South China Sea” [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep05637> (дата обращения: 15.05.2020).

⁴²⁵ 张召忠:中国对南海用的是“包心菜战略”逼走菲人员 = Чжан Чжаочжун: Для запугивания филиппинского персонала Китай использует «капустную стратегию» в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: <http://china.haiwainet.cn/n/2013/0527/c345646-18744000.html> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴²⁶ Erickson A. S. China's maritime gray zone operations / A. S. Erickson, R. D. Martinson. — Annapolis : Naval Institute Press, 2019. — 352 с.

Стратегия предполагает создание комплексной многоуровневой оборонительной структуры вокруг оспариваемых территорий, в частности островов, похожей на многослойную структуру капусты. Различные типы судов — от рыболовецких до военных — функционируют как защитные «слои», препятствуя доступу к спорным островам судов других стран, претендующих на эти территории⁴²⁷. Вместе с тем Китай проводит дноуглубительные работы на спорных островах и рифах в ЮКМ, заселяет их персоналом для создания видимости ведения хозяйственной деятельности и возводит на них инфраструктурные объекты, которые превращают острова в де-факто военные авиабазы. Таким образом, Китай создает необходимую основу для утверждения о том, что спорные острова действительно являются частью административно-хозяйственной системы КНР.

Установление фактического контроля над акваторией ЮКМ позволяет КНР управлять путями, которые имеют стратегическое значение для национальной и международной торговли и военно-морских операций. Такой контроль не только укрепляет стратегическое положение Китая в регионе, но и обеспечивает дополнительные экономические и военные преимущества, включая возможность мониторинга значительной акватории западной части Тихого океана и обеспечение безопасности своих судоходных путей. Реальный контроль КНР над спорными акваториями ЮКМ также снижает риск горячего военного столкновения, так как силы оппонентов Китая в территориальных спорах не соизмеримы с возможностями НОАК. Другие прибрежные страны также усиливают свое присутствие в ЮКМ, проводят модернизацию и увеличивают

⁴²⁷ Heydarian R. J. Will the South China Sea Spark the Next Global Conflict [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2021/05/will-the-south-china-sea-spark-the-next-global-conflict/> (дата обращения: 07.09.2023).

финансирование вооруженных сил. Однако КНР остается неоспоримым лидером в сфере военно-морского присутствия в регионе⁴²⁸.

Тенденция к милитаризации ЮКМ стала предметом повышенного внимания со стороны мирового сообщества в XXI в.⁴²⁹ В статье Д. В. Мосякова, опубликованной в 2013 г., отмечается, что в процессе увеличения военного потенциала в регионе участвуют не только государства ЮВА, но и США, активно заявлявшие на рубеже десятилетий о своих планах возвращения, разворота в АТР и последовательно увеличивавшие свое военное присутствие в Тихом океане⁴³⁰. Автор указывает, что эскалация гонки вооружений взаимосвязана с эволюцией глобальной роли КНР, чье геополитическое влияние и амбиции на международной арене непрерывно увеличиваются.

В своей статье того же года П. Ю. Цветов анализирует вероятность войны в ЮКМ. Он обращает внимание на отсутствие видимых перспектив замедления гонки вооружений в данном регионе, подчеркивая, что большинство стран имеют заключенные на долгий срок контракты на поставку вооружений. Вместе с тем отсутствие заинтересованности у сторон в эскалации ситуации и участии в крупномасштабном вооруженном конфликте выступает как стабилизирующий фактор. Присущая странам данного региона прагматичность указывает на то, что применение реальной военной силы рассматривается ими как крайняя мера, оправданная лишь в

⁴²⁸ Grossman D. Can Vietnam's Military Stand Up to China in the South China Sea? / D. Grossman. // *Asia Policy*. — 2018. — № 1. — С. 113-134.

⁴²⁹ Fravel M. T. China's strategy in the South China Sea / M. T. Fravel. // *Contemporary Southeast Asia*. — 2011. — № 33(3). — С. 292-319.

Dutton P. Three disputes and three objectives: China and the South China Sea / P. Dutton. // *Naval War College Review*. — 2011. — № 4. — С. 42-67.

Morton K. China's ambition in the South China Sea: is a legitimate maritime order possible? / K. Morton. // *International Affairs*. — 2016. — № 4. — С. 909-940.

⁴³⁰ Мосяков Д. В. О Международной конференции «Безопасность и сотрудничество в регионе Южно-Китайского моря» / Д. В. Мосяков. // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. — 2013. — № 21. — С. 8-15.

случае, когда ожидаемая выгода от таких действий превышает потенциальные затраты и риски⁴³¹.

Ситуация в ЮКМ с 2012 г. постепенно менялась в пользу безоговорочного военного превосходства КНР, флот которого в 2019 г. был признан крупнейшим по численности в мире⁴³². Анализируя данную тенденцию, западные ученые и аналитики пришли к выводу, что термин «гонка вооружений» не вполне соответствует реальной ситуации в ЮКМ. Классическая гонка вооружений предполагает взаимодействие нескольких государств с сопоставимыми военными возможностями, активно наращивающих свой арсенал в ответ на действия оппонентов. Однако с 2012 г. в ЮКМ доминирование Китая в военном и стратегическом отношении настолько выражено, что исключает возможность гонки вооружений в ее традиционном понимании⁴³³.

Исследование военных стратегий государств Юго-Восточной Азии, таких как Вьетнам, Филиппины и Малайзия, показывает, что увеличение их военных расходов и возможностей не следует рассматривать как стремление к достижению паритета с Китаем или друг с другом. Вместо этого эти страны придерживаются стратегии «минимального сдерживания», целью которой является увеличение стоимости потенциальной агрессии против них, а не соревнование в военной мощи с Китаем. Рост военных бюджетов в данных государствах был относительно умеренным и сосредоточивался на устранении длительно существующих пробелов в оборонительных возможностях, а не на наращивании военной мощи в конкурентной манере⁴³⁴.

⁴³¹ Цветов А. П. Вероятность войны за острова в Южно-Китайском море: факторы «за» и «против» / А. П. Цветов, П. Ю. Цветов. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2013. — № 21. — С. 36-42.

⁴³² Крамник И. Флот будущего: классика, фантастика, наемники. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/2020s-fleet> (дата обращения: 17.02.2023).

⁴³³ Vuving A. L. Force Buildup in the South China Sea: The Myth of an Arms Race. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/force-buildup-scs-myth/> (дата обращения: 17.02.2023).

⁴³⁴ Там же.

Такой подход оспаривает традиционные взгляды на гонку вооружений в регионе. Тем не менее общая тенденция к увеличению военных расходов и конфликтного потенциала в ЮВА вызывает обеспокоенность в связи с отсутствием эффективных механизмов и согласованных процедур для предотвращения или деэскалации инцидентов⁴³⁵. Вероятные столкновения вооруженных сил различных стран, действующих без четких договоренностей о правилах ведения боевых действий, увеличивают риск недопонимания и случайной эскалации инцидента в масштабный горячий конфликт⁴³⁶.

Заявление бывшего главы Командования Индо-Тихоокеанского региона ВС США Ф. Дэвидсона отражает глубокую озабоченность Вашингтона по поводу милитаризации ЮКМ⁴³⁷. В одном из своих заявлений он указывал, что размещение инфраструктурных объектов предположительно военного назначения на островах в ЮКМ позволяет Китаю не только укрепить свой контроль над ЮКМ, но и проецировать военную мощь на значительное расстояние вглубь Тихого океана и Океании, усиливая свои стратегические возможности в регионе. Это, в свою очередь, представляет вызов для США и их союзников, поскольку НОАК получает возможность использовать островные базы для усиления своего присутствия и потенциального контроля над стратегически важными морскими путями.

Утверждение Дэвидсона о том, что Китай на сегодняшний день может контролировать воды ЮКМ в любых условиях, кроме прямой военной

⁴³⁵ Fravel M. T. China's strategy in the South China Sea / M. T. Fravel. // Contemporary Southeast Asia. — 2011. — № 33(3). — С. 292-319.

Wu S. Preventing confrontation and conflict in the South China Sea / S. Wu. // China International Strategy Review. — 2020. — № 1. — С. 36-47.

⁴³⁶ Wezeman S. T. Arms Flows to South East Asia. Stockholm International Peace Research Institute / S. T. Wezeman. // SIPRI. — 2019.

⁴³⁷ Advance Policy Questions for Admiral Philip Davidson, USN Expected Nominee for Commander, U.S. Pacific Command. [Электронный ресурс] URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Davidson_apqs_04-17-18.pdf (дата обращения: 07.09.2023).

конфронтации с США, подчеркивает значительные стратегические преимущества, которые КНР смогла обеспечить себе за счет наращивания военной мощи во втором десятилетии XXI в. Как указывалось в докладе Пентагона, представленном американскому Конгрессу 18 августа 2020 г., на островах Спратли, таких как риф Куартерон, риф Файери-Кросс, риф Гавен, риф Хьюза, риф Джонсона, риф Мисчиф и Суби, НОАК разместила оборудование двойного назначения, которое значительно расширяет возможности Китая по мониторингу региона в реальном времени и созданию помех для военного наблюдения на большей части ЮКМ. Это, по мнению аналитиков военного ведомства, создает значительное препятствие для военных операций США в стратегически важном Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴³⁸.

По оценке представителя Пентагона, командующего ВС США в Индо-Тихоокеанском регионе адмирала Дж. Акилино, Китай полностью милитаризовал как минимум три острова в спорных водах ЮКМ, оборудовав их противокорабельными и зенитно-ракетными комплексами и другим военным оборудованием, необходимым для проецирования силы в регионе⁴³⁹.

Тенденция на милитаризацию ЮКМ подталкивает американских стратегов к анализу и прогнозированию потенциального военного конфликта в АТР с участием Китая⁴⁴⁰. Таким образом, в правительстве США сформирован запрос на активное изучение и мониторинг ситуации и действий Китая в ЮКМ. Американские исследовательские центры

⁴³⁸ U.S.-China Strategic Competition in South and East China Seas: Background and Issues for Congress. Congressional Research Service. [Электронный ресурс] URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R42784.pdf> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴³⁹ AP Exclusive: US admiral says China fully militarized isles. [Электронный ресурс] URL: <https://apnews.com/article/business-china-beijing-xi-jinping-south-china-sea-d229070bc2373be1ca515390960a6e6c> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁴⁰ Stashwick S. South China Sea Militarization: Fighters in the Paracels and Combat Logistics [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2017/12/south-china-sea-militarization-fighters-in-the-paracels-and-combat-logistics/>. (дата обращения: 01.07.2022).

регулярно обновляют базы данных и фиксируют все изменения, происходящие в водах ЮКМ.

Так, по данным американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), к 2022 г. КНР разместила объекты инфраструктуры на семи спорных островах архипелага Спратли⁴⁴¹. Тайвань занимает один остров Тайпин ⁴⁴² . Вьетнам установил объекты инфраструктуры на 21 рифе и острове архипелага Спратли. Помимо этого, Вьетнам разместил в ЮКМ шесть установок — так называемых научно-технологических экономических станций обслуживания, которые представляют собой стальные конструкции, возвышающиеся над водой, на которых также может быть размещен военный персонал⁴⁴³. Филиппины закрепились на девяти объектах архипелага Спратли ⁴⁴⁴ . Малайзия разместила свои инфраструктурные объекты на пяти рифах Спратли⁴⁴⁵.

На островах Парасельского архипелага аванпосты есть только у КНР. В общей сложности китайские объекты инфраструктуры установлены на 20 островах архипелага⁴⁴⁶.

Китай с 2013 г. расширяет возможности мониторинга и применения силы в водах ЮКМ посредством проведения дноуглубительных работ на спорных островах и сооружения на них объектов двойного гражданско-военного назначения⁴⁴⁷. С этого времени Китай запустил масштабные дноуглубительные работы на Парасельских островах, на которых к 2017 г.

⁴⁴¹ "China Island Tracker" [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/>. (дата обращения: 01.07.2022).

⁴⁴² "Taiwan Island Tracker" [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/taiwan/>. (дата обращения: 01.07.2022).

⁴⁴³ "Vietnam Island Tracker". [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/vietnam/>. (дата обращения: 01.07.2022).

⁴⁴⁴ "Philippines Island Tracker". [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/philippines/>. (дата обращения: 01.07.2022).

⁴⁴⁵ "Malaysia Island Tracker". [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/malaysia/>. (дата обращения: 01.07.2022).

⁴⁴⁶ China Island Tracker. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/> (дата обращения: 01.07.2022).

⁴⁴⁷ "The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies. Chinese Power Projection Capabilities in the South China Sea" [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/chinese-power-projection/> (дата обращения: 07.09.2023).

было установлено 20 китайских форпостов⁴⁴⁸. Изменения, происходящие на островах, фиксируются с помощью спутниковых снимков; данные о военных испытаниях и учениях публикуются, как правило, китайскими официальными СМИ. Из этого американские аналитики делают вывод о нарастающей с 2013 г. милитаризации ЮКМ и активном военном укреплении спорных островов со стороны Китая⁴⁴⁹. Председатель КНР Си Цзиньпин, однако, заявлял, что «строительная деятельность на островах не направлена против какой-либо страны, а Пекин не намерен милитаризовать ЮКМ»⁴⁵⁰.

Остров Вуди (кит. Юнсин) считается главным стратегическим форпостом КНР в ЮКМ (см. Приложение 4)⁴⁵¹. Помимо военного укрепления острова, китайские власти сделали его административным узлом управления акваториями и островами, на которые претендует Пекин в ЮКМ. Строительство объектов инфраструктуры стало заметным на спутниковых снимках острова с 2013 г. К 2017 г. на нем были зафиксированы две защищенные искусственными сооружениями бухты и 20 ангаров, в том числе большие, куда могут поместиться боевые самолеты.

В 2017 г. китайские официальные СМИ также сообщали о размещении на острове Вуди разработанных на базе российского Су-27СК

⁴⁴⁸ Update: China's Continuing Reclamation In The Paracels. [Электронный ресурс] URL: <https://anti.csis.org/paracels-beijings-other-buildup/> (дата обращения: 01.07.2022).

⁴⁴⁹ U.S.-China Economic and Security Review Commission. [Электронный ресурс] URL: <https://www.uscc.gov/research/chinas-island-building-south-china-sea-damage-marine-environment-implications-and> (дата обращения: 07.09.2023).

In China and the U.S.: Cooperation, Competition and/or Conflict An Experimental Assessment [Электронный ресурс] URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep22586.29> (дата обращения: 07.09.2023).

US Department of State China's Military Aggression in the Indo-Pacific Region. [Электронный ресурс] URL: <https://2017-2021.state.gov/chinas-military-aggression-in-the-indo-pacific-region/> (дата обращения: 07.09.2023).

China's South China Sea Militarization Has Peaked Steven Stashwick, [Электронный ресурс] URL: <https://foreignpolicy.com/2019/08/19/chinas-south-china-sea-militarization-has-peaked/> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁵⁰ Xi denies China turning artificial islands into military bases By David Brunnstrom and Michael Martina. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/iduskcn0rp1zg/> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁵¹ The strategic significance of China's Woody Island power play ASHLEY TOWNSHEND. [Электронный ресурс] URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/strategic-significance-china-s-woody-island-power-play> (дата обращения: 07.09.2023).

истребителей J-11 (кит. 歼-11), которые являются ключевым элементом боевой авиации Китая⁴⁵². Двухмоторный реактивный истребитель оснащен современной авионикой, радаром AESA и двигателями китайской разработки (аналогами российских Фл-31Ф, WS-10А), снижающими зависимость китайской авиастроительной отрасли от иностранных разработок⁴⁵³. Арсенал J-11 включает в себя ракеты класса «воздух–воздух» PL-8 и PL-12, противокорабельные боеприпасы, а также 30-мм пушку, позволяющие истребителю выполнять широкий спектр боевых задач от завоевания воздушного превосходства до атак наземных и надводных целей и разведки. В сравнении с другими истребителями четвертого поколения, такими как F-15 и F-16, J-11 демонстрирует высокую конкурентоспособность, а модернизация самолета направлена на сокращение технологического разрыва с более современными истребителями⁴⁵⁴.

В том же году китайские СМИ сообщали об испытании китайскими властями беспилотного летательного аппарата, который мог быть использован для пополнения запасов баз Китая в ЮКМ⁴⁵⁵. БПЛА мог транспортировать до полутора тонн груза на расстояние более 2 тыс. км. Одновременно с этим Китай испытал в ЮКМ новые транспортные самолеты Y-9 — информацию об этом передавали китайские англоязычные СМИ в материалах с говорящими заголовками: «Готовность к бою»⁴⁵⁶.

⁴⁵² Ohara B. Japan and the South China Sea / B. Ohara. — 1. — New York : Routledge, 2019. — 108-116 с.

⁴⁵³ Corr A. Great Powers, Grand Strategies: The New Game in the South China Sea / A. Corr.. — Annapolis : Naval Institute Press, 2018. — 327 с.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Could drone that can deliver cargo to islets in South China Sea secure presence in disputed waters? Stephen Chen. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2117438/drone-could-deliver-cargo-islets-south-china-sea-makes> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴⁵⁶ Combat ready: Chinese air force puts new Y-9 transport planes through paces in South China Sea drill. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2122601/combat-ready-plas-new-y-9-transport-planes-put-through> (дата обращения: 07.09.2023).

Самолет Y-9 (кит. 运-9), разработанный китайской корпорацией Shaanxi Aircraft Company, представляет собой модернизированную модель транспортного самолета средней дальности. Предшествующая ему модель — Y-8, которая, в свою очередь, базируется на советском Ан-12 и была адаптирована к потребностям НОАК. Y-9 обладает повышенной скоростью, дальностью полета и грузоподъемностью благодаря усовершенствованиям в аэродинамике и двигателе. Модель спроектирована для выполнения широкого спектра задач, включая транспортировку грузов и войск, парашютное десантирование, медицинскую эвакуацию, а также задачи радиоэлектронной борьбы (РЭБ), обеспечивая тем самым высокую универсальность военно-транспортного авиационного комплекса. Применение передовой авионики, включая системы навигации, управления полетом и электронного противодействия (ЕСМ), способствует повышению боевых качеств самолета, его эксплуатационной надежности и безопасности⁴⁵⁷.

В 2016 г. на острове появились системы HQ-9 (кит. 红旗-9) — китайский зенитно-ракетный комплекс дальнего действия. В том же году на острове были проведены испытания противокорабельной крылатой ракеты⁴⁵⁸.

Зенитно-ракетный комплекс большой дальности HQ-9, разработанный в Китае, является ключевым элементом стратегии противовоздушной обороны страны. Он предназначен для борьбы с широким спектром воздушных угроз, включая самолеты, вертолеты, крылатые ракеты и БПЛА. Одной из ключевых особенностей HQ-9 является способность одновременно отслеживать и атаковать несколько целей

⁴⁵⁷ 首架运-9型运输机正式列装陆军航空兵部队 = Первый транспортный самолет Y-9 официально принят на вооружение Войск армейской авиации. [Электронный ресурс] URL: http://www.81.cn/lj/2016-12/23/content_7427660.htm (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁵⁸ Woody Island. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/woody-island/> (дата обращения: 07.09.2021).

благодаря сложной радиолокационной системе с фазированной антенной решеткой (ФАР), что значительно повышает его боевую эффективность⁴⁵⁹. Комплекс характеризуется высокой мобильностью и может быстро перебазироваться. HQ-9 также обладает ограниченными возможностями перехвата баллистических ракет, дополняя оборонительный потенциал Китая.

Развертывание HQ-9 подтверждает стремление Китая к укреплению своего оборонного статуса и обеспечению контроля над воздушным пространством, гарантируя защиту ключевых стратегических объектов и территорий от воздушных нападений. В то же время наблюдатели не уверены, что системы находятся на острове перманентно, и допускают их ротацию⁴⁶⁰.

Остров Данкан (кит. Чэнхан) соединен с островом Палм перешейком, вместе они являются вторым по величине военным укреплением Китая на Парасельских островах. Водное пространство между островами представляет собой бухту, на островах установлена вертолетная база с ангарами и восемью вертолетными площадками, а также радары. Предположительно, данная база может быть использована для противодействия подводным лодкам⁴⁶¹.

Острова Три (кит. Чжаошу) и Тритон (кит. Чжунцзянь) оснащены радарными системами, крупным портом, бухтами и вертолетными площадками. На Тритоне со спутников также видно начерченное на суше изображение национального флага КНР⁴⁶².

⁴⁵⁹ Corr A. Great Powers, Grand Strategies: The New Game in the South China Sea / A. Corr. — Annapolis : Naval Institute Press, 2018. — 327 с.

⁴⁶⁰ Grossman D. Military build-up in the South China Sea // The South China Sea. — Routledge, 2019. — С. 182-200.

⁴⁶¹ Примечательно, что названия некоторых островов в китайском языке не имеют собственного аутентичного варианта, а являются переводом названий островов с английского языка. Например, «линян» с китайского языка переводится «антилопа». «Чжундао» также является прямым переводом английского «middle» — «срединный», «Цзиньин» — «money» — «деньги».

⁴⁶² Tree Island. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/tree-island/> (дата обращения: 07.09.2021).

Другие острова архипелага, на которые КНР выражает претензии с 1974 г. и на которых размещает инфраструктуру, включают в себя о. Линкольн (кит. Дундао), риф Антилоп (кит. Линян), о. Драммонд (кит. Цзиньцин), о. Миддл (кит. Чжундао), о. Мани (кит. Цзиньин), о. Норт (кит. Бэйдао), о. Патл (кит. Шаньху), о. Цюанфу, о. Роберта (кит. Ганьцюань), остров Саут (кит. Наньдао), о. Наньша, о. Сиша, о. Ягун, риф Бомбей (кит. Ланхуа)⁴⁶³.

Риф Бомбей привлек к себе внимание в 2018 г. (до этого на нем не было замечено размещение значимых объектов инфраструктуры, из конструкций на нем находился только маяк)⁴⁶⁴, когда, судя по спутниковым снимкам, на северной оконечности рифа появились небольшие постройки, на которых находятся энергоблоки и солнечные батареи. Возведение объектов осуществлялось быстро — на апрельских снимках 2018 г. их не было видно, на июльских они уже появились, что вызвало беспокойство американских наблюдателей⁴⁶⁵. Предназначение прямоугольной постройки пока не ясно, вероятно, это объект, использующийся в целях навигации. Риф находится ближе всего к судоходным путям между Парасельскими островами и Спратли, поэтому дополнительные устройства и датчики для радаров могут быть использованы для сбора разведывательных данных⁴⁶⁶.

Одновременно с тем, как международное внимание было приковано к Парасельским островам, Китай с 2014 г. производил работы на островах архипелага Спратли. По имеющимся данным, к 2016 г. основные

⁴⁶³ China Island Tracker, Paracel Islands. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁶⁴ China Quietly Upgrades a Remote Reef. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/china-quietly-upgrades-bombay-reef/> (дата обращения: 07.09.2021).

China has built new structure on Bombay Reef in South China Sea, US think tank says. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2174342/china-has-built-new-structure-bombay-reef-south-china-sea-us> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁶⁵ Chinese satellite ground stations installed on disputed South China Sea reefs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3235147/chinese-satellite-ground-stations-installed-disputed-south-china-sea-reefs> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁶⁶ White House warns China on growing militarization in South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://edition.cnn.com/2018/05/03/asia/south-china-sea-missiles-spratly-intl/index.html> (дата обращения: 07.09.2021).

дноуглубительные работы там были завершены. В результате семь островов увеличились в общей сложности на 3 200 акров, а на островах архипелага Джонсон, Гэвен, Хьюз и Куартерон-Рифы появились инфраструктурные объекты⁴⁶⁷.

Риф Куратерон (кит. Хуаян) — искусственный риф площадью 56 акров — появился в 1988 г. На рифе оборудована бухта, вертолетная площадка и несколько радарных систем, в том числе загоризонтная радиолокационная станция (ЗГРЛС)⁴⁶⁸. Такие станции представляют собой ключевой элемент системы противовоздушной обороны, позволяя обнаруживать и отслеживать воздушные, морские и ракетные угрозы на расстояниях, недостижимых для традиционных радаров. Эти системы используют отражение сигналов от ионосферы для мониторинга объектов на тысячи километров вокруг, обеспечивая раннее предупреждение и повышая стратегическую автономию страны. В Китае, согласно известным данным, такие станции расположены в прибрежных провинциях Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун, предположительно для отслеживания деятельности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в западной части Тихого океана⁴⁶⁹. По некоторым данным, в конце 2016 г. Китай начал строительство второй радиолокационной станции типа ОТН-В во Внутренней Монголии. Эта станция может быть использована для наблюдения за всем Корейским полуостровом и большей частью территории Японии, включая места, где расположены американские

⁴⁶⁷ China Island Tracker, Spratly Islands. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20Islands> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁶⁸ Dahm J. M., Johns Hopkins University-Applied Physics Laboratory. Introduction to South China Sea military capability studies. — 2020.

⁴⁶⁹ Raine S. Beijing's South China Sea Debate / S. Raine. // Survival. — 2011. — № 5. — С. 69-88.

Easton I. M., Hsiao L. C. R. The Chinese people's liberation army's unmanned aerial vehicle project: Organizational capacities and operational capabilities. — Arlington, VA : Project 2049 Institute. — 2013.

истребители F-35⁴⁷⁰. Предполагается, что Китай создал компактную версию радара, чтобы отслеживать движение судов в море, в том числе ЮКМ⁴⁷¹.

В начале 2016 г. на рифе Куратерон была завершена постройка вышки, на которой расположены датчики и средства связи, а также малокалиберная зенитная артиллерия⁴⁷². На рифе также установлен маяк и крупное административное здание⁴⁷³.

Риф Гэвен (кит. Наньсюнь) — искусственный остров площадью 34 акра, построенный в 1988 г. Риф оснащен небольшой бухтой, вертолетной площадкой, на нем расположено административное здание с солнечными панелями в форме октагона, построенное в 2015 г. К 2016 г. была завершена постройка вышки связи, а также нескольких ветряных турбин⁴⁷⁴.

Риф Хьюз (кит. Дунмэнь) — искусственный остров площадью 19 акров, построенный в 1988 г., также оснащен небольшой бухтой, вертолетной площадкой. На нем находится административное здание, сооруженное в 2015 г., и две вышки связи⁴⁷⁵.

На рифах Гэвен и Хьюз в ноябре 2016 г. появились четыре постройки, очевидно, военные. На северо-восточной и юго-западной оконечностях острова установлена, предположительно, малокалиберная зенитная артиллерия.

Риф Джонсон (кит. Чигуа) — искусственный остров площадью 27 акров, построенный в 1988 г. Спутниковые снимки свидетельствуют, что на рифе Джонсон расположена малокалиберная зенитная артиллерия, вышка связи, солнечная панель, две ветряные турбины, вышка с радаром, большой маяк, а также административное здание. В ноябре 2016 г. появились

⁴⁷⁰ Wood P., Stone A., Corbett T. Chinese Nuclear Command, Control, And Communications. — 2024.

⁴⁷¹ Chang F. K. China's maritime intelligence, surveillance, and reconnaissance capability in the South China Sea. — 2021.

⁴⁷² Pasandideh S. Do China's new islands allow it to militarily dominate the South China Sea? / S. Pasandideh. // Asian Security. — 2021. — № 1. — С. 1-24..

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ China Island Tracker, Spratly Islands. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20islandsg> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁷⁵ Там же.

сообщения, что на рифе Джонсон усовершенствовали базу, где предположительно расположили дополнительную зенитную артиллерию⁴⁷⁶.

Крупнейшие рифы архипелага Мисчиф, Суби и Файери Кросс — самые оборудованные острова Спратли. Риф Мисчиф (кит. Мэйцзи) площадью 1 379 акров — крупнейший из китайских искусственных островов и ближайший к Филиппинам, возведен в 1995 г. Согласно решению арбитражного суда в Гааге, вынесенному в 2016 г., до начала дноуглубительных работ риф был полностью подводным, а значит, считался частью континентального шельфа Филиппин⁴⁷⁷. К настоящему времени риф оснащен большой бухтой, трехкилометровой взлетно-посадочной полосой, крупными объектами связи, в том числе радаром, антирадарной установкой, малокалиберной зенитной артиллерией, тремя вышками связи, подземными бункерами, предположительно предназначенными для хранения боеприпасов и другой боевой техники.

Риф Суби (кит. Чжуби) площадью 976 акров был построен в 1988 г. Данный риф находится в пределах 12 морских миль от занятого Филиппинами острова Титу, второго по величине острова архипелага Спратли. На Суби установлена радарная система, похожая на AN/FLR-9 американской разработки. Предположительно, она служит для обнаружения малозаметных самолетов, выполненных по технологии Stealth⁴⁷⁸.

Риф Файери-Кросс (кит. Юншу) площадью 677 акров был оборудован в 1988 г. На рифе также расположена взлетно-посадочная полоса и был

⁴⁷⁶ China Island Tracker, Spratly Islands. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20islandsg> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ China Island Tracker, Spratly Islands. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20islandsg> (дата обращения: 07.09.2021).

замечен самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ) KJ-500Н, известный как летающий радар⁴⁷⁹.

На рифах Мисчиф, Суби и Файери-Кросс в 2017 г. завершилась установка ракетных систем класса «земля–воздух», а также радарных установок и подземных хранилищ или ангаров, строительство которых предположительно началось осенью 2016 г. Судя по снимкам со спутников, таких построек на каждом острове насчитывается по восемь, каждая примерно по 66 футов в длину и 33 фута в ширину. Крыши у конструкций сдвигаемые, что дает возможность скрыть от воздушной разведки и спутников системы HQ-9, которые ранее были замечены на острове Вуди⁴⁸⁰.

Хотя китайские власти не подтверждали установку таких систем на рифах Спратли, представитель внешнеполитического ведомства КНР Гэн Шуан заявлял, что Китай имеет право устанавливать и строить в пределах своей суверенной территории, согласно международному праву, любые объекты, в том числе объекты, нацеленные на обеспечение национальной безопасности⁴⁸¹.

С начала 2018 г. международные средства массовой информации сообщают об оснащении Китаем занимаемых островов в архипелаге Спратли современными противокорабельными и противовоздушными зенитными ракетными системами, а также средствами радиоэлектронной борьбы. Среди установленного вооружения упоминаются крылатые ракеты YJ-12В и зенитные ракеты HQ-9В⁴⁸². Такое оснащение делает острова архипелага Спратли наиболее оборудованными с точки зрения наземного

⁴⁷⁹ China Island Tracker, Spratly Islands. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20islandsg> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Exclusive: China finishing South China Sea buildings that could house missiles. [Электронный ресурс] URL: <https://cn.reuters.com/article/us-china-usa-southchinasea-exclusive-iduskbn161029> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁸² China quietly installed missile systems on strategic Spratly Islands in hotly contested South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnbc.com/2018/05/02/china-added-missile-systems-on-spratly-islands-in-south-china-sea.html> (дата обращения: 07.09.2021).

вооружения среди всех территорий, являющихся предметом территориальных споров в ЮКМ⁴⁸³.

В 2018–2019 гг. КНР активно применял свои форпосты на архипелаге Спратли для проведения операций военно-морских сил и Береговой охраны⁴⁸⁴. К тому времени было завершено строительство инфраструктуры, в том числе военного назначения, на рифах Файери-Кросс, Суби и Мисчиф. Среди возведенных объектов были установки для сопровождения работы авиации, артиллерии, портовые сооружения, административные здания и телекоммуникационные объекты⁴⁸⁵.

Китай также претендует на риф Скарборо, который находится под фактическим контролем КНР с 2012 г., однако значимых объектов инфраструктуры на рифах пока не было замечено.

С начала пандемии коронавируса в 2020 г. не появлялось сообщений об активных действиях КНР по дальнейшему укреплению естественных и искусственных островов и рифов в ЮКМ. Представляется, что Пекин достиг основных целей по укреплению стратегически важных объектов в ЮКМ, необходимых для дальнейшего дипломатического урегулирования споров.

Вывод к параграфу. Для обеспечения фактического суверенитета над спорными акваториями и островами в море КНР прибегает к тактике фактической оккупации островов — дноуглубительным работам, установке на них объектов двойного назначения. Согласно заявлениям официальных

⁴⁸³ Stashwick S. China's New Missiles in the Spratlys May be a Turning Point. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2018/06/chinas-new-missiles-in-the-spratlys-may-be-a-turning-point/> (дата обращения: 07.09.2021).

China defends military buildup in disputed South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/04/10/asia-pacific/china-defends-military-buildup-disputed-south-china-sea/> (дата обращения: 07.09.2021).

South China Sea Photos Suggest a Military Building Spree by Beijing. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/08/world/asia/south-china-seas-photos.html> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁸⁴ China Island Tracker, Spratly Islands. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20Islands> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁸⁵ Military Build Up in South China Sea as Part of Overall Change in China's Strategic Posture China and the U.S.: Cooperation, Competition and/or Conflict An Experimental Assessment. — 2019.

представителей КНР, эти проекты нацелены на поддержание проведения морских исследований, безопасности мореплавания, а также условий жизни и труда персонала, размещенного на островных объектах⁴⁸⁶. Наличие инфраструктуры двойного назначения, а также военных объектов на островах делают их де-факто военными авиабазами. Это позволяет Китаю укреплять военное присутствие в регионе, что, в свою очередь, расширяет возможности Китая проецировать силу в западной части Тихого океана и предупреждать действия по оспариванию своего самопровозглашенного суверенитета над акваторией и островами ЮКМ.

3.2 Функционал правоохранительных органов КНР на море в обеспечении суверенитета над Южно-Китайским морем

Политика установления и обеспечения фактического национального суверенитета КНР над ЮКМ представляет собой комплексный, многоаспектный процесс, в котором участвуют как гражданские, так и военные ведомства. Начиная с 2012 г. китайское правительство проводит модернизацию и оптимизацию работы и системы взаимодействия госорганов, которые имеют отношение к управлению спорными акваториями.

В рамках этих усилий особое внимание уделяется упорядочению как вертикальных, так и горизонтальных координационных механизмов межведомственного взаимодействия. Вертикальная координация направлена на усиление централизованного управления, обеспечивая эффективную передачу приказов и реализацию стратегических целей на всех уровнях ведомственной иерархии. Горизонтальная координация, в свою очередь, направлена на повышение эффективности взаимодействия между различными ведомствами на одном уровне. Это способствует

⁴⁸⁶ Progress Report on China's Efforts to Build a Peaceful, Safe and Secure, Prosperous, Beautiful and Amicable Homeland. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjlb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/dqzzywt_663588/202309/t20230906_11139365.html (дата обращения: 07.09.2021).

межведомственному обмену информацией, ресурсами и опытом для достижения целей в рамках реализации морской пограничной политики КНР.

До вступления на пост Председателя КНР Си Цзиньпина эта система межведомственного взаимодействия в сфере обеспечения суверенитета в ЮКМ характеризовалась разрозненностью. В нее входили пять гражданских ведомств, каждое из которых находилось под отдельным командованием. Это приводило к сложностям координации и недостаточной эффективности их деятельности. Ответом на эти вызовы стало решение, принятое на Всекитайском собрании народных представителей в марте 2013 г., об учреждении Государственного океанологического управления (ГОУ, 国家海洋局)⁴⁸⁷.

ГОУ было создано для объединения и координации работы ряда ведомств: Бюро по контролю над морскими территориями, Береговой охраны, Командования по надзору за рыбохозяйственной деятельностью и Главного таможенного управления⁴⁸⁸. В июне 2013 г. были утверждены организационная структура и штатное расписание ГОУ, в которое была включена служба Береговой охраны (中国海警局)⁴⁸⁹. Одной из ключевых задач нового управления стало согласование действий морских правоохранительных органов Китая на море.

Для понимания структуры взаимодействия правоохранительных органов на море и их задач в рамках политики по обеспечению суверенитета необходимо определить непосредственные структуры, входящие в систему.

Бюро по надзору над морскими территориями (中国海监) находится под командованием Государственного океанологического управления и

⁴⁸⁷ Goldstein L. J. Five Dragons Stirring Up the Sea: Challenge and Opportunity in China's Improving Maritime Enforcing Maritime Enforcement Capabilities cement Capabilities / L. J. Goldstein. — CMSI Red Books location, 2010. — 54 с.

⁴⁸⁸ Реорганизованное ГОУ Китая официально начало свою работу. [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8337049.html> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁸⁹ Там же.

Министерства земельных и природных ресурсов⁴⁹⁰. В 2013 г. структуру объединили со службой Береговой охраны⁴⁹¹.

Береговая охрана КНР (中国人民武装警察部队海警总队/中国海警) находится в подчинении Государственного океанографического управления, была учреждена в июле 2013 г. и заменила службу пограничной безопасности Народной милиции Китая (公安边防海警部门). 1 июля 2018 г. Береговая охрана была выведена из-под административного управления ГОУ и Государственного совета КНР и переведена под управление Народной вооруженной милиции и Центрального военного совета КНР⁴⁹².

Береговая охрана вправе обеспечивать безопасность и бороться с противозаконными действиями на море, обеспечивать соблюдение уголовно-процессуального кодекса (刑事诉讼法)⁴⁹³. В задачи Береговой охраны входят поисково-спасательные операции, патрулирование, борьба с терроризмом, браконьерством и пиратством, обеспечение соблюдения морского права, досмотр судов, обеспечение безопасности в прибрежной зоне, защита рыболовецких судов⁴⁹⁴.

С 2010 г. наблюдается значительное увеличение флота Береговой охраны, особенно крупных патрульных кораблей с водоизмещением более 1 000 тонн. Новые суда отличаются повышенными габаритами и боевой

⁴⁹⁰ 走近中国海监 = Бюро по надзору над морскими территориями. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/jrzg/2010-06/30/content_1641652.htm (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁹¹ 海洋局关于印发《中国海监海岛保护与 利用执法工作实施办法》的通知 = «Заявление о защите и защите островов морского наблюдения Китая». Уведомление о мерах по осуществлению использования правоохранительных органов. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2011/content_1870728.htm (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁹² 全国人民代表大会常务委员会关于中国海警局行使海上维权执法职权的决定 = Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей об осуществлении береговой охраной Китая полномочий по защите морских прав и правоохранительных органов. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-06/23/content_5300665.htm (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁹³ 中华人民共和国海警法 = Закон «О береговой охране». [Электронный ресурс] URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4877678.html> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁹⁴ 海警队伍转隶武警部队没有改变其基本任务属性 = Переход Береговой охраны в состав Вооруженных полицейских сил не изменил ее основных характеристик. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/rcfb/4818497.html> (дата обращения: 07.09.2021).

мощностью по сравнению с предыдущим составом, некоторые из них оборудованы вертолетными площадками, водометами высокой мощности и артиллерийскими установками калибром от 30 до 76 мм⁴⁹⁵. Всего в 2018 г. служба Береговой охраны насчитывала более 20 тыс. солдат и офицеров и около 200 кораблей различных типов⁴⁹⁶.

Управление морской безопасности КНР (中华人民共和国海事局), подчиненное Министерству транспорта КНР, занимает одну из ключевых позиций в системе обеспечения морской безопасности страны, наряду с такими структурами, как Береговая охрана⁴⁹⁷. В задачи Управления входит проверка и регистрация китайских и иностранных судов, расследование аварий на море, обеспечение контроля над судоходством, обеспечение навигации, обеспечение соблюдения государственного и международного морского права, розыскные и спасательные работы на море.

Отличительной чертой Управления морской безопасности является высокий уровень оснащённости. Важной частью технологического оснащения является система автоматической идентификации (Automatic Identification System, AIS), которая обязывает суда с водоизмещением свыше 300 тонн передавать данные о своем местоположении в автоматическом режиме. В качестве примера: шанхайское отделение в 2010 г. было оснащено современными системами мониторинга судов, обеспечивающими возможность слежения за кораблями в море в реальном времени⁴⁹⁸. О наличии подобных систем у центра навигационной

⁴⁹⁵ 中国海警新装备威慑力十足，装备 76 毫米舰炮，堪称海警中的巨无霸 = Новая техника береговой охраны Китая обладает мощным потенциалом сдерживания: она оснащена 76-мм корабельной пушкой и ее можно назвать гигантом среди береговой охраны. [Электронный ресурс] URL: https://news.sohu.com/a/744541507_120120854 (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁹⁶ 官兵 20000 人，舰船 200 艘，中国版“海岸警卫队”正式成立 = Официально была создана китайская версия «Береговой охраны», насчитывающая 20 000 офицеров и солдат и 200 кораблей. [Электронный ресурс] URL: https://www.sohu.com/a/238918908_403246 (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁹⁷ 中华人民共和国海事局 = Управление морской безопасности КНР. [Электронный ресурс] URL: <https://www.msa.gov.cn/> (дата обращения: 07.09.2021).

⁴⁹⁸ 孙宏安. 浅析船舶自动识别系统在围网工程中的监控控制 = Сунь Хунань. Краткий анализ контроля и надзора за автоматической идентификационной системой судов в рамках ограждающих работ //南通航运职业技术学院学报. — 2018. — Т. 17. — №. 2. — С. 70-73.

поддержки Управления в ЮКМ (南海航海保障中心) не сообщалось. Радары Управления морской безопасности не фиксируют суда Береговой охраны, что может свидетельствовать о специализированных мерах по обеспечению оперативной безопасности и координации действий между различными ведомствами, задействованными в области морской безопасности⁴⁹⁹.

Командование по надзору за рыбохозяйственной деятельностью (中国渔政) функционирует под юрисдикцией Министерства сельского хозяйства КНР и играет важную роль в управлении деятельностью в сфере рыболовства и контроле над ней. Это ведомство несет ответственность за обеспечение соблюдения нормативно-правовых актов, регулирующих рыболовный промысел, а также за использование других морских биоресурсов в пределах территориальных вод и эксклюзивной экономической зоны Китая⁵⁰⁰.

Основные функции ведомства включают в себя защиту интересов китайских рыболовецких судов и рыбаков, а также разрешение возникающих споров в области морского рыболовства. Кроме того, организация призвана предотвращать нелегальный вылов рыбы, что является важным аспектом в обеспечении устойчивого использования морских биоресурсов и поддержании экологического баланса в морских водах под фактической юрисдикцией Китая⁵⁰¹.

Вооруженные силы Китая традиционно включают в себя Народно-освободительную армию Китая, Народную вооруженную полицию Китая

⁴⁹⁹ 陈星森. 中国海事局印发《国内航行船舶船载电子海图系统和自动识别系统设备管理规定》= Чэнь Синсэнь. Морская администрация Китая выпустила «Положения об управлении оборудованием для систем электронных морских карт и автоматической идентификации на судах внутреннего плавания» //中国海事. — 2011. — №. 7. — С. 75-75.

⁵⁰⁰ 中华人民共和国农业部渔业局 = Бюро рыболовства Министерства сельского хозяйства Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс] URL: <http://www.yyj.moa.gov.cn/> (дата обращения: 28.09.2021).

⁵⁰¹ Там же.

(中国人民武装警察部队) и Народное ополчение⁵⁰². *Народное ополчение КНР*, или *милиция* (中国民兵)⁵⁰³, включая морские подразделения, находится в ведении Национального комитета по оборонной мобилизации (国家国防动员委员会) и подчиняется командованию Государственного совета и Центрального военного совета КНР. Такая модель организации, предполагающая двойную подотчетность милиции как военным, так и гражданским структурам, известна как «система двойной подотчетности» (双重领导)⁵⁰⁴.

Финансирование народного ополчения осуществляется из центрального и местных бюджетов⁵⁰⁵. Военные округа НОАК устанавливают требования к деятельности ополчения, которые на местном уровне реализуются через партийные и провинциальные структуры, обеспечивая формирование, финансирование и интеграцию ополчения в работу региональных ведомств, как военных, так и гражданских. Тренировка ополченцев, включая тех, что составляют морскую милицию, проводится под руководством НОАК⁵⁰⁶.

Согласно Белой книге КНР за 2013 г., народное ополчение выступает в роли дополнения и подкрепления для НОАК⁵⁰⁷. Несмотря на официальную квалификацию милиции как «резервной силы» (后备力量),

⁵⁰² Kennedy, C. M. China Maritime Report No. 1: China's Third Sea Force, The People's Armed Forces Maritime Militia: Tethered to the PLA / C. M. Kennedy, A. S. Erickson. — Newport : China Maritime Studies Institute, U.S. Naval War College, 2017. — 24 с.

⁵⁰³ В англоязычной литературе Народное ополчение принято переводить словом militia.

⁵⁰⁴ 加强民兵党组织预建 = Усилить предварительное строительство ополченских партийных организаций. [Электронный ресурс] URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2023-03/20/content_335879.htm (дата обращения: 28.04.2023).

⁵⁰⁵ Luo S. China's Maritime Militia and Fishing Fleets A Primer for Operational Staffs and Tactical Leaders / S. Luo, Panter J. — Military Review, 2021. — 16 с.

⁵⁰⁶ Kennedy C. M. China Maritime Report No. 1: China's Third Sea Force, The People's Armed Forces Maritime Militia: Tethered to the PLA / C. M. Kennedy, A. S. Erickson. — Newport : China Maritime Studies Institute, U.S. Naval War College, 2017. — 24 с.

⁵⁰⁷ 国防白皮书：中国武装力量的多样化运用. 二、武装力量建设与发展 = Белая книга национальной обороны: Диверсифицированное использование вооруженных сил Китая. 2. Строительство и развитие вооруженных сил. [Электронный ресурс] URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2013-04/16/content_4617811_3.htm (дата обращения: 28.04.2023).

она не является тождественной резервному составу НОАК, для обозначения которого применяется другой термин (预备役部队). Это различие подчеркивает специфическую роль ополчения в оборонной структуре Китая⁵⁰⁸.

Основные функции народного ополчения включают в себя поддержку НОАК в обеспечении защиты страны от внешних угроз, помощь в поддержании внутренней стабильности и безопасности, а также участие в спасательных и других чрезвычайных операциях. В Белой книге по обороне КНР за 2019 г. указываются меры, предпринятые для усовершенствования системы национальной оборонной мобилизации и развития оборонных резервов, включая оптимизацию количества и структуры первичных ополченцев и продвижение реформ народного ополчения и резервных сил⁵⁰⁹.

Морской корпус народного ополчения, часто называемый «третьей морской силой» страны, занимает исключительное положение в структуре вооруженных сил КНР. Основные задачи *морского народного ополчения* (海上民兵) включают логистическую поддержку военных операций, выполнение разведывательных заданий и участие в потенциальных боевых действиях. Этот орган отличается от таких структур, как Береговая охрана, поскольку в его состав входят специально зарегистрированные рыболовные суда, на которых находятся рыбаки, прошедшие специализированную военную подготовку или имеющие опыт военной службы. Так, военизированные гражданские рыбацкие суда в составе китайского народного ополчения играют ключевую роль в «капустной стратегии» Пекина⁵¹⁰. Нечеткий статус подчинения таких рыболовецких «канонерок»

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Brødsgaard K. E. Assessing the Fourth Plenum of the Chinese Communist Party / K. E. Brødsgaard. // Asia Policy. — 2015. — № 20. — С. 30-37.

⁵¹⁰ Roszko E. Navigating seas, markets, and sovereignties: fishers and occupational slippage in the South China Sea / E. Roszko. // Anthropological Quarterly. — 2021. — № 4. — С. 639-668.

затрудняет их классификацию и разработку ответных мер, делая морскую милицию и народное ополчение важными элементами китайской тактики по обеспечению фактического суверенитета в ЮКМ.

В контексте территориальных споров и стратегической конкуренции в морских регионах морское народное ополчение представляет собой значимый элемент в арсенале государственной оборонной стратегии⁵¹¹. Совместно с ВМФ НОАК и Береговой охраной Народное ополчение проводит учения по «военно-полицейско-гражданской совместной обороне» (军警民联防). Организация и координация такой трехуровневой системы обороны лежит на НОАК в пограничных и прибрежных регионах, например, гарнизоне островов Саныша или острове Вуди⁵¹².

Применение КНР гражданских морских сил для «охраны» спорных территорий, на которые претендует Пекин, выполняет важную дипломатическую функцию. Эта стратегия подчеркивает намерения КНР не просто претендовать на оспариваемые акватории, но и активно осуществлять контроль над ними как над де-факто национальной территорией. Отправка исключительно военных кораблей в районы спорных островов могла бы быть расценена как провокация к военному противостоянию.

Анализ деятельности морской милиции Китая, основанный на сообщениях СМИ, показывает, что эти суда в основном избегают агрессивных действий, ограничиваясь простым присутствием в районах спорных островов и акваторий. Стратегия использования морского корпуса

⁵¹¹ Poling G. B. Et al. Pulling Back the Curtain on China's Maritime Militia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/pulling-back-curtain-chinas-maritime-militia>. (дата обращения: 28.04.2023).

⁵¹² 三沙市推动军警民联防机制 构建三线海上维权格 = Город Санша продвигает совместный механизм защиты между военными, полицией и гражданскими лицами для создания трехлинейной схемы защиты морских прав. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinanews.com/gn/2014/11-21/6803776.shtml> (дата обращения: 28.04.2023).

三沙民兵巡南海: 24 小时全天执勤, 365 天全年无休 = Ополчение Саныша патрулирует Южно-Китайское море: дежурит 24 часа в сутки, 365 дней в году. [Электронный ресурс] URL: http://www.81.cn/2016xsjx/2016-04/10/content_6998913.htm (дата обращения: 28.04.2023).

народного ополчения сводится к тому, что «канонерки» приближаются к судам других государств в спорных районах на расстояние, которое позволяет демонстрировать силу и потенциал ее применения. Это «запугивание» дает возможность китайским судам осуществлять фактический контроль над данным участком моря, в то же время избегая прямой конфронтации⁵¹³. Эти действия направлены на предупреждение посягательства других участников территориальных споров на акватории и острова, фактически подконтрольные КНР. При этом для судов других государств потенциальное противостояние с более оснащенным и подготовленным к военным действиям китайским судном является нежелательным⁵¹⁴.

Сложность в классификации судов морского корпуса народного ополчения заключается в отсутствии единого международного определения подобных формирований⁵¹⁵. Исследование деятельности китайского народного ополчения в контексте международного права и спорных морских зон выявляет проблематику, имеющую отношение к реальному статусу милиции и связи народного ополчения с вооруженными силами. В соответствии с Гаагской конвенцией 1907 г., которая регулирует законы и обычаи ведения сухопутной войны, для того чтобы ополчение или волонтерские группы могли быть признаны участниками военных действий, они должны соответствовать определенным критериям: иметь руководителя, отвечающего за подчиненных; носить узнаваемый знак, видимый с дистанции; открыто носить оружие; следовать законам и традициям войны⁵¹⁶.

⁵¹³ Michael Green, Kathleen Hicks, Zack Cooper, John Schaus, and Jake Douglas, Countering Coercion in Maritime Asia: The Theory and Practice of Gray Zone Deterrence. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-coercion-maritime-asia>. (дата обращения: 28.04.2023).

⁵¹⁴ Poling G. B. Et al. Pulling Back the Curtain on China's Maritime Militia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/pulling-back-curtain-chinas-maritime-militia>. (дата обращения: 28.04.2023).

⁵¹⁵ Sato K. China's maritime militia: A legal point of view //Maritime Issues. — 2020. — Т. 12.

⁵¹⁶ Там же.

Принадлежность милиции, или народного ополчения, к составу регулярной армии определяется национальным законодательством. В Конституции КНР, в частности, в статье 55, утверждается, что «защита Родины и сопротивление агрессии являются священным долгом каждого гражданина страны». Военная служба, а также участие в народном ополчении, осуществляемые в соответствии с законом, признаются почетной обязанностью граждан КНР⁵¹⁷.

Дополнительно, согласно статье 22 закона КНР «О военном положении», лица, ответственные за введение и реализацию военного положения, имеют право на проведение проверок документов, транспортных средств и личных вещей на дорогах и в других общественных местах в зоне действия военного положения, в соответствии с правилами органа, осуществляющего военное положение⁵¹⁸. Таким образом, законодательство КНР предусматривает интеграцию народного ополчения в общенациональную систему обороны, предоставляя ему определенные полномочия и обязанности, которые могут совпадать с функциями регулярных вооруженных сил, особенно в условиях военного положения.

Исходя из нормативно-правовой базы КНР, милиция, или народное ополчение, является интегральной частью вооруженных сил страны, находится, хоть и частично, под командованием военных структур. Эти формирования обязаны участвовать в подготовке к военным действиям, осуществлении оборонительных операций и поддержании общественного порядка. В регламенте работы Народного ополчения морская милиция упоминается как «помощник Народно-освободительной армии» (解放军的助手)⁵¹⁹.

⁵¹⁷ 中华人民共和国宪法 = Конституция Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 15.07.2023).

⁵¹⁸ 中华人民共和国戒严法 = Военное положение Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-09/12/content_31178.htm (дата обращения: 15.07.2023).

⁵¹⁹ 民兵工作条例 = Правила работы Народного ополчения. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-09/12/content_31048.htm (дата обращения: 15.07.2023).

Таким образом, возникает вопрос о квалификации действий таких судов при пересечении морских рубежей и вхождении в спорные воды, например, в ИЭЗ Филиппин. Иными словами, считается ли присутствие судна морской милиции КНР в ИЭЗ или территориальных водах другого государства нарушением его суверенитета или же актом вооруженного нападения, что влечет за собой различные правовые последствия в рамках международного права и может потребовать определенных ответных мер со стороны пострадавшего государства⁵²⁰.

Учитывая, что милиция, или народное ополчение, может рассматриваться как де-факто часть вооруженных сил Китая или находиться под их командованием, действия морской милиции в спорных водах ЮКМ могут квалифицироваться как акт вооруженной агрессии⁵²¹. Однако только в случае доказанности факта, что «канонерка» действительно является судном вооруженной народной милиции, а не обычным рыболовным судном.

Вывод к параграфу. Неоднозначный статус и функции китайских отрядов народного ополчения, формально не входящих в состав НОАК и подчиняющихся гражданским властям, обеспечивают стратегическое преимущество КНР в ЮКМ. Хотя ополчение юридически привязано к гражданским институтам, ответственным за его формирование и финансирование, оно также находится под влиянием военных структур. Эта система «двойной подотчетности» усиливает многоуровневую стратегию Китая по контролю над спорными морскими территориями, усложняя классификацию действий ополчения и разработку эффективных ответных мер международным сообществом и противниками.

⁵²⁰ Greenert J. W. Navigating Contested Waters: US-Japan Alliance Coordination in the East China Sea / J.W. Greenert. // Asia policy. — 2020. — № 3. — С. 1-57.

⁵²¹ Sato K. China's maritime militia: A legal point of view //Maritime Issues. — 2020. — Т. 12.

3.3 Роль Военно-морских сил НОАК в обеспечении суверенитета КНР в Южно-Китайском море

В стратегии КНР по обеспечению фактического национального суверенитета в ЮКМ особое внимание заслуживает роль вооруженных сил, в частности Военно-морских сил Народно-освободительной армии Китая. Эти силы играют ключевую роль в обеспечении безопасности морских границ КНР.

За последние 20 лет Китай значительно нарастил свои военные расходы, увеличив их почти в пять раз с 62 млрд долл. в 2002 г. до 298 млрд долл. в 2022 г.⁵²² Финансирование в значительной мере направлено на усиление возможностей китайских вооруженных сил предотвращать внешнее вмешательство в споры о территориальном суверенитете, особенно по вопросам, касающимся Тайваня и морских территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

В контексте ЮКМ НОАК не только координирует действия полувоенных и гибридных структур, таких как морское народное ополчение и военизированный рыболовецкий флот, но главное — обладает стратегической способностью проецировать военную мощь за пределы данного региона. Важным компонентом проецирования силы в регионе являются регулярные военные учения, проводимые НОАК в ЮКМ⁵²³. В свою очередь, развитие военной инфраструктуры КНР на островах ЮКМ направлено на достижение возможности проецировать силу в более широком диапазоне Тихого океана до границ второй островной цепи, охватывающей Бонинские, Марианские и Каролинские острова.

⁵²² What Does China Really Spend on its Military? [Электронный ресурс] URL: <https://chinapower.csis.org/military-spending/> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵²³ Show of force? China lands bombers on South China Sea airfield. [Электронный ресурс] URL: <https://www.defensenews.com/global/asia-pacific/2018/05/18/show-of-force-china-lands-bombers-on-south-china-sea-airfield/> (дата обращения: 15.07.2023).

При пятом поколении руководства КНР началась также масштабная кампания по модернизации армии, направленная на повышение оперативной эффективности организационной структуры. На XVIII съезде Коммунистической партии Китая в 2012 г. бывший председатель КНР Ху Цзиньтао представил стратегический доклад, разработанный с участием Си Цзиньпина, который подчеркивал стратегическую необходимость для Китая в укреплении его морских возможностей. Среди ключевых направлений были указаны усиление потенциала для освоения морских ресурсов, развитие морской экономики, защита морской экологии, защита морских прав и интересов нации, а также преобразование Китая в ведущую морскую державу⁵²⁴.

С вступлением Си Цзиньпина на должность главы государства повышенное внимание к морской политике и безопасности нашло отражение в активизации реформ вооруженных сил, включая Военно-морские силы КНР. Согласно Белой книге по обороне 2013 г., ВМС НОАК несут ответственность за поддержание безопасности на море, координацию действий китайских морских правоохранительных органов, а также ведомств по морскому надзору и рыболовству. Кроме того, пятое поколение китайского руководства инициировало институциональные реформы для улучшения координации между различными органами, участвующими в реализации морской политики Пекина в ЮКМ⁵²⁵.

С 2012 г. был осуществлен ряд мер по укреплению руководящей иерархии и оптимизации механизмов принятия решений. В частности, были созданы специализированные малые руководящие группы (领导小组) под эгидой Центрального комитета КПК, формируемые из представителей партийных структур, правительства и НОАК в соответствии с

⁵²⁴ 中华人民共和国海事局 = Управление морской безопасности Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс] URL: <https://www.msa.gov.cn/> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵²⁵ Fravel M. T. The PLA and National Security Decisionmaking: Insights from China's Territorial and Maritime Disputes / M. T. Fravel. — Cambridge : MIT- Department of Political Science, 2014. — 37 с.

направлением их деятельности. Эти группы, выполняющие функции консультационных и координирующих органов, занимаются анализом ситуации, разработкой рекомендаций и контролем реализации утвержденной политики.

Одной из таких групп стала малая рабочая руководящая группа по обеспечению прав и интересов на море (中央海洋权益工作领导小组), созданная в 2012 г. В ее задачи входит формулирование стратегии по обеспечению китайских интересов и прав на море, координация взаимодействия между различными государственными органами по морским делам, управление разрешением конфликтных ситуаций с другими странами по вопросу спорных территорий⁵²⁶.

Американские наблюдатели указывают, что ключевые решения по ЮКМ принимаются в рамках этой малой руководящей группы под председательством Си Цзиньпина, который возглавляет семь из восемнадцати аналогичных групп⁵²⁷. В состав этой группы входят представители 17 правительственных ведомств, включая Министерство иностранных дел, Государственное океанологическое управление, Министерство общественной безопасности, Министерство государственной безопасности, Министерство сельского хозяйства, а также Военно-морских сил НОАК⁵²⁸. Отмечается, что, в то время как информация о деятельности групп, занимающихся экономическими вопросами, часто становится доступной для СМИ, данные о процессах принятия решений в

⁵²⁶ 中国海警局亮剑 = Береговая охрана Китая показывает меч. [Электронный ресурс] URL: http://paper.people.com.cn/rmwz/html/2013-09/01/content_1307445.htm (дата обращения: 15.07.2023).

⁵²⁷ Bonnie G. China's maritime rights protection leading small group-shrouded in secrecy. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/chinas-maritime-rights-protection-leading-small-group-shrouded-in-secrecy/> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵²⁸ Jakobson L. China's unpredictable maritime security actors / L. Jakobson. — Cambridge : Lowy Institute for International Policy, 2014. — 55 с.

группах, фокусирующихся на внешней и оборонной политике, публикуются гораздо реже⁵²⁹.

Деятельность малой руководящей группы по обеспечению прав и интересов на море остается в значительной мере непрозрачной. Доступная информация о работе группы часто основывается на интервью с чиновниками и журналистских расследованиях. Многие аспекты ее функционирования, включая процедуры созыва заседаний, критерии для их проведения и механизмы принятия решений в случае отсутствия консенсуса, остаются за пределами публичного доступа.

Так, известно, что малая руководящая рабочая группа по обеспечению прав и интересов на море координирует тактические действия китайских разведывательных и военно-морских судов⁵³⁰. С момента своего создания группа активно сотрудничает с ВМФ, Береговой охраной, Государственным океанологическим управлением и народным ополчением для реализации китайской морской политики. Кроме того, известно, что группа отвечает за принятие решений о создании зон опознавания противовоздушной обороны в ЮКМ⁵³¹.

На третьем пленуме XVIII съезда Коммунистической партии Китая в 2013 г. был учрежден Совет государственной безопасности ЦК КПК (中央国家安全委员会). Как указано в итоговом коммюнике, целью создания этого органа является укрепление китайской системы обеспечения национальной безопасности. Си Цзиньпин подчеркивал необходимость формирования эффективной структуры для объединения и координации

⁵²⁹ Bonnie G. China's maritime rights protection leading small group-shrouded in secrecy [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/chinas-maritime-rights-protection-leading-small-group-shrouded-in-secrecy/> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵³⁰ All the toys, but can China fight? [Электронный ресурс] URL: <https://www.smh.com.au/world/all-the-toys-but-can-china-fight-20130426-2ikmm.html> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵³¹ Beijing's plans for South China Sea air defence identification zone cover Pratas, Paracel and Spratly islands, PLA source says. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3086679/beijings-plans-south-china-sea-air-defence-identification-zone> (дата обращения: 15.07.2023).

действий всех органов безопасности, что будет способствовать усилению централизации и унификации руководства в области национальной безопасности⁵³².

С 2015 г. власти Китая под руководством высшего партийного руководства, возглавляемого Си Цзиньпином, начали масштабную реформу вооруженных сил, включая Военно-морские силы. Ключевым элементом данной реформы стало укрепление полномочий председателя Центрального военного совета Си Цзиньпина в военной иерархии страны.

В рамках реформы на 300 тысяч было сокращено число военнослужащих, созданы новые подразделения, а существующая система семи военных округов была трансформирована в пять стратегических театров военных действий. Основной задачей реформы является повышение боеспособности и эффективности НОАК, а также усиление политического контроля над армией. Для достижения данной цели Председатель КНР Си Цзиньпин сосредоточился на усилении властной вертикали в военной сфере и координации властных полномочий в своих руках⁵³³.

В январе 2016 г. было объявлено о реорганизации структуры НОАК, в результате которой четыре ключевых управления НОАК — Генштаб, Главное политическое управление, Главное управление тыла и Главное управление вооружений — были трансформированы в пятнадцать департаментов (职能部门) под эгидой Центрального военного совета⁵³⁴.

⁵³² Hu W. Xi Jinping's 'Big Power Diplomacy' and China's Central National Security Commission / W. Hu. // *Journal of Contemporary China*. — 2016. — № 98. — С. 163-177..

Brødsgaard K. E. Assessing the Fourth Plenum of the Chinese Communist Party / K. E. Brødsgaard. // *Asia Policy*. — 2015. — № 20. — С. 30-37.

⁵³³ Kou C. Xi Jinping in command: Solving the principal-agent problem in CCP-PLA relations? / C. Kou. // *The China Quarterly*. — 2017. — № 232. — С. 866-885.

Ji Y. Xi Jinping and PLA centrality in Beijing's South China Sea dispute management / Y. Ji. // *China: An International Journal*. — 2017. — № 2. — С. 1-21.

⁵³⁴ 决定军队未来的关键一招——关于深化国防和军队改革 = Ключевой шаг для определения будущего вооруженных сил – углубление национальной обороны и военная реформа. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/qwfb/4921955.html> (дата обращения: 15.07.2023).

Среди новых структурных подразделений были образованы Объединенный штаб, Канцелярия ЦВС, Управление по политической работе, Управление тылового обеспечения, Управление вооружений, Управление подготовки, Оборонно-мобилизационное управление, Комиссия ЦВС по проверке дисциплины, Политико-юридическая комиссия, Научно-технический комитет, Отдел стратегического планирования, Отдел по реформам и комплектованию, Отдел международного военного сотрудничества, Ревизионное управление и Главное организационно-управленческое бюро ЦВС⁵³⁵. Эта реорганизация была направлена на оптимизацию управленческих процессов и повышение эффективности функционирования военного аппарата.

В результате военной реформы семь военных округов были трансформированы в пять зон боевого командования: Восточную, Южную, Западную, Северную и Центральную. Эти зоны боевого командования координируют действия всех воинских подразделений в своих зонах ответственности. За обеспечение суверенитета КНР в водах ЮКМ ответственность несет Южное командование, которое отвечает за дислокацию войск вдоль границ с Мьянмой, Вьетнамом и Лаосом, расположенных в провинциях Гуйчжоу и Юньнань. В подчинении Южного Командования находятся три армейские группы — 14-я, 41-я и 42-я — а также подразделения морского и воздушного десанта. Командный центр размещен в Гуанчжоу, а управление Сухопутных войск базируется в Наньнине⁵³⁶.

Главной задачей текущей модернизации НОАК является переход от традиционной стратегии «народной войны», которая служила основой

⁵³⁵ Телешев И. С. Военная реформа НОАК зоны боевого командования / И. С. Телешев, А. В. Федотов, Ч. В. Балдоржиев. // Сборник научных трудов под общей редакцией С.А. Куценко. — Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. — С. 187-193.

⁵³⁶ Там же.

военной доктрины с момента основания НОАК, к повышению профессионализма военнослужащих на всех уровнях и комплексной модернизации вооружений. Эти усилия направлены на создание высокоэффективной и технологически оснащенной армии⁵³⁷.

В контексте стратегии КНР по обеспечению суверенитета в ЮКМ особое значение приобретает интеграция и усиление структур власти, задействованных в реализации морской политики, в частности, преобразования в ВМС НОАК. Морское пространство, наряду с воздушным и киберпространством, выступает ключевым направлением в реализации «новой исторической миссии» китайской армии. В соответствии с целями китайского руководства, к 2020 г. китайский флот должен был войти в число восьми сильнейших морских сил мира, достичь позиции среди пяти лидеров к 2030 г. и обеспечить место в тройке мировых военно-морских сил к 2049 г., когда будет отмечаться столетие со дня основания КНР⁵³⁸.

В 2019 г. флот КНР был признан Пентагоном самым крупным по численности судов в мире⁵³⁹. Общее количество боевых единиц ВМФ Китая составило 300 кораблей. Структура флота была диверсифицирована и включала в себя 23 эсминца, 59 фрегатов, 37 корветов и 76 подводных лодок, среди которых находились атомные. Преимущественное расширение китайского военного морского потенциала наблюдалось в сегменте надводных кораблей, что подчеркивало стратегическую ориентацию на укрепление военно-морского присутствия⁵⁴⁰.

⁵³⁷ Кашин В. Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949-2014 гг. / В. Б. Кашин. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2013. — № 4. — С. 106-129..

⁵³⁸ Клименко А. Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая / А. Ф. Клименко. // Военная Мысль. — 2005. — № 4. — С. 6–7.

⁵³⁹ Office of the Secretary of Defense. Annual report to Congress: military and security developments involving the People's Republic of China 2013. [Электронный ресурс] URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_China_Report_FINAL.pdf (дата обращения: 15.07.2023).

⁵⁴⁰ How is China Modernizing its Navy? [Электронный ресурс] URL: <https://chinapower.csis.org/china-naval-modernization/> (дата обращения: 15.07.2023).

В настоящее время Военно-морские силы Китая организованы в три флота: Северный (охватывает Желтое море и залив Бохай) с главным базированием в Циндао, Восточный (покрывает Восточно-Китайское море и Тайваньский пролив) с центром в Нинбо и Южный (охватывает Южно-Китайское море) с базированием в Чжаныцзяне. В 2016 г. эти флоты были включены в состав соответствующих командирований, созданных в рамках проводимых реформ.

Зона ответственности Южного командования театра военных действий охватывает как материковую, так и морскую части Юго-Восточной Азии, включая ЮКМ. Таким образом, данное командование несет ответственность за обеспечение суверенитета Китая в ЮКМ и реагирование на любые попытки его оспорить, а также на действия США по обеспечению свободы судоходства в этом регионе. Кроме того, в его задачи входит обеспечение безопасности морских коммуникаций и поддержка командования Восточного театра военных действий в случае начала военных действий в Тайваньском проливе⁵⁴¹.

Эксперты Центра стратегических и международных исследований подчеркивают, что развертывание Китаем радиолокационных систем, противокорабельных и зенитных ракетных комплексов, а также боевых самолетов на его передовых позициях в ЮКМ значительно усилило его способность к проецированию силы в районах, удаленных от побережья. Эти действия не только укрепляют военное присутствие Китая в ЮКМ, но и создают условия для использования его авианосцев для проведения операций на значительном удалении от материка⁵⁴².

Способности проецирования силы с китайских островных аванпостов в ЮКМ предполагают широкий спектр военных действий, включая

⁵⁴¹ Губин А. В. Тайваньский кризис-новая надежда / А. В. Губин. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2016. — № 4. — С. 108-128.

⁵⁴² By Air, Land, And Sea: China's Maritime Power Projection Network [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/power-projection-network/> (дата обращения: 15.07.2023).

радиолокационный мониторинг, поддержание воздушных операций и обеспечение зенитного ракетного прикрытия. В частности, авиационные системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ), такие как KJ-500, известные как летающие радары и базирующиеся на спорных островах ЮКМ, играют ключевую роль в увеличении радиуса действия радиолокационного обзора, расширяя возможности наземных радарных систем⁵⁴³.

Эксплуатация KJ-500, в частности в зоне рифа Суби, позволяет обнаруживать цели на расстоянии до 200 морских миль и аэродинамические объекты, находящиеся на высоте до 7,62 км на дальности более 700 км⁵⁴⁴. Однако, учитывая отсутствие встроенных средств самозащиты, эти комплексы зависят от внешних систем обороны, таких как наземные противокорабельные ракетные комплексы и зенитные ракетные системы HQ-9 для обеспечения их защиты. Вне зоны действия этих оборонительных систем KJ-500 оказывается в уязвимом положении перед воздушными и морскими угрозами со стороны противника.

Истребители, участвующие в операциях в пределах зоны обнаружения радара KJ-500, обладают возможностью нанесения ударов по целям на дополнительное расстояние до 250 морских миль при использовании вооружения воздушного базирования, такого как противокорабельная крылатая ракета YJ-12. С учетом этой дополнительной дальности общий радиус ударных возможностей от островных позиций Китая может достигать 550 морских миль⁵⁴⁵, что, по мнению экспертов

⁵⁴³ Самолеты ДРЛО на базе китайских аналогов Ан-12. [Электронный ресурс] URL: <https://topwar.ru/209789-samolety-drlo-na-baze-kitajskih-analogov-an-12.html> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵⁴⁴ Satellite image shows Chinese deployment of new aircraft to South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://www.defensenews.com/space/2017/05/12/satellite-image-shows-chinese-deployment-of-new-aircraft-to-south-china-sea/> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵⁴⁵ По другим данным дальность YJ-12 достигает 400 км.

鹰击-12 反舰导弹神秘的反航母利器 = Противокорабельная ракета YJ-12 — загадочное зенитно-палубное оружие. [Электронный ресурс] URL: <https://news.sciencenet.cn/sbhtmlnews/2013/10/278933.shtml> (дата обращения: 15.07.2023).

CSIS, представляет собой реально достижимую дистанцию для выполнения боевых задач авиацией без непосредственной поддержки со стороны Военно-морского флота.

Важную роль в стратегии ВМФ НОАК играют не только средства наблюдения, но и ударные средства — авианосные группы. В июне 2022 г. в Китае спустили на воду третий и наиболее технологически продвинутый авианосец «Фуцзянь» водоизмещением 80 тысяч тонн. Этот корабль стал первым в стране, оснащенным электромагнитной катапультной, что позволяет ему запускать самолеты различных типов. Пока «Фуцзянь» проходит процесс технического оснащения, в эксплуатации уже находятся авианосцы «Ляонин» и «Шаньдун»⁵⁴⁶.

Интеграция авиационных комплексов дальнего радиолокационного обнаружения в оборонительный периметр авианосной группы способна значительно расширить радиус действия радара — до 300 морских миль. Это, в свою очередь, дает возможность истребителям, таким как J-15, осуществлять удары на расстоянии до 550 морских миль от авианосца, существенно увеличивая оперативные возможности авианосной группы и ее способность к проецированию мощи на большие расстояния — указывают в CSIS⁵⁴⁷.

Авианосные ударные группы играют ключевую роль в современной военно-морской стратегии КНР, обеспечивая проекцию силы и гибкость в действиях на значительном удалении от берега. В этом контексте самолеты дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛОиУ), такие как KJ-500, приобретают особое значение, поскольку они способны значительно

国产反舰导弹低调“现身”航展 = Отечественные противокорабельные ракеты скромно появились на авиасалоне. [Электронный ресурс] URL: https://web.archive.org/web/20131105110342/http://epaper.oeeee.com/N/html/2012-11/16/content_1755306.htm (дата обращения: 15.07.2023).

⁵⁴⁶ В Китае спустили на воду третий, наиболее современный авианосец. [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/world/846724> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵⁴⁷ By Air, Land, And Sea: China's Maritime Power Projection Network. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/power-projection-network/> (дата обращения: 15.07.2023).

расширить возможности по обнаружению и управлению воздушным пространством. Однако, несмотря на их потенциальную пользу для авианосных групп, KJ-500 не является самолетом палубного базирования, а значит, не может быть использован на авианосцах.

Основываясь на доступной информации, можно утверждать, что военно-морская стратегия Китая акцентирует внимание на развертывании цепочек авиабаз на островах вместо прямого размещения такого типа самолетов на авианосцах. В то время как разработки в области самолетов ДРЛОиУ палубного базирования в Китае активно ведутся, информация об успешных испытаниях или скором введении в эксплуатацию такой техники пока остается ограниченной⁵⁴⁸. Это указывает на то, что, несмотря на технологические стремления и потенциал для расширения возможностей своего военно-морского флота через интеграцию авиационных средств ДРЛОиУ непосредственно на авианосцы, Китай продолжает полагаться на свою сеть островных авиабаз как на основную составляющую своей стратегии обеспечения безопасности и проецирования силы в регионе.

Размещение радаров, систем противовоздушной обороны и противокорабельных ракет на островах не только расширяет зону контроля и обнаружения целей, но и позволяет проецировать силу дальше от материковой части страны. Это особенно важно, учитывая, что действие авиации, базирующейся на материке, ограничено радиусом в 300–400 миль. Развертывание военной инфраструктуры на островах позволяет преодолеть этот барьер, значительно увеличивая способность обнаружения и ударные возможности на большее расстояние. С островных позиций Китай способен контролировать активность авиации и морские передвижения, включая отслеживание маршрутов американских кораблей и наведение на них

⁵⁴⁸ KJ-600: The Eye in the Sky for China's Future Carriers. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2023/07/kj-600-the-eye-in-the-sky-for-chinas-future-carriers/> (дата обращения: 15.07.2023).

ударов с использованием дальнобойных противокорабельных ракет с материка, таких как гиперзвуковая DF-21, что делает эти позиции важным стратегическим активом.

На данный момент нет информации о создании Китаем на островах ЮКМ инфраструктуры для размещения баллистических ракет DF-21, однако даже размещение на них противокорабельных ракет представляет собой значительный вызов для потенциального противника. Инфраструктура для крылатых ракет типа YJ-12В уже существует, предоставляя меньшую дальность по сравнению с DF-21, но все же достаточную для эффективного использования в условиях боевых действий.

Важным «подготовительным» компонентом проецирования силы Китаем в ЮКМ являются средства радиолокационной разведки. Важность размещенных на островах радаров не может быть переоценена, поскольку они обеспечивают критически важную способность к обнаружению, что является основой для успешного применения дальнобойных ракет.

Авианосные группы служат средством усиления, способным быстро перемещаться и проецировать силу в необходимом регионе в случае конфликта. Вместе с тем постоянное присутствие и наблюдение обеспечиваются через сеть форпостов на островах, которые мониторят ситуацию круглосуточно и круглогодично при любых погодных условиях. Эти островные базы поддерживают авианосные группы, предоставляя дополнительные возможности для ДРЛОиУ, быстрого развертывания истребителей, а также размещения дальнобойных средств ПВО.

Вывод к параграфу. НОАК играет ключевую роль в стратегии КНР по обеспечению фактического суверенитета над островами и акваторией ЮКМ. Именно ВМФ НОАК отводится ведущая роль в обеспечении претензий Китая и проецировании военной силы в регионе для сдерживания потенциального противника и мониторинга действий других стран в регионе. Для усиления эффективности вооруженных сил при пятом

поколении руководителей КНР была запущена масштабная военная реформа, направленная на модернизацию ВС. В контексте обеспечения морской политики КНР особое внимание уделяется модернизации авиации, расширению возможностей для действий флота в открытом море, включая развертывание авианосцев, современных подводных лодок и крупных надводных кораблей. НОАК также активно развивает возможности A2/AD (anti-access and area denial — ограничение и запрещение доступа и маневра) — стратегию, направленную на сдерживание противника путем создания значительных рисков для его дислокации или перемещения в контролируемую зону. Стратегия включает в себя размещение противокорабельных и зенитных ракет, средств радиоэлектронной борьбы и радарных систем на островах и морских платформах, что увеличивает риск любых попыток противника войти в регион или маневрировать в нем.

Вывод к главе. Военные методы играют ключевую роль в обеспечении фактического суверенитета КНР в ЮКМ и также характеризуются комплексностью. В то время как невоенные тактики создают условия, при которых военное укрепление оспариваемых КНР островов становится возможным без значительного противодействия со стороны других участников территориальных споров. Военные методы включают ряд конкретных тактических шагов. Реальный контроль над спорными акваториями со стороны Китая фактически осуществляют не вооруженные силы, что могло бы рассматриваться как акт агрессии в ЮКМ со стороны КНР, а гибридные военно-гражданские рыболовецкие суда и отряды морского народного ополчения. Это позволяет Китаю создавать численный перевес и запугивать потенциального противника в спорных водах ЮКМ, тем самым, предупреждая возможность горячего конфликта.

Реформа вооруженных сил НОАК, проведенная при пятом поколении руководителей направлена на оптимизацию и повышение эффективности

вооруженных сил КНР. Применительно к ЮКМ результаты реформы означают упрощение процесса принятия решений, модернизацию вооружений и расширение возможностей по проецированию силы и обороне в Тихом океане. Модернизация вооруженных сил, увеличение численности флота. Размещение вооружений на спорных островах являются ключевым аспектом в политике КНР по обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море.

Укрепление спорных островов посредством дноуглубительных работ и размещения на них инфраструктуры двойного назначения, которая предоставляет возможность использовать острова в качестве авиабаз и форпостов для военного присутствия в ЮКМ. Оснащение островов позволяет НОАК значительно расширить военные возможности в море, предоставляет возможность мониторинга акватории и предупреждения нападения со страны противника, поддержки ударных групп в случае потенциальных военных операций. Таким образом, укрепление островов играет не только роль создания видимости ведения хозяйственной деятельности на них для дополнительной аргументации в пользу правомерности притязаний КНР в ЮКМ, но и играет вполне конкретную роль в обеспечении обороны страны в более широком контексте.

Заключение

Анализ подхода КНР к обеспечению национального суверенитета в Южно-Китайском море основан на понимании исторической траектории развития страны, ее уникальном восприятии собственной роли в системе международных отношений. Потребность преодолеть «столетие унижений», вернуть государству статус ведущей мировой державы нашла отражение во многих аспектах современной политики Китая, в том числе во внешней, пограничной и морской политике.

Возвышение Китая приковало внимание к необходимости переосмысления подходов к определению понятия национального суверенитета. В XXI в. глобализация сопровождается выходом на передний план международной арены крупных незападных государств, которые зачастую формировали свой региональный, цивилизационный порядок за сотни лет до появления вестфальской модели международных отношений и суверенитета.

Исторически Китайская империя являлась центром притяжения восточноазиатской региональной системы международных отношений, хотя в те времена такого понятия и не существовало. Китай был цивилизационным, культурным и политическим центром Восточной Азии. Такая система имела иерархичную структуру и отличалась стабильностью. Однако иностранная интервенция в регион и опиумные войны изменили статус Китая, превратив его в полуколониальную страну. Это во многом повлияло и на самосознание политической элиты Китая.

К началу XX в. традиционная система международных отношений в Восточной Азии разрушилась под давлением западной экспансии, и Китаю пришлось адаптироваться к новым принципам международного взаимодействия, основанным на западных идеях и подходах, интегрироваться в международные отношения по чужим правилам. И все же традиционные взгляды на политическое устройство мира,

формировавшиеся и существовавшие на протяжении веков, сохранили свое влияние. Историческая память о себе как о «центре мира», осознание несправедливого лишения Китая этого статуса, национального унижения оказывало влияние на формирование подходов к внешней, и в ее рамках пограничной и морской, политике руководства Китайской Народной Республики.

КНР также унаследовала от имперской и республиканской эпох размытые и слабые границы. Это привело к появлению территориальных споров с соседями, претензиям со стороны Пекина по поводу «несправедливо отторгнутых земель» и стремлению решить так называемые «вопросы, оставленные историей». История, а в китайском понимании — историческая несправедливость, идея о возвращении статуса великой державы является важной частью политического дискурса пятого поколения руководства КНР. Не зря Китай видит себя не восходящей, а *возвращающейся* державой.

В этом контексте возникает запрос на пересмотр универсальности сформировавшихся на Западе взглядов и необходимость изучения незападных теорий и моделей международных отношений. Официальные заявления китайских лидеров говорят о приверженности руководства КНР основополагающим принципам международных норм, таких как Устав ООН, Конвенция ООН по морскому праву и др. Однако своими действиями, в частности в ЮКМ, Пекин демонстрирует стремление скорректировать статус-кво в системе международных отношений. Так, стремительное развитие Китая в конце XX в. и начале XXI в. значительно увеличило экономический и политический вес страны, сделав очевидной возможность изменения баланса сил на мировой арене в пользу Китая. Это также поставило перед пятым поколением политического руководства страны непростую задачу осмысления и выработки подходов к защите национального суверенитета и интересов КНР.

Ко второму десятилетию XXI в. внешнеполитический курс КНР обрел ряд новых, но при этом исторически обусловленных характеристик. Первая — так называемая «сицзиньпинизация», которая подразумевает формулирование государственной идеологии и политических принципов в соответствии с личным видением и идеями председателя КНР Си Цзиньпина. Вторая — преемственность: внешняя политика *постепенно* переходит от постулатов предыдущих поколений руководителей страны к новым стратегиям. Третья — целенаправленное расширение геополитического присутствия и влияния Пекина. Четвертая — укрепление оборонного потенциала для обеспечения национальных интересов страны.

Немаловажным фактором в формировании внешнеполитического курса в современном Китае являются Соединенные Штаты Америки. Рост экономической и военной мощи КНР привел к усилению напряженности в отношениях с Вашингтоном. Во втором десятилетии XXI в. в политическом истеблишменте США все активнее продвигается политика сдерживания китайского влияния и противодействия ему. В стратегии национальной безопасности США 2022 г. Китай назван «единственным конкурентом [США], имеющим не только намерение, но и все больше экономической, дипломатической, военной и технологической мощи для изменения мирового порядка»⁵⁴⁹. Основной ареной противостояния с КНР в стратегии назван Индо-Тихоокеанский регион. В документе также упоминается Южно-Китайское море как один из стратегически важных регионов для США.

США противодействуют политике КНР по утверждению самопровозглашенного суверенитета над акваторией Южно-Китайского моря как посредством миссий по обеспечению свободы судоходства в

⁵⁴⁹ The National Security Strategy of the United States of America. [Электронный ресурс] URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2017.pdf?ver=CnFwURrw09pJ0q5EogFpwwg%3d%3d> (дата обращения: 03.06.2023).

международных водах, так и с помощью создания оборонных альянсов с союзниками в регионе, такими как Япония и Австралия. На фоне роста напряженности в регионе Китай уделяет все больше внимания необходимости обеспечения национальной безопасности, защиты территориальной целостности и укрепления государственных границ.

Таким образом, в ходе решения первой исследовательской задачи установлено, что изменения в международной системе в XXI в. наряду с историческими предпосылками являются ключевыми детерминантами формирования политики по обеспечению национального суверенитета КНР, в частности в ЮКМ, при пятом поколении руководителей. Пекин считает ЮКМ неотъемлемой частью своей государственной территории. Внутри страны территориальные споры в ЮКМ воспринимаются не как конфликт с другими государствами, а как вмешательство во внутренние дела страны, угроза суверенитету Китая.

Южно-Китайское море обладает огромным значением для обеспечения национальной обороны, экономической стабильности, энергетической, продовольственной безопасности страны. Через него проходят ключевые морские торговые пути, поступает большая часть энергоресурсов в КНР. Именно оно является ключевым морским пространством для реализации китайским руководством цели по превращению Китая в морскую державу с крупнейшим в мире флотом и возможностью проецирования силы в Тихом океане и в Мировом океане. Исходя из этого, в КНР сформировалась особая многоуровневая, комплексная система обеспечения национального суверенитета в этом стратегически важном регионе.

Морская правовая система Китая опирается на совокупность международных и национальных законов, регулирующих использование морского пространства. Правовая система КНР определяется специфическим взаимодействием международного и национального права,

где международные нормы интегрируются в национальное законодательство, но их приоритет не прописан в Конституции страны. Это имеет свои исторические корни: память о национальной уязвимости перед внешним вмешательством во внутренние дела, а также влияние юридической практики СССР. Такое устройство правовой системы позволяет гибко применять международные нормы, особенно в политически значимых сферах.

Несмотря на участие Китая в Конвенции ООН по морскому праву, его законодательство о морских границах не всегда соответствует ее положениям. Согласно принятому в 1992 г. Закону КНР «О территориальном море», четыре спорные островные гряды Дяоюй, Сиша, Чжунша и Наньша входят в государственную территорию страны и имеют свои территориальные воды, что противоречит положениям Конвенции.

В китайскую законодательную базу включена также система административного управления спорными островами. Создание новых административных единиц на спорных территориях является важным инструментом политики Китая в ЮКМ. В 2012 г. Госсовет КНР объявил о создании нового городского округа Саныша на спорном острове Парасельского архипелага Вуди, который ранее был включен в состав провинции Хайнань. Спорный остров, контроль над которым КНР установила в 1974 г., стал главным административным форпостом Китая в ЮКМ. Включение о. Вуди в административно-хозяйственную систему КНР, размещение на нем специального персонала, который создает видимость ведения хозяйственной деятельности, а также оборонной инфраструктуры позволяет Китаю поддерживать фактический, эффективный контроль над спорными акваториями ЮКМ.

Так, в ходе решения второй исследовательской задачи определено, что укрепление правовой и административной базы пограничной системы КНР в ЮКМ подкрепляет претензии Китая, создает ситуацию *fait accompli*

фактического контроля над спорными акваториями и формирует базу для расширения влияния Китая в регионе, в том числе в военной сфере.

Претензии на акваторию и острова ЮКМ, по мнению китайского руководства, основаны не «на пустом месте», под их идеологическое обеспечение подведена особая аргументация. Три «столпа», на которые опирается китайская позиция по обоснованию национального суверенитета в ЮКМ, — «исторические права», «международное признание» претензий КНР и собственная китайская интерпретация положений Конвенции ООН по морскому праву и вынесенного в соответствии с ними в 2016 г. решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге по иску Филиппин против Китая по территориальным спорам в ЮКМ.

Апелляция к «историческим правам» со стороны Пекина подкрепляется изучением архивных документов имперского и республиканского периодов. В различных записях времен предшествующих династий действительно есть упоминания как самого Южно-Китайского моря, так и находящихся в нем островов и рифов. Эти записи также подтверждают, что на протяжении веков китайские подданные исследовали и использовали ресурсы моря, занимались рыболовством и посещали острова и рифы, устанавливали на них стелы и другие опознавательные знаки. Однако включение водных пространств, островов и рифов на карты или их перечисление в записках местных чиновников не свидетельствует о долгой истории фактического и единоличного контроля над ними со стороны Китая. Исторические документы, на которые опирается китайская официальная позиция, не могут служить основанием для претензий на суверенитет в современных реалиях. Более того, и другие прибрежные государства могут представить аналогичные подтверждения своего «исторического суверенитета» над ЮКМ.

Второй аспект включает в себя апелляцию к «международному признанию» суверенитета Китая на основе различных документов — договоров, соглашений, телеграмм, заявлений, а также неофициальных периодических изданий — атласов, газет, справочников. В китайском МИД настаивают, что суверенитет Китая над островами в ЮКМ подтвержден документами и соглашениями, заключенными после Второй мировой войны. По утверждению китайских властей, по результатам Каирской и Потсдамской конференций контроль над островами ЮКМ был передан Китайской Республике. Однако на самом деле это касалось только Тайваня и о. Пратас. На других островах китайские военные лишь принимали капитуляцию японских гарнизонов на американских кораблях. Китайское внешнеполитическое ведомство в своих материалах также подчеркивает, что суверенитет КНР над ЮКМ был непререкаемым до 1970-х гг. Появление территориальных претензий у соседей в Пекине увязывают с развитием разведки морских природных ископаемых и влиянием США на позицию прибрежных стран.

МИД КНР ссылается также на данные из атласов и заметок в иностранных газетах, в которых ЮКМ обозначается как часть территории Китая. Однако такие неофициальные источники не могут свидетельствовать об официальной позиции какого-либо государства и быть рассмотрены в качестве имеющего реальный юридический вес доказательства «исторического суверенитета» Китая над ЮКМ.

Третий аспект связан с интерпретацией Пекином положений Конвенции ООН по морскому праву и реакцией Китая на решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге 2016 г. по иску Филиппин. Китай участвовал в разработке и принятии Конвенции ООН по морскому праву в 1982 г., ратифицировав ее в качестве основополагающего международно-правового документа для разрешения морских споров. КНР признает важность этой Конвенции в своем морском законодательстве и

утверждает, что его исторические права на ЮКМ закреплены именно в соответствии с положениями Конвенции.

Китай не принимает решение ППТС в Гааге 2016 г., которое в соответствии с Конвенцией признало претензии КНР в ЮКМ незаконными. Китай категорически отверг решение арбитража, ссылаясь на статью 298 Конвенции, которая исключает возможность для третьих сторон рассматривать территориальные споры между странами. Пекин настаивает, что его конфликт с Филиппинами связан с делимитацией морских пространств и должен решаться посредством двусторонних переговоров, как это предусмотрено в соответствующих документах и Декларации о поведении сторон в ЮКМ. Поэтому арбитраж не имел права рассматривать иск и выносить по нему решение, и оно, следовательно, не имеет силы, как указывают в КНР.

Так, при решении третьей исследовательской задачи определено, что Китай настаивает на своем *«историческом суверенитете»* над спорными островами и значительной частью акватории ЮКМ, интегрируя данный тезис в национальное законодательство. «Исторический» тезис также находит отражение в официальной позиции КНР по соответствию внутренних законов Конвенции ООН по морскому праву, в которой есть статья об «исторических заливах». Несмотря на то, что данная аргументация со стороны Пекина вызывает сомнения в ее легитимности, власти КНР продолжают делать упор на «исторический» аспект при защите своих интересов в спорах в ЮКМ.

Для обеспечения аргумента об «историческом суверенитете» руководство Китая использует академическую базу, инвестирует в научные юридические, исторические, геологические исследования. Это является одним из направлений невоенных методов КНР по обеспечению национального суверенитета в ЮКМ, которые в общем можно обозначить как «мягкую силу». Невоенные методы можно разделить по

направленности на внутренние и внешние, а также по качеству — на информационную политику, работу с академической базой, дипломатические усилия.

Внутренняя информационная политика Китая направлена на китайскую аудиторию и реализуется в рамках файрвола (англ. firewall) — национальной Интернет-сети, которая строго контролируется и ограничивает доступ к ресурсам, которые, по мнению властей, могут нанести вред национальным интересам. Целью этой политики является не убеждение аудитории, а укрепление существующих националистических настроений и поддержка контролируемого Коммунистической партией Китая дискурса. В частности, ему должны соответствовать любые материалы, затрагивающие вопросы китайских границ, например, опубликованные карты. На них должны быть обозначены пунктирные линии акватории ЮКМ и острова, на которые Китай распространяет свои претензии.

Внешняя информационная политика ориентирована на зарубежную аудиторию и реализуется с помощью новостных медиа, публичной дипломатии через социальные платформы и СМИ, а также с помощью работы посольств с зарубежными медиа. Она направлена на внешнеполитическую пропаганду и продвижение китайской точки зрения по вопросам глобального управления. Особое внимание уделяется созданию положительного образа Китая, противодействию западным нарративам и подчеркиванию вклада КНР в региональный мир, стабильность и развитие, мирные намерения и инициативы. Информационная политика Китая имеет и более конкретные цели, например, продвижение позиции КНР по вопросу территориальных споров в ЮКМ.

Академическая база является важным инструментом в продвижении китайской политики. Власти КНР активно спонсируют государственные

исследовательские центры, специализирующиеся на вопросах ЮКМ. Специалисты различных областей знания — от юриспруденции до геологии — публикуют работы, подтверждающие и дополняющие государственную доказательную базу об «историческом суверенитете» Китая над ЮКМ. Материалы публикуются как на китайском, так и на иностранных языках и должны свидетельствовать о «научности» китайских притязаний. Однако исследования китайских ученых не получают признания международного научного сообщества и не способствуют продвижению китайской официальной позиции во многом в силу идеологизированности китайской науки и явной зависимости исследователей от государства.

Другим важным направлением невоенных усилий Китая по обеспечению национального суверенитета в ЮКМ является дипломатия. Ее можно разделить на многостороннюю (направленную на страны ЮВА и АСЕАН в целом) и двустороннюю (направленную на страны-участницы территориальных споров).

Дипломатическая стратегия Китая в отношении государств – членов АСЕАН включает в себя различные аспекты сотрудничества, такие как информационную, гуманитарную и культурную политику, экономическое взаимодействие, обеспечение безопасности и координированные действия в ответ на глобальные вызовы, например, в сфере здравоохранения во время пандемии COVID-19. Такая политика добрососедства ориентирована на обеспечение национальных интересов и суверенитета через создание стабильной внешнеполитической обстановки, позволяющей прогнозировать и предотвращать кризисы и конфликты.

Одно из немаловажных направлений такой политики — китайская диаспора в странах ЮВА. Значительное экономическое влияние этнических китайцев в регионе отводит им важную роль в продвижении

китайских ценностей и положительного образа Китая, его национальных интересов.

Китай стремится сформировать образ хорошего соседа и ответственного регионального лидера, реализуя стратегические инициативы, такие как «Один пояс, один путь», «Морской Шелковый путь XXI века» и Инициатива глобальной цивилизации. С помощью них Китай продвигает свою повестку, основанную зачастую на умозрительных, релятивистских формулировках: «всеобщей выгоды», «единой судьбы человечества». Эти инициативы характеризуются рамочным характером и гибкой адаптивной формой, варьирующейся в соответствии с текущими потребностями и возможностями Пекина. Они также включают в себя элементы «мягкой силы», такие как проведение культурных фестивалей, образовательных проектов, установление партнерских отношений между городами и другие мероприятия, способствующие укреплению гуманитарных связей.

Китай активно сотрудничает со странами АСЕАН в ЮКМ, в частности, ведет переговоры по выработке Кодекса поведения в Южно-Китайском море. В 2002 г. была подписана соответствующая Декларация, в которой страны обязались соблюдать нормы Устава ООН, Конвенции ООН по морскому праву и Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. Однако принятие самого Кодекса затруднено из-за недостатка политической воли, особенно со стороны Пекина, и отсутствия консенсуса относительно его положений среди стран АСЕАН.

Многостороннему формату Пекин предпочитает двусторонний формат взаимодействия с государствами – участниками территориальных споров в ЮКМ и другими странами АСЕАН. Подход, именуемый «двухколейными идеями», рассматривается как наиболее эффективный метод разрешения конфликтов и споров. Китай создает прочную двустороннюю взаимозависимость, в основном экономического характера, с отдельными

странами региона и предупреждает возможное стремление стран-партнеров к «усложнению» двусторонних отношений посредством эскалации противоречий. В научном сообществе сложился консенсус о том, что такая тактика Китая является вполне эффективной и позволяет ему не допускать консолидации против него по вопросам территориальных споров и оттягивать время принятия юридически обязывающих документов.

Исходя из этого, в ходе решения четвертой научной задачи было установлено, что невоенные методы КНР по обеспечению фактического суверенитета в ЮКМ характеризуются комплексностью, распространяются на различные сферы гуманитарного сотрудничества и ориентированы на долгосрочную перспективу. «Мягкая сила», политика добрососедства и другие опосредованные способы закрепить статус-кво в регионе позволяют выиграть время для создания наиболее благоприятных для Китая условий ведения переговоров по разрешению споров. При этом Пекин избегает прямого политического давления на партнеров и ультиматумов.

Хотя позиция Китая по территориальным спорам в ЮКМ не получает признания и подвергается критике со стороны других участников спора, Китай не сталкивается с сопротивлением, способным подрвать его влияние в регионе и ограничить возможности контроля над спорными акваториями и островами.

Ключевым аспектом успешного обеспечения фактического национального суверенитета КНР в ЮКМ является военная стратегия. Она отражает главнейшие задачи пятого поколения руководства КНР по укреплению обороноспособности государства, модернизации военной мощи, особенно флота, для обеспечения национальных интересов.

Для укрепления фактического контроля над спорными водами и островами Китай в ЮКМ прибегает к тактике, известной как «капустная стратегия». Она предполагает создание укреплений на спорных островах, установку на них инфраструктуры двойного назначения, использование

гибридных военизированных формирований на море. Все это способствует постепенному «окутыванию» спорных островов «листьями капусты».

Такая тактика, во-первых, позволяет китайским властям обеспечить фактический контроль над спорными акваториями, нивелировать угрозу, исходящую от других участников территориальных споров, создает эффект «запугивания», уменьшая вероятность горячего конфликта. Во-вторых, она позволяет Китаю расширить военное присутствие в регионе, проводить постоянный мониторинг и проецировать силу на значительном расстоянии от побережья.

С 2013 г. Китай активно приступил к укреплению спорных островов ЮКМ, установив на них объекты двойного назначения, такие как радиолокационные станции, взлетно-посадочные полосы и комплексы связи, ангары, которые могут быть использованы для боевых самолетов. На Парасельских островах к 2017 г. КНР оборудовала 20 форпостов. Параллельно Китай укреплял позиции на архипелаге Спратли. К 2016 г. на этих островах завершились основные дноуглубительные работы, что увеличило их площадь на 3 200 акров. К 2018 г. Китай оснастил острова и рифы архипелага Спратли современными системами противовоздушной обороны, противокорабельными ракетами и средствами радиоэлектронной борьбы. Также были построены объекты для обеспечения работы авиации, артиллерии, порты и административные здания. В 2018–2019 гг. Китай активно использовал форпосты на архипелаге Спратли для военно-морских операций службы Береговой охраны.

Согласно заявлениям китайских официальных лиц, целью установки инфраструктуры на островах является проведение морских исследований, обеспечение безопасности судоходства и создание благоприятных условий для жизни и работы персонала на островах. Однако появление на них де-факто военной инфраструктуры делает эти объекты ситуативными авиабазами. Это позволяет расширить возможности радиолокационной

разведки НОАК. Несмотря на известия о разработке корабельных самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ), Китай пока полагается на сеть островных авиабаз, с которых можно запускать имеющиеся у НОАК самолеты ДРЛОиУ, например, KJ-500.

Посредством островных авиабаз НОАК также реализует стратегию ограничения и запрета доступа и маневра (A2/AD). A2/AD подразумевает размещение на островных авиабазах противокорабельных и зенитных ракет, средств радиоэлектронной борьбы и радарных систем, что создает риски для противника при попытке войти в регион или маневрировать там.

С началом пандемии COVID-19 в 2020 г. активные работы по укреплению островов прекратились. Полагается, что Пекин достиг своих основных целей по укреплению стратегически важных объектов, создав выгодные для себя условия для будущих дипломатических переговоров.

Другим основополагающим фактором эффективного обеспечения суверенитета в ЮКМ со стороны Китая является упорядочение и оптимизация работы гражданских, правоохранительных и военных ведомств и подведомственных структур, отвечающих за данное направление политики. До прихода на пост председателя Си Цзиньпина система морских правоохранительных органов Китая была недостаточно координированной, функции ведомств зачастую дублировались, система подотчетности была разрозненной. С 2013 г. китайское правительство провело ряд реформ, направленных на оптимизацию взаимодействия госорганов, задействованных в реализации морской политики в ЮКМ, и повышение их эффективности.

В 2013 г. было создано Государственное океанологическое управление (ГОУ), появилось «единое окно», ответственное за реализацию основных направлений политики КНР по обеспечению национального суверенитета в ЮКМ. ГОУ координирует работу в ЮКМ таких интегрированных в него

ведомств, как Бюро по надзору над морскими территориями, Береговой охраны, Командования по надзору за рыбохозяйственной деятельностью и Главного таможенного управления.

Ведущим правоохранительным ведомством, отвечающим за обеспечение суверенитета КНР в ЮКМ, стала Береговая охрана, которая в 2018 г. была выведена из-под управления ГОУ и переведена под управление Народной вооруженной полиции и Центрального военного совета КНР. В 2021 г. был опубликован Закон КНР «О береговой охране», в котором были регламентированы полномочия и обязанности службы.

При рассмотрении военных методов обеспечения национального суверенитета КНР в ЮКМ необходимо выделить морской корпус народного ополчения (или милиции) Китая. Его называют «третьей морской силой» наряду с Народной вооруженной полицией и НОАК. Народное ополчение находится в смешанном гражданско-военном управлении: оно подчиняется гражданским ведомствам, однако НОАК играет важную роль в их формировании, обучении и непосредственной деятельности ополченцев. Китай активно развивает флот народного ополчения и военизированных де-юре гражданских рыболовецких патрулей. Такие «канонерки» контролируют спорные воды, используя силовые методы и численное преимущество для запугивания и вытеснения судов других государств. В контексте обеспечения суверенитета в ЮКМ народное ополчение играет ключевую роль в поддержке НОАК. Неоднозначный статус китайского народного ополчения, которое формально не входит в состав вооруженных сил и подчиняется гражданским властям, дает Китаю стратегическое преимущество в оспаривании спорных акваторий и островов.

Вооруженные силы Китая, особенно флот и авиация, играют ключевую роль в обеспечении национального суверенитета КНР в ЮКМ. При пятом поколении руководства КНР НОАК также претерпела значительные

структурные изменения, ориентированные на повышение оперативной эффективности. Масштабные реформы, запущенные в 2015 г., включали в себя оптимизацию, укрепление иерархии, создание специализированных малых руководящих групп и структур, таких как Совет государственной безопасности ЦК КПК.

Так, при решении пятой исследовательской задачи были выявлены основополагающие направления военно-морской стратегии КНР применительно к обеспечению национального суверенитета в ЮКМ. Определены роль и функции различных правоохранительных и военных ведомств и подведомственных структур, а также описаны меры, которые принимает руководство КНР для оптимизации их работы и достижения большей эффективности. Военные методы, к которым Пекин обращается для обеспечения суверенитета в ЮКМ, также характеризуются комплексностью. Они направлены на реализацию целей Китая в конкретном регионе, но кроме того, являются частью более масштабной стратегии КНР по обеспечению национальной безопасности и интересов на море.

В заключение необходимо подчеркнуть, что китайский подход к разрешению территориальных споров и трактовка Пекином норм международного права, а также реакция на критику западных стран отражают тенденцию к корректировке интерпретации и даже пересмотру международных норм, сложившихся после Второй мировой войны. Необходимо учитывать, что мировой порядок, установившийся по итогам послевоенных конференций, формировался под влиянием ограниченного числа стран с существенными политическими, военными и экономическими ресурсами. Однако в XXI в. возрастает роль на международной арене государств, которые в XX в. не имели достаточного влияния и чьи интересы часто игнорировались.

Увеличение политического и экономического веса незападных стран, обладающих богатой вековой историей формирования региональных подсистем, неизбежно влияет на трансформацию мирового порядка и системы международных отношений. Эти страны, такие как Китай, Индия, а также международные блоки с их участием, становятся новыми центрами силы. Это неизбежно ведет к формированию новых векторов развития мироустройства.

В этом контексте анализ подхода Китая к урегулированию территориальных споров, особенно в ЮКМ, обеспечению национального суверенитета становится крайне важным для понимания возможных будущих изменений в других стратегически важных регионах. Изучение стратегии КНР в этой области может дать ценные уроки для международного сообщества, особенно в аспекте управления конфликтами в ключевых геополитических зонах.

Список источников и литературы

1. Источники

Документы на русском языке

1. Конвенция ООН по морскому праву. [Электронный ресурс]
URL:
https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf
(дата обращения: 08.05.2021).

Документы на английском языке

2. An Arbitral Tribunal Constituted Under Annex Vii To The 1982 United Nations Convention On The Law Of The Sea VI. The Status of Features in the South China Sea (Submissions No. 3 to 7). [Электронный ресурс] URL:
<https://www.pcacases.com/pcadocs/PH-CN%20-%2020160712%20-%20award.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. [Электронный ресурс] URL:
https://image.mfa.go.th/mfa/0/ocxc7u4thg/migrate_directory/other-20130527-163905-069498.pdf (дата обращения: 07.09.2023).
4. Joint Statement on the Application of the Code for Unplanned Encounters at Sea in the South China Sea. [Электронный ресурс] URL:
<https://asean.org/wp-content/uploads/2016/09/Joint-Statement-on-the-Application-of-CUES-in-the-SCS-Final.pdf> (дата обращения: 07.09.2023).
5. Presidential Decree No. 1596, s. 1978. [Электронный ресурс] URL:
<https://www.officialgazette.gov.ph/1978/06/11/presidential-decree-no-1596-s-1978/> (дата обращения: 27.07.2022).
6. The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines V. The People's Republic of China). [Электронный ресурс] URL:
<https://www.pcacases.com/pcadocs/PH-CN%20-%2020160712%20-%20Award.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

7. The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines V. The People's Republic of China). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.pca-cpa.org/2016/07/Ph-Cn-20160712-Press-Release-No-11-English.Pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

8. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (2016, July 12). Statement on the Award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea Arbitration Established at the Request of the Republic of the Philippines. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1379499.shtml> (дата обращения: 27.07.2022).

Документы на китайском языке

9. 中国坚持通过谈判解决中国与菲律宾在南海的有关争议 = Китай настаивает на разрешении споров между Китаем и Филиппинами в Южно-Китайском море путем переговоров. Официальное заявление на сайте Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160713_8521053.htm (дата обращения: 03.10.2021).

10. 中国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要(全文) = XIII пятилетний план народно-хозяйственного и общественного развития. [Электронный ресурс] URL: http://www.china.com.cn/lianghui/news/2016-03/17/content_38053101.htm (дата обращения: 03.09.2022).

11. 中国武装力量的多样化运用 = Диверсифицированное использование вооруженных сил Китая. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/zhengce/2013-04/16/content_2618550.htm (дата обращения: 28.04.2023).

12. 中国外交政策 = Внешняя политика Китая. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.cn/guoqing/2023->

03/12/content_5745875.htm?Eqid=a3dc4a6a0002fffa0000000664590afd (дата обращения: 17.08.2022).

13. 中华人民共和国戒严法 = Закон «О военном положении КНР. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-09/12/content_31178.htm (дата обращения: 15.07.2023).

14. 国家海洋局简介 = Государственное океаническое управление, краткое описание. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/bumenfuwu/2007-11/28/content_2598855.htm (дата обращения 15.08.2021).

15. 渔业合作双边条约 = Двусторонние договоры о сотрудничестве в рыболовстве. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/yuhzsbty/ (дата обращения: 08.05.2021).

16. 中华人民共和国和越南社会主义共和国陆地边界条约 = Договор о сухопутной границе между КНР и СРВ. [Электронный ресурс] URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/web/detail1.jsp?Objid=1531876798045> (дата обращения: 12.06.2021).

17. 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 = Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-4.html> (дата обращения: 17.08.2022).

18. 中华人民共和国政府关于菲律宾共和国所提南海仲裁案管辖权问题的立场文件 = Документ с изложением позиции правительства Китайской Народной Республики по юрисдикции арбитражного дела в Южно-Китайском море, инициированного Республикой Филиппины. [Электронный ресурс] URL:

https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/201412/t20141207_9869197.shtml (дата обращения: 12.06.2021).

19. 中华人民共和国海警法 = Закон КНР «О береговой охране».
[Электронный ресурс] URL:
<https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgwode3nmy0zgyznzaxnzcznzm2mdezmu0mwy%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

20. 中华人民共和国对外关系法 = Закон КНР «О международных отношениях».

[Электронный ресурс] URL:
https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/zcfg/fl/202306/t20230628_11105189.shtml (дата обращения: 19.09.2023).

21. 中华人民共和国领海及毗连区法 = Закон КНР «О территориальном море и прилежащей зоне». [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail.html?Mmm5mdlmzgq2nzhizje3otaxnjc4ymy1yzlmzdxngv%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

22. 中华人民共和国专属经济区和大陆架法 = Закон КНР «Об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе». [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmzgq2nzhizje3otaxnjc4ymy1zwf mnjaymdm%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

23. 中华人民共和国专属经济区和大陆架法 = Закон КНР «Об
исключительной экономической зоне и континентальном шельфе» (1998 г.).
[Электронный ресурс] URL:
[https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmzggq2nzhizje3otaxnjc4ymy1zwf](https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmzggq2nzhizje3otaxnjc4ymy1zwfmnjaumdm%3D)
[mnjaumdm%3D](https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmzggq2nzhizje3otaxnjc4ymy1zwfmnjaumdm%3D) (дата обращения: 08.05.2021).

24. 中华人民共和国海洋环境保护法 = Закон КНР «Об охране окружающей морской среды». [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgxode4ytixzthimjaxogi2mja3ntmxnje4ogy%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

25. 中华人民共和国海洋环境保护法 = Закон КНР «Об охране окружающей морской среды». [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgxode4ytixzzhimjaxogi2mja3ntmxnje4ogy%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

26. 中华人民共和国海岛保护法 = Закон КНР «Об охране островов в море». [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmzggq2nzhizje3otaxnjc4умы3mddknta1nj%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

27. 中华人民共和国海域使用管理法 = Закон КНР «Об управлении использованием морских пространств». [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Mmm5mdlmzggq2nzhizje3otaxnjc4умы2mtnlmzayotk%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

28. 地图地名相关法律 = Законы КНР о географических названиях. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/dtdmxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

29. 海上科研相关法律 = Законы КНР о морских научных исследованиях. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/hskyxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

30. 渔业相关法律 = Законы КНР о рыболовстве. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/yuxgfl/ (дата обращения: 08.05.2021).

31. 中华人民共和国外交部关于应菲律宾共和国请求建立的南海仲裁案仲裁庭所作裁决的声明 = Заявление Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по поводу решения Арбитражного суда по Южно-Китайскому морю, созданного по запросу Республики

Филиппины. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521047.htm (дата обращения: 12.06.2021).

32. 自然资源部、民政部关于公布我国南海部分岛礁和海底地理实体标准名称的公告 = Заявление Министерства природных ресурсов и Министерства по гражданским делам о публикации стандартных названий некоторых островов, рифов и географических объектов морского дна в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/dtdmxgfl/202303/P020230313584749968923.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

33. 海洋局关于印发《中国海监海岛保护与利用执法工作实施办法》的通知 = Заявление о защите и защите островов морского наблюдения Китая. Уведомление о мерах по осуществлению использования правоохранительных органов. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2011/content_1870728.htm (дата обращения: 07.09.2021).

34. 中国坚持通过谈判解决中国与菲律宾在南海的有关争议 = Заявление правительства КНР о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160713_8521053.htm (дата обращения: 03.10.2021).

35. 中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 = Заявление правительства КНР о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521049.htm (дата обращения: 20.09.2021).

36. 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会关于批准中华人民共和国政府关于领海声明的决议 = Заявление Правительства КНР о территориальном море. [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgwode3nzdkmgm5ndaxnzc4ndg5ymzlzta5otk%3D> (дата обращения: 08.05.2021).

37. 中国坚持通过谈判解决中国与菲律宾在南海的有关争议 = Китай настаивает на разрешении соответствующих споров между Китаем и Филиппинами в Южно-Китайском море путем переговоров. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160713_8521053.htm (дата обращения: 12.06.2021).

38. 中华人民共和国政府关于在南海的领土主权和海洋权益的声明 = Заявление КНР о территориальном суверенитете и морских правах и интересах в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/201607/t20160712_8521049.htm (дата обращения: 03.10.2021).

39. 中华人民共和国宪法 = Конституция Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 15.07.2023).

40. 中国地名委员会受权公布我国南海诸岛部分标准地名 = Стандартные топонимы островов Южно-Китайского моря КНР. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/dtdmxgfl/202303/P020230313585088793886.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

41. 民政部关于国务院批准海南省三沙市设立市辖区的公告 = Объявление Министерства гражданской администрации о разрешении установления городской юрисдикции в Сانشаши, Хайнань. [Электронный

ресурс] URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-04/19/content_5504215.htm. (дата обращения: 22.05.2021).

42. 落实中国—东盟面向和平与繁荣的战略伙伴关系联合宣言的行动计划（2016—2020） = План действий по реализации Совместной декларации Китая и АСЕАН о стратегическом партнерстве ради мира и процветания (2016–2020 гг.). [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/201603/t20160303_9869219.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

43. 中共中央 国务院印发《党和国家机构改革方案》 = План институциональной реформы и функциональной трансформации Государственного совета. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5748649.htm (дата обращения: 12.06.2021).

44. 共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践 = Совместное строительство «Пояса и пути»: основная практика построения сообщества единой судьбы человечества. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/202310/t20231010_11158751.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

45. 中国支持东盟中心地位的立场文件 = Позиционный документ Китая, поддерживающий центральную роль АСЕАН. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/202208/t20220804_10734026.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

46. 中国的亚太安全合作政策 = Политика Китая по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/201701/t20170111_9869230.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

47. 中华人民共和国水下文物保护管理条例 = Положение КНР о защите подводных культурных реликвий. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhflfg/sxwwwxgfl/202303/P020230313614774683268.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

48. 三沙市西沙群岛水资源节约与保护规定 = Правила охраны и защиты водных ресурсов города Сانشа на островах Сиша. [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgwode2zjixyte2mtaxnmyzmdg0njq1nzeyowq%3D> (дата обращения: 12.06.2020).

49. 民兵工作条例 = Регламент работы Народного ополчения. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-09/12/content_31048.htm (дата обращения: 15.07.2023).

50. 中华人民共和国政府和菲律宾共和国政府关于油气开发合作的谅解备忘录 = Правительство Китайской Народной Республики и Правительство Республики Филиппины: Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере развития нефти и газа. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201811/t20181127_8523620.htm (дата обращения: 12.06.2021).

51. 三沙市人民代表大会常务委员会议事规则 = Регламент работы Постоянного комитета Собрания народных представителей города Сانشа. [Электронный ресурс] URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Zmy4mdgxode3yje0ytbhzdaxn2iyzwq0zgi1nzm1yzi%3D> (дата обращения: 12.06.2020).

52. 海南省人民代表大会常务委员会关于三沙市开始制定地方性法规时间的决定 = Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей провинции Хайнань о разработке правил

местного управления в городе Санша. [Электронный ресурс] URL:<https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?Ndayogfiy2m2mti3nzc5mzaxnjeyoda0yta1otq2nda%3D> (дата обращения: 12.06.2020).

53. 全国人民代表大会常务委员会关于中国海警局行使海上维权执法职权的决定 = Решение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей об осуществлении береговой охраной Китая полномочий по защите морских прав и правоохранительных органов. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-06/23/content_5300665.htm (дата обращения: 07.09.2021).

54. 纪念《南海各方行为宣言》签署二十周年联合声明 = Совместное заявление в ознаменование 20-летия подписания Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/202211/t20221114_10974207.htm (дата обращения: 12.06.2021).

55. 中华人民共和国和马来西亚联合新闻声明（全文） = Совместное заявление для прессы КНР и Малайзии. [Электронный ресурс] URL:https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201611/t20161103_8523589.htm (дата обращения: 12.06.2021).

56. 第 19 次中国—东盟领导人会议发表《中国与东盟国家关于在南海适用〈海上意外相遇规则〉的联合声明》 = Совместное заявление Китая и стран АСЕАН о применении Кодекса неожиданных встреч на море в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201609/t20160908_8523574.htm (дата обращения: 12.06.2021).

57. 第 19 次中国—东盟领导人会议发表《中国与东盟国家关于在南海适用〈海上意外相遇规则〉的联合声明》 = Совместное заявление министров иностранных дел Китая и стран АСЕАН о комплексной и эффективной реализации Декларации о поведении сторон в Южно-

Китайском море. [Электронный ресурс] URL:
https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201607/t20160725_8523567.htm
(дата обращения: 12.06.2021).

58. 关于进一步加强和深化中越全面战略合作伙伴关系的联合声明
= Совместное заявление о дальнейшем укреплении и углублении китайско-
вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства
сотрудничества. [Электронный ресурс] URL:
https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/202211/t20221102_10795594.htm
(дата обращения: 12.06.2021).

59. 中华人民共和国政府和菲律宾共和国政府联合声明 =
Совместное заявление правительства Китайской Народной Республики и
правительства Республики Филиппины. [Электронный ресурс] URL:
https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201711/t20171116_8523611.htm
(дата обращения: 12.06.2021).

60. 中华人民共和国政府和印度尼西亚共和国政府联合声明 =
Совместное заявление правительства Китайской Народной Республики и
правительства Республики Индонезия. [Электронный ресурс] URL:
https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/201805/t20180508_8523618.htm
(дата обращения: 12.06.2021).

61. 中华人民共和国和越南社会主义共和国关于两国在北部湾领海、
专属经济区和大陆架的划界协定 = Соглашение между Китайской
Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам о
разграничении территориального моря, исключительной экономической
зоны и континентального шельфа двух стран в Тонкинском заливе.
[Электронный ресурс] URL:
https://www.fmprc.gov.cn/web/wjtb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/hyhjsbty/202303/P020230320586210738711.pdf (дата обращения:
08.05.2021).

62. 中华人民共和国和越南社会主义共和国关于指导解决中华人民共和国和越南社会主义共和国海上问题基本原则协议 = Соглашение между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам об основных принципах разрешения морских споров между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/hydzjjsbty/202303/P020230320586749204484.pdf (дата обращения: 08.05.2021).

63. 关于解决中华人民共和国和越南社会主义共和国边界领土问题的基本原则协议 = Соглашение об основных принципах урегулирования пограничных и территориальных споров между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам. [Электронный ресурс] URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/web/detail1.jsp?Objid=1531876993969> (дата обращения: 12.06.2021).

64. 中华人民共和国海关法 = Таможенный кодекс КНР. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/banshi/2005-07/12/content_13758.htm (дата обращения: 08.05.2021).

65. 国务院办公厅关于印发国家海洋局主要职责内设机构和人员编制规定的通知 = Уведомление Канцелярии Государственного совета КНР об издании Положения об учреждении и укомплектовании штатного расписания в рамках основных обязанностей Государственного океанического управления. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2013/content_2449436.htm (дата обращения: 12.06.2021).

66. 中国共产党章程 = Устав Коммунистической партии Китая. [Электронный ресурс] URL:

обращения: 17.08.2022).

2. Литература

Монографии и статьи на русском языке

67. Аватков В. А. и др. Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке: Монография / Под ред. Т.В.Кашириной и В.А.Аваткова. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2017. — 411 с.

68. Андрианов В. П. Укрепление позиций Китая в АТР: потенциал и пределы / В. П. Андрианов. // Вестник Московского университета. — 2012. — № 3. — С. 49–71.

69. Анцупов А. Я. Погранология: методология и методика научных исследований : монография / А. Я. Анцупов. — Москва : Пограничная акад. ФСБ России, 2006. — 380 с.

70. Астафьева Е. М. Современное состояние конфликта в Южно-Китайском море (2018) / Е. М. Астафьева. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2018. — № 4 (41). — С. 196–208.

71. Астафьева Е. М. Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития-2021 / Е. М. Астафьева. //Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — Т. 3. — №. 3 (52). — С. 321–342.

72. Астафьева Е. М. Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы / Е. М. Астафьева, А. А. Гарин, П. А. Гудев [и др.]. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2020. — 390 с..

73. Бажанов Е. П. Актуальные проблемы международных отношений / Е. П. Бажанов. — Москва : Дипломат. акад. МИД России, 2002. — 320 с.

74. Бажанов Е. П. Китай и внешний мир / Е. П. Бажанов. — Москва: Междунар. Отношения, 1990. — 351 с.
75. Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века / Е. П. Бажанов. — Москва: Известия, 2007. — 350 с.
76. Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Китайская мозаика / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. — Москва: Восток-Запад, 2011. — 286 с.
77. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря : автореферат дис. ... Доктора исторических наук : 07.00.03 / Канаев Евгений Александрович; [Место защиты: Моск. Пед. Гос. Ун-т]. — Москва, 2008. — 45 с.
78. Виноградов А. В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок / А. В. Виноградов. // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65. — №. 3. — С. 23–32.
79. Виноградов А. В. Новый тип отношений и Новый шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая / А. В. Виноградов. // Мировая Китай в мировой и региональной политике. История и современности международные отношения. — 2015. — Т. 20. — №. 20. — С. 69–87.
80. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. — Москва : НОФМО, 2008. — 363 с.
81. Волынчук А. Б. Геополитическая экспертиза трансграничного региона Северо-Восточная Азия / А. Б. Волынчук. — Владивосток : Дальнаука, 2012. — 296 с.
82. Волынчук А. Б. Китай в трансграничном регионе Северо-Восточная Азия: экономико-географическое основание геополитического статуса / А. Б. Волынчук, Я. А. Фролова. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2012. — № 4 (20). — С. 24-29.

83. Воробьев С. В. Историческая память как объективная основа в международных отношениях / С. В. Воробьев, О. В. Матвеев. // Вестник Екатерининского института. — 2021. — № 1. — С. 118–125.
84. Воробьев С. В. Историческая память как фактор «мягкой силы» / С. В. Воробьев, Т. В. Каширина. // Вопросы истории. — 2018. — № 2. — С. 111–114.
85. Воробьев С. В. Исторические и современные аспекты формирования образа врага в современных международных отношениях / С. В. Воробьев. // Международные отношения в условиях новых угроз безопасности. — 2023. — С. 27–33.
86. Воробьева С. В. Актуализация исследований проблематики суверенизации современного государства как фактора стабилизации межгосударственных отношений / С. В. Воробьева. // Государственно-правовые исследования. — 2020. — № 3. — С. 412–417.
87. Воробьева, С. В. Допустимость ограничения государственного суверенитета: пределы и основания / С. В. Воробьева // Актуальные вопросы юридической науки и практики. — 2016. — № . — С. 34–39.
88. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — №. 2 (8). — С. 30–58.
89. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений / А. Д. Воскресенский. // Полис. Политические исследования. — 2013. — № 6. — С. 82–96.
90. Вьетнам — председатель АСЕАН в 2020 г.: новые возможности для России / М. А. Шпаковская, Н. С. Куклин, Б. Ч. Нгием, М. Х. Нгуен. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2020. — № 1 (46). — С. 345–355.

91. Галенович Ю. М, Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна / Ю. М. Галенович. — Москва : ВКН, 2019. — 385 с.
92. Галенович Ю. М, Китайские метаморфозы : Китай на пороге XXI века / Ю. М. Галенович. — Москва : Муравей, 2006. — 382 с.
93. Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница / Ю. М. Галенович. — Москва : Изограф, 2001. — 335 с.
94. Гордиенко Д. В. Система международных отношений в XXI веке: взгляды китайского руководства / Д. В. Гордиенко. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2021. — № Т. 26. — №. 26. — С. 97–112.
95. Границы Китая: история формирования / В. С. Мясников, Е. Д. Степанов, А. А. Бокщанин, Ю. В. Ванин. — Москва : Памятники ист. мысли, 2001. — 469 с.
96. Грачиков Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям: монография / Е. Н. Грачиков. — Москва : Аспект Пресс, 2021. — 301 с.
97. Грачиков Е. Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий / Е. Н. Грачиков. // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. — 2015. — № 3 (302). — С. 34-46.
98. Гришин М. Л. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения: Монография / М. Л. Гришин, В. Н. Губченко, В. А. Дмитриев. — Москва : БДЦ-Пресс, 2001. — 276 с.
99. Гудев П. А. Американо-китайский антагонизм в использовании пространств и ресурсов Мирового Океана / П. А. Гудев. // Пути к миру и безопасности. — 2013. — № 1 (44). — С. 23–37.
100. Гудев П. А. Конвенция ООН по-китайски. Новый оборонный заказ стратегии / П. А. Гудев. // Международная безопасность. — 2017. — № 3(45). — С. 24–26.

101. Гудев П. А. Конфликтная ситуация в Южно-Китайском море: московско-пекинская ось? / П. А. Гудев. // Пути к миру и безопасности. — 2016. — № 2(51). — С. 148–151.
102. Гудев П. А. Политика Китая и международное морское право / П. А. Гудев. // Ежегодник СИПРИ. — 2017. — № Т. 2016. — С. 968–979.
103. Гудев П. А. Политико-правовые основы морских конфликтов в АТР / П. А. Гудев. // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 6. — С. 55–67.
104. Дегтерев Д. А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма / Д. А. Дегтерев. // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — № Т. 65. — №. 4.. — С. 113–122.
105. Дегтерев Д. А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира / Д. А. Дегтерев. — Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. — Москва : Русайнс, 2020. — 214 с.
106. Дегтерев Д. А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» / Д. А. Дегтерев, М. С. Рамич, Д. А. Пискунов. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2021. — № Т. 16. — №. 3. — С. 7–33.
107. Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа / Д. А. Дегтерев. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2022. — № Т. 22. — №. 2. — С. 352–371.
108. Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № Т. 10. — №. 5. — С. 83–98.

109. Денисов И. Е. Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР / И. Е. Денисов. // Полис. Политические исследования. — 2015. — Т. 6. — С. 35–44.
110. Денисов И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине / И. Е. Денисов. // Сравнительная политика. — 2020. — № Т. 11. — №. 4. — С. 42–52.
111. Денисов И. Е. Механизм принятия внешнеполитических решений в Китае: особенности реформирования в период после XVIII съезда КПК / И. Е. Денисов. // Международная аналитика. — 2018. — № 2. — С. 28–36.
112. Денисов И. Е. От мягкой силу к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР / И. Е. Денисов, И. Ю. Зуенко, М. Сучков. — Москва : МГИМО-Университет, 2022. — 24 с.
113. Денисов И. Е. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации / И. Е. Денисов. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2017. — №. 22. — С. 76–90.
114. Денисов, И. Е. Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР / И. Е. Денисов. —// Тетради по консерватизму. — 2015. — № 5. — С. 112–118.
115. Забровская Л. В. Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ (на примере китайско-корейских отношений в XVII–XX вв.): Монография / Л. В. Забровская. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 92 с.
116. Зуенко И. Ю. Китай как нормальная страна. Восемь тезисов о понимании Китая и российско-китайских отношений / И. Ю. Зуенко. // Россия в глобальной политике. — 2023. — № 4 (122). — С. 192–202.

117. Зуенко И. Ю. Последний урок старшего брата: проблема политической реформы в Китае и перестройка в СССР / И. Ю. Зуенко. // Россия и АТР. — 2015. — № 4 (90). — С. 58–71.

118. Каменнов П. Б. Китай: принципы активной обороны / Каменнов, Б. П. // Международная жизнь. — 2010. — № 4. — С. 40–56.

119. Канаев Е. А. Политика КНР в отношении спорных островов Южно-Китайского моря (Парасельских и Спратли) в 1949 - 1999 гг.: специальность 07.00.03. «всеобщая история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Канаев, Е. А. — Москва, 2001. — 266 с.

120. Канаев Е. А., Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции / Е. А. Канаев. - Москва : Готика, 2007. — 322 с.

121. Карпович О. Г. Глобальные проблемы и международные отношения / О. Г. Карпович. — Москва : Litres, 2022. — 504 с.

122. Кашин В. Б. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства / В. Б. Кашин, Л. С. Крашенинникова, А. С. Пятачкова. // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — № Т. 64. — №. 7. — С. 49–59.

123. Кашин В. Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг. / В. Б. Кашин. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2013. — № 4. — С. 106–129.

124. Кашин В. Б. Политика КНР в сфере обороны / В. Б. Кашин. // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022. — 2023. — № . — С. 88–99.

125. Кашин В. Б. Роль НОАК в защите политических и экономических интересов КНР за рубежом / В. Б. Кашин. // Китай в мировой

и региональной политике. История и современность. — 2013. — № 18. — С. 266–276.

126. Каширина Т. В. Факторы трансформации современной системы международных отношений / Т. В. Каширина. // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. . — 2020. — № 8 (367). — С. 22–29.

127. Клименко А. Ф. Факторы Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства современной системы международных отношений / А. Ф. Клименко, П. Б. Каменнов. // Проблемы Дальнего Востока. — 2017. — № 2. — С. 69–85.

128. Козинец А. И. Конфуцианский порядок в Восточной Азии: значение для теории международных отношений / А. И. Козинец. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2016. — № 2(37). — С. 106–122.

129. Колдунова Е. В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН / Е. В. Колдунова. // Международные процессы. — 2017. — № Т. 15. — №. 3. — С. 55–66.

130. Колдунова Е. В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы / Е. В. Колдунова. — Москва : Навона, 2010. — 240 с.

131. Колотов В. Н. АСЕАН: энергетические ресурсы, экономика и политика региона на современном этапе / В. Н. Колотов, А. Н. Ланьков. // Нефть, газ, модернизация общества. — Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2008. — С. 395-439.

132. Колотов В. Н. Международные отношения в Азии: опыт геополитической интерпретации / В. Н. Колотов. // Международные процессы. — 2011. — № Т. 9. — №. 3. — С. 97–104.

133. Колотов В. Н. Споры в ЮКМ и внутривосточная ситуация во Вьетнаме / В. Н. Колотов. // Азия и Африка сегодня. — 2019. — № 7. — С. 2–9.

134. Колотуша В. В. Силовое принуждение и его особенности в пограничной сфере : монография / В. В. Колотуша. — Москва : Пограничная акад. ФСБ России, 2008. — 163 с.

135. Корсун В. А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» / В. А. Корсун. // Вестник МГИМО Университета. — 2010. — № 1. — С. 221–236.

136. Корсун В. А. Идентичность «с китайской спецификой» / В. А. Корсун. // ПОЛИС. Политические исследования. — 2008. — № 3. — С. 68–79.

137. Кузнецов А. М. «Незападные» школы международных отношений: углубление фрагментации или выход из кризиса теории? / А. М. Кузнецов, А. И. Козинец. // Россия в АТР: роль, интересы и приоритеты обеспечения региональной безопасности и ускоренного экономического развития. — 2016. — С. 12–46.

138. Кузьмин В. М. Становление политической лимологии и ее место в системе наук о границах и функционировании приграничных территорий / В. М. Кузьмин. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2009. — № 3. — С. 105–115.

139. Кузьмин Э. Л. О государственном суверенитете в современном мире / Э. Л. Кузьмин. // Журнал российского права. — 2006. — № 3 (111). — С. 84–94.

140. Кузьмин Э. Л. Природа государственного суверенитета / Э. Л. Кузьмин. // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 10. — С. 10–19.

141. Кузьмин Э. Л. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете / Э. Л. Кузьмин. — Москва : Международные отношения, 2018. — 373 с.

142. Кулаков А. В. Геополитические факторы и пограничная политика государства : монография / А. В. Кулаков. — Москва : Нац. Ин-т бизнеса, 2004. — 146 с.

143. Кулаков А. В. Геополитические факторы: понятие и содержание / А. В. Кулаков. // Геополитические факторы: понятие и содержание. — 2012. — № 1. — С. 120–127.

144. Кулаков А. В. Система геополитических факторов и ее влияние на пограничную политику Российской Федерации / А. В. Кулаков. — Москва : Академия ФПС России, 2000. — 146 с.

145. Ларин В. Л. Глобальный Китай: возрождение Срединной империи или борьба за выживание? / В. Л. Ларин. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2020. — № 4 (93). — С. 47-67.

146. Ларин В. Л. Морское пространство Северной Пацифики как сфера российско-китайского взаимодействия в XXI веке / В. Л. Ларин, А. Б. Волынчук. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. — 2018. — № 18. — С. 10-35.

147. Ларин В. Л. Северо-Восточная Азия в контексте глобальных интересов и политики Китая в «новую эпоху» / В. Л. Ларин. // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — № 6. — С. 114-122.

148. Ларин В. Л. Становление Китая как великой морской державы / В. Л. Ларин, С. К. Песцов. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — № 3. — С. 27-46.

149. Лексютина Я. В. Дуализм современной политики Китая в Юго-Восточной Азии / Я. В. Лексютина. // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2015. — № 4. — С. 35–45.

150. Лексютина Я. В. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США / Я. В. Лексютина. // Проблемы Дальнего Востока. — 2011. — № 5. — С. 30–41.

151. Лексютина Я. В. Противоречия между США и КНР в районе Южно-Китайского моря / Я. В. Лексютина. // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2011. — № 8. — С. 16–29.

152. Локшин Г. М. Кодекс поведения в Южно-Китайском море (СОС)-иллюзия или отвлекающий маневр? / Г. М. Локшин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2017. — № 34. — С. 40–60.
153. Локшин Г. М. Международный арбитраж в Гааге: выводы и значени / Г. М. Локшин. // Вьетнамские исследования. — 2017. — № 7. — С. 142–160.
154. Локшин Г. М. Правовой спор в Южно-Китайском море: третий раунд / Г. М. Локшин. // Вьетнамские исследования. — 2020. — № 2. — С. 5–17.
155. Локшин Г. М. Филиппины против Китая в Гаагском арбитраже / Г. М. Локшин. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2015. — № 28. — С. 126–133.
156. Локшин Г. М. Южно-Китайское море: острова раздора / Г. М. Локшин. // Азия и Африка сегодня. — 2015. — № 9. — С. 2–8.
157. Локшин Г. М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия / Г. М. Локшин. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2013. — 239 с.
158. Локшин Г. М. Сообщество АСЕАН в современном мире / Г. М. Локшин, Е. В. Кобелев, В. М. Мазырин. — Москва : ФОРУМ, 2019. — 292 с.
159. Ломанов А. В. Внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК //Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2022. — Т. 27. — №. 27. — С. 25–41.
160. Ломанов А. В. Новые концепции китайской внешней политики / А. В. Ломанов. // Азия и Африка сегодня. — 2017. — № 12. — С. 8-18.
161. Лузянин С. Г. Китай и XVIII съезд КПК / С. Г. Лузянин. // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. — 2013. — № 1 (276). — С. 54–60.

162. Лузянин С. Г. Россия - Китай: формирование обновленного мира. / С. Г. Лузянин. — Москва : Весь Мир, 2018. — 323 с.

163. Лузянин С. Г. ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии / С. Г. Лузянин. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2016. — № Т. 21. — №. 21. — С. 78–84.

164. Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Маккиндер. // Полис. Политические исследования. . — 1995. — № 4. — С. 162–169.

165. Малетин Н. П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: монография. / Н. П. Малетин. — Москва : МГИМО-Ун-т, 2007. — 310 с.

166. Мосяков Д. В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии / Д. В. Мосяков. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2010. — № 14. — С. 5–22.

167. Мосяков Д. В. Большая «игра» в Юго-Восточной Азии / Д. В. Мосяков. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2009. — № 13. — С. 5–11.

168. Мосяков Д. В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему / Д. В. Мосяков. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2012. — 218 с.

169. Мосяков Д. В. Ситуация в Южно-Китайском море после вердикта международного арбитражного суда в Гааге / Д. В. Мосяков, Е. М. Астафьева. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. — № 32. — С. 204-212.

170. Мосяков Д. В. Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства / Д. В. Мосяков. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. — № 33. — С. 5–9.

171. Мосяков Д. В. Экспертный круглый стол «Конфликт в Южно-Китайском море: современные вызовы и угрозы» / Д. В. Мосяков, Т. И.

Понька, М. А. Шпаковская. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2020. — № 2 (47). — С. 243–250.

172. Мусихин Г. И. Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» (Сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) / Г. И. Мусихин. // Общественные науки и современность. — 2009. — № 3. — С. 64–74.

173. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660—1783 / А. Т. Мэхэн. — Москва : Издательство АСТ, 2002. — 634 с.

174. Мясников В. С. Границы Китая: история формирования : монография / В. С. Мясников, Е. Д. Степанов, А. А. Бокщанин. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 469 с.

175. Мясников В. С. Квадратура китайского круга: избранные статьи / В. С. Мясников. — Москва : Восточная лит., 2006. — 624 с.

176. Мясников В. С. Китай – катящийся камень / В. С. Мясников. — Москва : Наука, 2018. — 470 с.

177. Нархова Е. И. Аналитический обзор вьетнамской литературы по проблематике Южно-Китайского моря / Е. И. Нархова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2017. — № 37. — С. 121–131.

178. Нархова Е. И. Влияние территориальных споров в Южно-Китайском море на вьетнамо-китайские отношения: специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Нархова Е. И. ; ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». — Москва, 2020. — 193 с.

179. Нархова Е. И. Вьетнамо-китайские отношения через призму теории асимметрии / Е. И. Нархова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2019. — № 3 (44). — С. 136–144.

180. Нархова Е. И. Разработка энергоресурсов Южно-Китайского моря в современной политике СРВ / Е. И. Нархова. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2019. — № 4 (45). — С. 135–142.
181. Неймарк М. А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 / М. А. Неймарк. // Научно-аналитический журнал обозреватель-Observer. — 2016. — № 1 (312). — С. 31–42.
182. Неймарк М. А. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике (часть 2) / М. А. Неймарк. // Научно-аналитический журнал обозреватель-Observer. — 2016. — № 2 (313). — С. 67–77.
183. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. — Москва : Алгоритм, 2004. — 640 с.
184. Паршин П. Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий / П. Б. Паршин. — Москва : МГИМО, 2020. — 285 с.
185. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации / Н. Б. Пастухова. // Журнал российского права. — 2006. — № 5. — С. 130–141.
186. Пастухова Н. Б. Суверенитет: историческое прошлое и настоящее / Н. Б. Пастухова. // Вопросы истории. — 2007. — № 8. — С. 92–100.
187. Пашенцев Е. Н. Паблик рилейшнз: от бизнеса до политики. / Е. Н. Пашенцев. — Москва : Финпресс, 2000. — 230 с.
188. Пашенцев Е. Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке / Е. Н. Пашенцев. // Латинская Америка. — 2012. — № 9. — С. 31–38.
189. Песцов С. К. Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс-один путь» / С. К. Песцов. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2017. — № Т. 22. — С. 55-164.

190. Песцов С. К. Регионализм в интерпретации Китая: Эволюция теоретических взглядов и практической политики / С. К. Песцов // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. — 2018. — № 18. — С. 36-64.

191. Понька Т. И. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море / Т. И. Понька, А. С. Бельченко, А. А. Трусова. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2017. — № 3. — С. 518–529.

192. Понька Т. И. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация / Т. И. Понька, М. С. Рамич, У. Юйяо. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — № 2. — С. 382–394.

193. Портяков В. Я. «Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация» / В. Я. Портяков.// Проблемы Дальнего Востока. — 2012. — № 5. — С. 14–27.

194. Портяков В. Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / В. Я. Портяков. — Москва : ИДВ РАН, 2015. — 278 с.

195. Портяков В. Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы / В. Я. Портяков. — Москва : ИДВ РАН, 2013. — 238 с.

196. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / А. В. Лукин, А. И. Денисов, Е. П. Бажанов [и др.]. — Москва : Весь Мир, 2013. — 704 с.

197. Румянцев Е. Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина / Е. Н. Румянцев. — Москва : Синосфера, 2016. — 589 с.

198. Румянцев Е. Н. О внешнеполитической пропаганде и «мягкой силе» Китая / Е. Н. Румянцев. // Политические процессы в условиях смены экономической модели. — 2016. — № . — С. 116–139.
199. Румянцев Е. Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей Коммунистической партии Китая / Е. Н. Румянцев. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 47–64.
200. Сергунин А. А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений / А. А. Сергунин. // *Via in tempore*. История. Политология. — 2010. — № 19 (90). — С. 231-236.
201. Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта / А. А. Сергунин. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2010. — № 5. — С. 5–21.
202. Степанов Е. Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949–1984) / Е. Д. Степанов. — Москва : ИДВ Академия наук СССР, 1986. — 39 с.
203. Степанов Е. Д. Политика начинается с границы : Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. / Е. Д. Степанов. — Москва : ИДВ РАН, 2007. — 244 с.
204. Степанов Е. Д. Экспансия Китая на море / Е. Д. Степанов. — Москва : Междунар. Отношения, 1980. — 158 с.
205. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов / Л. В. Терентьева. // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 1. — С. 187–200.
206. Терентьева Л. В. Соотношение понятий «юрисдикция» и «суверенитет» / Л. В. Терентьева. // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. — 2016. — № 12 (28). — С. 126–133.
207. Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России / С. Л. Тихвинский. — Москва : ИДВ РАН, 2008. — 244 с.

208. Торкунов А. В. Современные международные отношения / А. В. Торкунов, А. В. Мальгин. — Москва : Aspekt Press, 2019. — 672 с.
209. Третьяков К. Н. Правовые основы морской политики Китая / К. Н. Третьяков. // Московский журнал международного права. — 2012. — № 3. — С. 77–107.
210. Тынянова О. Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации / О. Н. Тынянова. // Век глобализации. — 2010. — № 1. — С. 89–105.
211. Тынянова О. Н. Организация пограничного пространства современного Российского государства как фактор устойчивости в геополитических процессах : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Тынянова О. Н. ; Пограничная акад. ФСБ РФ. — Москва, 2008. — 394 с.
212. Тынянова О. Н. Пограничная политика государства в поствестфальскую эпоху: сущность, смыслы, проблемы практики и теории / О. Н. Тынянова. // Ценности и смыслы. — 2010. — № 5 (8). — С. 109–126.
213. Феофанов К. А. Цивилизационные детерминанты права: коммуникативные технологии на службе политических режимов / К. А. Феофанов. // Социально-гуманитарные знания. — 2009. — № 5. — С. 79–94.
214. Филиппов А. Ф. Суверенитет : сборник / сост. Н. В. Граджа. — Москва : Европа, 2006. — 304 с.
215. Хаусхофер К. Теория «жизненного пространства» / К. Хаусхофер, Ф. Ратцель. — Москва : Litres, 2006. — 250 с.
216. Цветов П. Ю. Вероятность войны за острова в Южно-Китайском море: факторы «за» и «против» / П. Ю. Цветов. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2013. — № 21. — С. 36–42.

217. Цветов П. Ю. Внешнеполитические приоритеты государств-членов АСЕАН в XXI веке / П. Ю. Цветов. // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. — С. 198–220.

218. Цветов П. Ю. Горячие точки Азиатско-Тихоокеанского региона и перспективы их урегулирования в 2021 году / П. Ю. Цветов. // Актуальные проблемы международных отношений и международного права. — 2021. — № . — С. 155-160.

219. Цветов П. Ю. НАТО рвется в Южно-Китайское море / П. Ю. Цветов. // Азия и Африка сегодня. — 2021. — № 6. — С. 14-19.

220. Цымбурский В. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Цымбурский. // Космополис. — 2006. — № 2. — С. 26–55.

221. Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства (Предисловие МВ Ильина) / Р. Челлен. // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 2. — С. 115–126.

222. Черниченко С. В. Делим ли государственный суверенитет? / С. В. Черниченко. // Евразийский юридический журнал. — 2010. — № 12. — С. 25–31.

223. Черниченко С. В. Субъективные границы международного права, суверенитет и юрисдикция государств / С. В. Черниченко. // Российский ежегодник международного права. — 1992. — № Т. 1989. . — С. 19–35.

224. Шпаковская М. А. Некоторые итоги председательства Вьетнама в АСЕАН в 2020 г. / М. А. Шпаковская, Н. Б. Чи. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2021. — № 3 (52). — С. 164–176.

225. Шумов В. В. Введение в методологию погранологии и погранометрики / В. В. Шумов. — Москва : URSS, 2013. — 195 с.

226. Шумов В. В. Научное обеспечение пограничной деятельности / В. В. Шумов, Е. С. Гирник, П. Д. Сениченков. // Вопросы безопасности. — 2021. — № 1. — С. 1–16.

227. Яковенко А. В. Глобальные вызовы современности и международные отношения / А. В. Яковенко. // Современные глобальные вызовы и национальные интересы. — 2016. — № 1. — С. 264–265.

Монографии и статьи на английском языке

228. Barnett A. D. The making of foreign policy in China: structure and process / A. D. Barnett. — Philadelphia : Routledge, 2019. — 174 с.

229. Bhatt P. Nine Dash Line: Deciphering the South China Sea Conundrum / P. Bhatt. — New Delhi : Kalpana Shukla, 2020. — 413 с

230. Blanchette J. Xi's Gamble: The Race to Consolidate Power and Stave off Disaster. [Электронный ресурс] URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-06-22/xis-gamble> (дата обращения: 27.08.2023).

231. Brown K. CEO, China: the rise of Xi Jinping / K. Brown. — London : Bloomsbury Publishing, 2016. — 288 с.

232. Brown K. China's world: What does China want? / K. Brown. — London : IB Tauris, 2017. — 472 с.

233. Brown K. Contemporary China / K. Brown. — London : Bloomsbury Publishing, 2019. — 272 с.

234. Corr A. Great Powers, Grand Strategies / A. Corr. — Annapolis : Naval Institute Press, 2018. — 556 с.

235. Dutton P. A. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea / P. A. Dutton. // Major Law and Policy Issues in the South China Sea. — New York : Routledge, 2014. — С. 57–73.

236. Dutton P. Three disputes and three objectives: China and the South China Sea // Naval War College Review. — 2011. — № 64 (4). — С. 42-67.

237. Dutton, P. A. Conceptualizing China's Maritime Gray Zone Operations / P. A. Dutton. // Maritime Gray Zone Operations. — New York : Routledge, 2022. — С. 19-34.
238. Economy E. C. The third revolution: Xi Jinping and the new Chinese state / E. C. Economy. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 360 с.
239. Economy E. C. The world according to China / E. C. Economy. — Hoboken : John Wiley & Sons, 2021. — 250 с.
240. Elleman B. A. Beijing's power and China's borders : twenty neighbors in Asia / B. A. Elleman, S. Kotkin, C. Schofield. — New York : ME Sharpe, 2015. — 392 с.
241. Erickson A. S. China goes to sea: maritime transformation in comparative historical perspective / A. S. Erickson, L. J. Goldstein, C. Lord. — Annapolis : Naval Institute Press, 2009. — 464 с.
242. Erickson A. S. Chinese Mine Warfare: A PLA Navy 'Assassin's Mace' Capability / A. S. Erickson, W. S. Murray, L. J. Goldstein. — Newport : China Maritime Studies Institute, U.S Naval War College, 2009. — 102 с.
243. Erickson A.S. Dragon tracks: emerging Chinese access points in the Indian Ocean Region / A.S. Erickson, G. Collins. — Washington, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/dragon-tracks-emerging-chinese-access-points-in-the-indian-ocean-region/> (Дата обращения: 31.08.2023).
244. Fairbank J. K. On the Ch'ing tributary system / J. K. Fairbank, S. Têng. // Harvard journal of Asiatic studies. — 1941. — Т. 6. — №. 2. — С. 135-246.
245. Fidler D. P. Introduction: Eastphalia emerging? Asia, International Law, and Global Governance / D. P. Fidler. // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2010. — № Т. 17. — №. 1. — С. 1–12.

246. Fidler D. P. Revolt against or from within the West? TWAIL, the developing world, and the future direction of international law // Chinese journal of international law. — 2003. — № 2 (1). — C. 29-76.

247. Fowler M. R. Law, Power, and the Sovereign State: The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty / M. R. Fowler, J. M. Bunck. — Pennsylvania : Penn State University Press, 1995. — 214 c.

248. Ginsburg T. Eastphalia and Asian regionalism / T. Ginsburg. // UC Davis L. Rev. — 2010. — № T. 44. — C. 859–877.

249. Ginsburg T. Eastphalia as the Perfection of Westphalia // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2010. — № 17 (1). — C. 27-45.

250. Glaser B. S. Armed Clash in the South China Sea. — New York : Council on Foreign Relations, 2012. — 11 c.

251. Glaser B. S. China's Grand Strategy in Asia / B. S. Glaser. — Center for Strategic & International Studies, 2014. — 13 c.

252. Glaser B. S. Security Dimensions of China's Relations with Southeast Asia / B. S. Glaser. — Center for Strategic & International Studies, 2022. — 15 c.

253. Goldstein A. Chinese naval strategy in the South China Sea: An abundance of noise and smoke, but little fire / A. Goldstein. // Contemporary Southeast Asia. — 2011. — № . — C. 320–347.

254. Goldstein A. Power transitions, institutions, and China's rise in East Asia: Theoretical expectations and evidence / A. Goldstein. // Journal of Strategic Studies. — 2007. — № T. 30. — №. 4-5. — C. 639–682.

255. Grossman D. Military build-up in the South China Sea / D. Grossman. // The South China Sea. — New York : Routledge, 2019. — C. 182-200.

256. Groten D. How Sentiment Matters in International Relations: China and the South China Sea Dispute / D. Groten. — Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2019. — 377 c.

257. Hawksley H. Asian Waters: The Struggle Over the South China Sea & the Strategy of Chinese Expansion / H. Hawksley. — Opladen : The Overlook Press, 2018. — 559 с.
258. Hayton B. The invention of China / B. Hayton. — New Haven : Yale University Press, 2020. — 281 с.
259. Hayton B. The modern origins of China's South China Sea claims: Maps, misunderstandings, and the maritime geobody / B. Hayton. // Modern China. — 2019. — № Т. 45. — №. 2. — С. 127-170.
260. Hayton B. The South China Sea: the struggle for power in Asia Waters: The Struggle Over the South China Sea & the Strategy of Chinese Expansion / B. Hayton. — New Haven : Yale University Press, 2014. — 320 с.
261. Heinrich K. Understanding China's Behaviour in the South China Sea A Defensive Realist Perspective / K. Heinrich. — Singapore : Springer, 2019. — 221 с.
262. Hiebert M. Under Beijing's Shadow: Southeast Asia's China Challenge. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/under-beijings-shadow-southeast-asias-china-challenge> (дата обращения: 27.08.2023).
263. Holmes J. R. China's "Caribbean" in the South China Sea / J. R. Holmes, T. Yoshihara. // SAIS Rev. Int'l Aff. — SAIS Rev. Int'l Aff 2006. — № Т. 26. — С. 79-92.
264. Jayasuriya K. K. Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance / K. K. Jayasuriya. // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 1999. — № 6. — С. 425-455.
265. Jayasuriya K. Reconstituting the global liberal order: legitimacy, regulation and security / K. Jayasuriya. — 1. — London : Routledge, 2006. — 170 с.

266. Jia B. The Nine-Dash Line in the South China Sea: History, Status, and Implications / B. Jia, Z. Gao. // *The American Journal of International Law*. — 2013. — № 107(1). — C. 98–124.
267. Kang D. C. East Asia before the West: Five centuries of trade and tribute / D. C. Kang. — New York : Columbia University Press, 2010. — 240 c.
268. Kang D. C. Hierarchy and legitimacy in international systems: The tribute system in early modern East Asia / D. C. Kang. // *Security Studies*. — 2010. — № 4. — C. 591–622.
269. Kim H. The 1992 Chinese Territorial Sea Law in the Light of the UN Convention / H. Kim. // *The International and Comparative Law Quarterly*. — 1994. — № 4. — C. 894–904.
270. Kim S. W. Eastphalia Revisited: The Potential Contribution of Eastphalia to Post-Westphalian Possibilities / S. W. Kim. // *Pacific Focus*. — 2018. — № 3. — C. 434–454.
271. Kim S. W. Eastphalia rising? Asian influence and the fate of human security / S. W. Kim, D. P. Fidler, S. Ganguly. // *World Policy Journal*. — 2009. — № 2. — C. 53–64.
272. Kou C. Xi Jinping in command: Solving the principal–agent problem in CCP–PLA relations? / C. Kou. // *The China Quarterly*. — 2017. — № 232. — C. 866–885.
273. Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy / S. D. Krasner. — Princeton : Princeton University Press, 1999. — 264 c.
274. Krasner S. D. The persistence of state sovereignty / S. D. Krasner. // *International politics and institutions in time*. — Oxford : Oxford University Press, 2017. — C. 39–58.
275. Lauterpacht E. Sovereignty – Myth or Reality // *International Affairs*. — 1997. — № 73 (1). — C. 137–150.
276. Li L. China's Policy towards the South China Sea / L. Li. — New York : Routledge, 2018. — 271 c.

277. Mitrany D. A. The Functional Theory of Politics / D. A. Mitrany. — New York : St. Martin's Press, 1975. — 294 с.
278. Ohara B. Japan and the South China Sea / B. Ohara. // The South China Sea. — New York : Routledge, 2019. — С. 108-116.
279. Ong A. Graduated sovereignty in South-East Asia / A. Ong. // Theory, culture & society. — 2000. — № 4. — С. 55-75.
280. Ong A. The Chinese axis: zoning technologies and variegated sovereignty / A. Ong. // Journal of East Asian Studies. — 2004. — № 1. — С. 69–96.
281. Poling G. B. CNOOC Pulls Back the Curtain. [Электронный ресурс] URL: <https://www.csis.org/analysis/cnooc-pulls-back-curtain> (Дата обращения: 27.08.2023).
282. Poling G. B. Pulling Back the Curtain on China's Maritime Militia / G. B. Poling. — Washington DC : Center for Strategic and International Studies, 2021. — 77 с.
283. Poling G. B. The South China Sea in Focus / G. B. Poling. — Washington DC : Center for Strategic and International Studies, 2013. — 44 с.
284. Poling, G. B. A Brittle Status Quo in the South China Sea / G. B. Poling. // Maritime Issues and Regional Order in the Indo-Pacific. — New York : Springer, 2021. — С. 1-16.
285. Qi X. Maritime geostrategy and the development of the Chinese navy in the early twenty-first century / X. Qi, A. S. Erickson, L. J. Goldstein. // Naval War College Review. — 2006. — № 4. — С. 46–67.
286. Sato K. China's maritime militia: A legal point of view //Maritime Issues. [Электронный ресурс] URL: <http://www.maritimeissues.com/politics/maritime-militia-in-east-and-south-china-seas.html> (дата обращения: 15.07.2022).
287. Shambaugh D. China and the World / D. Shambaugh. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — 416 с.

288. Shambaugh D. The China Reader: Rising Power / D. Shambaugh. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — 568 c.
289. Shambaugh D. Where Great Powers Meet: America & China in Southeast Asia / D. Shambaugh. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — 348 c.
290. Sing E. China's Maritime Security Strategy The Evolution of a Growing Sea Power / E. Sing, Y. Chan. — New York : Routledge, 2022. — 239 c.
291. Song Y. Major law and policy issues in the South China Sea: European and American perspectives / Y. Song, K. Zou. — New York : Routledge, 2016. — 326 c.
292. Spence J. D. The search for modern China / J. D. Spence. — New York : WW Norton & Company, 1990. — 912 c.
293. Turcsanyi Q. R. Chinese Assertiveness in the South China Sea Power Sources, Domestic Politics, and Reactive Foreign Policy / Turcsanyi, Q. Richard. — Cham : Springer, 2018. — 197 c.
294. Wang J. "Marching Westwards": The Rebalancing of China's Geostrategy / J. Wang. // The World in 2020 According to China. — Boston : Brill, 2014. — C. 129–136.
295. Wang Y. Evidence of China's sea boundary in the South China Sea / Y. Wang, C. Ge, X. Zou. // Acta Oceanologica Sinica. — 2017. — № 4. — C. 1–12.
296. Wu S. Disputes for Regional Cooperation and Development in the South China Sea A Chinese perspective / S. Wu. — Cambridge : Woodhead Publishing Limited, 2013. — 211 c.
297. Wu S. Maritime Security in the South China Sea / S. Wu, K. Zou. — Surrey : Ashgate, 2009. — 284 c.

298. Yang Y. E. China's strategic narratives in global governance reform under Xi Jinping / Y. E. Yang. // *Journal of Contemporary China*. — 2021. — № 128. — C. 299–313.
299. Yoshihara T. Can China defend a “core interest” in the South China Sea? / T. Yoshihara, J. R. Holmes. // *The Washington Quarterly*. — 2011. — № 2. — C. 45–59.
300. Yoshihara T. China's vision of its seascape: the first island chain and Chinese seapower / T. Yoshihara. // *Asian Politics & Policy*. — 2012. — № 3. — C. 293–314.
301. Yoshihara T. Responding to China's rising sea power / T. Yoshihara, J. R. Holmes. // *Orbis*. — 2017. — № 1. — C. 91–100.
302. Zhang F. Assessing China's response to the South China Sea arbitration ruling / F. Zhang. // *Australian Journal of International Affairs*. — 2017. — № 4. — C. 440–459.
303. Zhang F. China's long march at sea: Explaining Beijing's South China Sea strategy, 2009–2016 / F. Zhang. // *The Pacific Review*. — 2020. — № 5. — C. 757–787.
304. Zhang F. Chinese thinking on the South China Sea and the future of regional security / F. Zhang. // *Political Science Quarterly*. — 2017. — № 3. — C. 435–466.
305. Zhang Y. The tributary system as international society in theory and practice / Y. Zhang, B. Buzan. // *Chinese Journal of International Politics*. — 2012. — № 5. — № 1. — C. 3–36.
306. Zhang Y. The tributary system as international society in theory and practice / Y. Zhang, B. Buzan. // *Chinese Journal of International Politics*. — 2012. — № 1. — C. 3–36.
307. Zou K. The Chinese Traditional Maritime Boundary Line in the South China Sea and Its Legal Consequences for the Resolution of the Dispute

over the Spratly Islands / K. Zou. // The International Journal of Marine and Coastal Law. — 1999. — № 14(1). — С. 27–55.

308. Zou K. Routledge Handbook of the South China Sea / K. Zou. — New York : Routledge, 2021. — 541 с.

Материалы СМИ и аналитических центров на английском языке

309. By Air, Land, And Sea: China's Maritime Power Projection Network. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/power-projection-network/> (дата обращения: 15.07.2023).

310. China's officials play the rise of the East and the decline of the West" // South China Morning Post. [Электронный ресурс] URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3124752/chinas-officials-play-rise-east-decline-west> (дата обращения: 12.02.2022).

311. President Hu Jintao Receives Joint Interview of Chinese and Foreign Media. [Электронный ресурс] URL: http://tl.china-embassy.gov.cn/eng/xwdt/200906/t20090624_1112691.htm (дата обращения: 12.08.2022).

312. The 19th China-ASEAN Summit Adopts Guidelines for Hotline Communications among Senior Officials of the Ministries of Foreign Affairs of China and ASEAN Member States in Response to Maritime Emergencies. [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/2016zt/LKQCXDYHZZLDRXLHYBDLWJXZSFW/201609/t20160912_704176.html (дата обращения: 07.09.2023).

313. The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies. Chinese Power Projection Capabilities in the South China Sea. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/chinese-power-projection/> (дата обращения: 07.09.2023).

314. The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies. China Island Tracker, Spratly Islands.

[Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/island-tracker/china/#Spratly%20islandsg> (дата обращения: 07.09.2021).

Монографии и статьи на китайском языке

315. 郭渊. 民国时期的南海地缘环境与我国对南海诸岛主权的维护 = 戈 Юань. Геополитическая среда Южно-Китайского моря в период Республики Китай и защита суверенитета Китая над островами Южно-Китайского моря // 中州学刊. — 2009. — № 6. — С. 190-194.

316. 杜德斌, 范斐, 马亚华. 南海主权争端的战略态势及中国的应对方略 = Ду Дэбинь, Фань Фэй, Ма Яхуа. Стратегическая обстановка споров о суверенитете в Южно-Китайском море и стратегия реагирования Китая // Исследования мировой географии // 世界地理研究. — 2012. — Т. 21. — № 2. — С. 1-17.

317. 任念文. “中国南海” 范畴及我国行使主权沿革考——兼论“南海断续线” 作为中国传统海疆线的历史依据 = Жэнь Нянвэнь. Категория «Южно-Китайское море» и исследование истории осуществления нашим государством суверенитета — включая обсуждение "прерывистой линии" Южно-Китайского моря как исторического обоснования для традиционных морских границ Китая // 太平洋学报. — 2013. — №. 2. — С. 85-98.

318. 李国强. 从地名演变看中国南海疆域的形成历史 = Ли Гоцянь. Историческое формирование территорий Китая в Южно-Китайском море через эволюцию топонимов // 中国边疆史地研究. — 2011. — №. 4. — С. 50-59.

319. 李国强. 关于南海问题的若干理论思考 = Ли Гоцянь. Некоторые теоретические размышления о проблеме Южного Китая: диссертация. — 2012.

320. 李金明. 21 世纪南海主权研究的新动向 = Ли Цзиньмин. Новые тенденции в исследованиях суверенитета Южно-Китайского моря в 21 веке // 南洋问题研究. — 2001. — Т. 1. — С. 80-96.
321. 李庆功 et al. 中国南海安全的战略思考 = 李 Цингун и др. Стратегические размышления о безопасности Китая в Южно-Китайском море // 科学决策. — 2014. — № 11. — С. 1-51.
322. 李扬 et al. 中国主权资产负债表及其风险评估 (上) = 李 Ян и др. Баланс активов и обязательств суверенитета Китая и его оценка рисков (часть 1) // 经济研究. — 2012. — Т. 6. — С. 4-19.
323. 刘青建. 国家主权理论探析 = Лю Цинцзянь, Анализ теории государственного суверенитета // 中国人民大学学报. — 2004. — №. 6. — С. 100-105.
324. 马小军. 领土主权理论与中国主权领土安全 (上) = Ма Сяоцзюнь. Теория территориального суверенитета и безопасность суверенной территории Китая (часть 1) // 新远见. — 2010. — №. 1. — С. 20-29.
325. 孙宏安. 浅析船舶自动识别系统在圈围工程中的监理控制 = Сунь Хунань. Краткий анализ контроля и надзора за автоматической идентификационной системой судов в рамках ограждающих работ // 南通航运职业技术学院学报. — 2018. — Т. 17. — № 2. — С. 70-73.
326. 黄嘉树, 王英津. 主权构成: 对主权理论的再认识 = Хуан Цзяншу, Ван Инцзинь. Составление суверенитета: к переосмыслению теории суверенитета // 太平洋学报. — 2002. — № 4. — С. 3-15.
327. 贾宇. 中国在南海的历史性权利 = Цзя Юй. Исторические права Китая в Южно-Китайском море // 中国法学. — 2015. — № 3. — С. 179-203.

328. 贾宇. 南海问题的国际法理 = Цзя Юй. Международно-правовые аспекты проблемы Южного Китая // 中国法学. — 2012. — № 6. — С. 26–35.

329. 张文木. 南海外交乱局背后隐藏危机 = Чжан Вэньму. Скрытый кризис за дипломатическим хаосом в Южно-Китайском море // 环球军事. — 2012. — №. 3. — С. 22-23.

330. 张文木. 从整体上把握中国海洋安全——“海上丝绸之路”西太平洋航线的安全保障, 关键环节与力量配置 = Чжан Вэньму. Всестороннее понимание морской безопасности Китая — безопасность западно-тихоокеанского маршрута «Морского шелкового пути», ключевые звенья и распределение сил // 当代亚太. — 2015. — №. 5. — С. 88-106.

331. 张文木. 从“三海一体”的角度整体把握中国海洋安全环境 = Чжан Вэньму. Общее понимание условий морской безопасности Китая с точки зрения «Трех морей в одной системе» // 太平洋学报. — 2016. — Т. 24. — №. 7. — С. 54-57.

332. 张根福, 魏斌. 习近平海洋强国战略思想探析 = Чжан Гэнфу, Вэй Бинь. Анализ стратегической мысли Си Цзиньпина о морской мощи // 思想理论教育导刊. — 2018. — № 5. — С. 33–39.

333. 张召忠. 要从历史, 法律和现实的角度研究南海问题——张召忠新著《走向深蓝》访谈录 = Чжан Жаочжун. Необходимо изучать проблему Южного Китая с точки зрения истории, права и реальности — Записи интервью с Чжан Жаочжуном, автором новой книги «К глубокому синему [морю]» // 军营文化天地. — 2012. — № 4. — С. 30–31.

334. 张献蕾. 习近平海洋强国战略研究 = Чжан Сяньлэй. Исследование морской энергетической стратегии Си Цзиньпина // 河北大学, 2020.

335. 赵焕庭, 王丽荣, 袁家义 中国南海诸岛主权维护与回归 —— 纪念中国政府收复南海诸岛 70 周年 (1) = Чжао Хуантин, Ван Лиэн, Юань Цзяи. Защита и возвращение суверенитета над островами Южно-Китайского моря в Китае: воспоминания о 70-летию освобождения Китайским правительством островов Южно-Китайского моря (часть 1) // 热带地理. — 2017. — Т. 37. — №. 5. — С. 634–648.

336. 陈星森. 中国海事局印发《国内航行船舶船载电子海图系统和自动识别系统设备管理规定》 = Чэнь Синсэнь. Морская администрация Китая выпустила «Положения об управлении оборудованием для систем электронных морских карт и автоматической идентификации на судах внутреннего плавания» //中国海事. — 2011. — № 7. — С. 75–75.

337. 邵建平, 李晨阳. 东盟国家处理海域争端的方式及其对解决南海主权争端的启示 = Шао Цзяньпин, Ли Чэньян. Методы стран АСЕАН в решении морских споров и их значение для разрешения споров о суверенитете в Южно-Китайском море //当代亚太. — 2010. — Т. 4. — С. 143–156.

338. 俞可平. 论全球化与国家主权 = Юй Кэпин. О глобализации и государственном суверенитете [Электронный ресурс] URL: http://qqhyjs.cupl.edu.cn/__local/8/AD/E9/42A88245B4A0E51A2835EDEFFFD_39AB3CAF_B83A6.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

339. 俞可平. 中国治理变迁 30 年 (1978—2008) = Юй Кэпин. Изменения в управлении Китаем за 30 лет (1978-2008 гг.). //吉林大学社会科学学报. — 2008. — Т. 48. — №. 3. — С. 5-17.

340. 俞可平. 推进国家治理体系和治理能力现代化 = Юй Кэпин. Содействие модернизации национальной системы управления и возможностей управления. //理论参考. — 2014. — №. 2. — С. 5-8.

341. 余敏友. 以新主权观迎接新世纪的国际法学 = Юй Минью. Встречаем новый век международного права с новым взглядом на суверенитет //法学评论. — 2000. — №. 2. — С. 64–72.

342. 余萧枫, 贾亚君. 论国家主权的当代发展与理性选择 = Юй Сяофэн, Цзя Яцзюнь. О современном развитии и рациональном выборе государственного суверенитета //浙江大学学报: 人文社会科学版. — 2001. — Т. 31. — №. 2. — С. 35–42.

343. 鞠海龙. 近代中国的南海维权与中国南海的历史性权利 = Юй Хайлун. Защита прав в Южно-Китайском море современным Китаем и исторические права Китая на Южно-Китайское море //中州学刊. — 2010. — Т. 2. — С. 198–202.

344. 俞正梁. 发展中国家在主权问题上的当代选择——中国对外战略问题思考之一 = Юй Чжэнлянь. Современный выбор развивающихся стран в вопросах суверенитета: размышления о внешней стратегии Китая //复旦学报: 社会科学版. — 1998. — №. 1. — С. 33–35.

Материалы СМИ и аналитических центров на китайском языке

345. 中国海警局亮剑 = Береговая охрана Китая показывает меч. [Электронный ресурс] URL: http://paper.people.com.cn/rmwz/html/2013-09/01/content_1307445.htm (дата обращения: 15.07.2023).

346. 《岛夷志略》汪大渊（元朝）= Ван Даюань, (династия Юань). «Дао И Чжи Люэ». [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/18/c_53169.html (дата обращения: 20.09.2021).

347. 王毅: 以«双轨思路»处理南海问题 = Ван И: использовать «двойной подход» для решения проблемы Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/world/2014-08/09/c_1112007229.htm (дата обращения: 07.09.2023).

348. 三沙市推动军警民联防机制 构建三线海上维权格局 = Город Санша продвигает совместный механизм защиты между военными, полицией и гражданскими лицами для создания трехлинейной схемы защиты морских прав. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinanews.com/gn/2014/11-21/6803776.shtml> (дата обращения: 28.04.2023).

349. 龚迎春: 《联合国海洋法公约》框架下争端解决程序的适用 = Гун Инчунь. Применение процедур разрешения споров в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву: предпосылки, условия, ограничения и исключения. [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinalaw.org.cn/portal/article/index/id/20573/cid/243.html> (дата обращения: 27.07.2022).

350. 《更路簿》明清时期 = «Гэн Лу Бу» династий Мин и Цин. China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/18/c_53174.html. (дата обращения: 20.09.2021).

351. 古代文献是如何记载中国最早并持续开发利用南海诸岛及相关海域的? = Как древние документы свидетельствуют о самом раннем и продолжающемся освоении и использовании Китаем островов Южно-Китайского моря и связанных с ними вод? [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2019-07-22/68111.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).

352. 单之蔷: 事关主权的重大地理学发现: 南海“断续线”划分的依据是地形 = Шань Чжицян: Крупное географическое открытие, связанное с суверенитетом: «пунктирная линия» в Южно-Китайском море разделена по топографии. [Электронный ресурс] URL: <https://nanhai.nju.edu.cn/64/8d/c5318a156813/page.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

353. 李克强：坚持 «双轨思路»处理南海问题 = Ли Кэцян: придерживаться «двойного подхода» к решению проблемы Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL:https://www.gov.cn/guowuyuan/2014-11/13/content_2777920.htm (дата обращения: 07.09.2023).

354. 外交部：中国在南海历史性权利受国际法保护 = Министерство иностранных дел: Китай обладает историческими правами в Южном море, которые защищены международным правом. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-07/06/content_5088941.htm (дата обращения: 22.05.2021).

355. 不接受、不参与才是真正践行国际法——菲律宾南海仲裁案闹剧系列评论 = Непринятие и неучастие – истинная практика международного права – серия комментариев по поводу фарса арбитражного дела о Филиппинском Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-12/18/content_5025690.htm (дата обращения: 27.07.2022).

356. 携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动 = Объединить усилия, чтобы построить сообщество единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202309/t20230926_11150108.shtml (дата обращения: 03.04.2022).

357. 三沙民兵巡南海：24 小时全天执勤，365 天全年无休 = Ополчение Саньша патрулирует Южно-Китайское море: дежурит 24 часа в сутки, 365 дней в году. [Электронный ресурс] URL: http://www.81.cn/2016xsjx/2016-04/10/content_6998913.htm (дата обращения: 28.04.2023).

358. 关于中国在南海的领土主权和海洋权益中国政府严正声明 = О территориальном суверенитете, морских правах и интересах Китая в

Южно-Китайском море Китайское правительство торжественно заявляет. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-07/12/content_5090628.htm (дата обращения: 21.10.2021).

359. «搁置争议，共同开发» = «Отложим споры и развиваемся вместе». [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/20011/t20001107_10250989.shtml (дата обращения: 04.09.2021).

360. 1717 年清朝官方绘制的南海地图 = Официальная карта Южно-Китайского моря, составленная династией Цин в 1717 г. [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2018-09-12/42687.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).

361. 海警队伍转隶武警部队没有改变其基本任务属性 = Переход Береговой охраны в состав Вооруженных полицейских сил не изменил ее основных характеристик. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfy/rcfb/4818497.html> (дата обращения: 07.09.2021).

362. 感受 70 载辉煌发展成就 唱响中国 - 东盟美好未来 = Почувствуйте славные достижения развития за последние 70 лет и пойте о светлом будущем Китая и АСЕАН. [Электронный ресурс] URL: http://asean.china-mission.gov.cn/stxw/201910/t20191025_8849155.htm (дата обращения: 03.10.2023).

363. 从国际法看中国在南海的权利 = Права Китая в Южно-Китайском море с точки зрения международного права. [Электронный ресурс] URL: <https://news.12371.cn/2014/07/07/ARTI1404689042465147.shtml> (дата обращения: 27.07.2022).

364. 南海问题的由来 = Происхождение проблемы Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL:

https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001122_7949769.shtml (дата обращения: 20.09.2021).

365. 国务院批准 三沙市设立市辖区 = Саньшаши получили одобрение Госсовета для установления городской юрисдикции. [Электронный ресурс] URL: <https://news.sina.cn/gn/2020-04-18/detail-iircuuyh8544571.d.html> (дата обращения: 22.05.2021).

366. 习近平：进一步关心海洋认识海洋经略海洋 推动海洋强国建设不断取得新成就 = Си Цзиньпин: уделять внимание океану, познавать океан, осваивать океан — способствовать строительству великой морской державы и добиваться новых успехов. [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2013-07/31/c_116762285.htm (дата обращения: 02.09.2022).

367. 解码王毅外长的南海问题 «五个坚持» = Расшифровывая «Пять настойчивостей» министра иностранных дел Ван И по вопросу Южно-Китайского моря. [Электронный ресурс] URL: http://iwer.cssn.cn/xscg/xscg_sp/201508/t20150826_2136685.shtml (дата обращения: 07.09.2023).

368. 中国对南沙群岛的主权得到国际上的承认 = Суверенитет Китая над островами Наньша получил международное признание. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/200011/t20001122_9868836.shtml (дата обращения: 20.09.2021).

369. 《琼台志》唐胄（明朝）= Тан Чжоу (династия Мин). «Хроники Цюнтай». China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/18/c_53168.html (дата обращения: 30.08.2022).

370. 民国时期对南海诸岛及其海域的管理（1911-1949）= Управление островами Южно-Китайского моря и их морскими

территориями во времена Китайской Республики (1911–1949 гг.). [Электронный ресурс] URL: <https://hyda.nmdis.org.cn/c/2018-09-12/42688.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).

371. 加强民兵党组织预建 = Усилить предварительное строительство ополченских партийных организаций. [Электронный ресурс] URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2023-03/20/content_335879.htm (дата обращения: 28.04.2023).

372. 《武经总要》曾公亮（北宋）= Цзэн Гунлянь, (династия Северная Сун). «У цзин цзуняо». China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/15/c_53075.html (дата обращения: 30.08.2022).

373. 《异物志》杨孚（东汉）= Ян Фу (династия Восточная Хань). (б.д.). «Описание необычных вещей». China Nanhai. [Электронный ресурс] URL: https://www.thesouthchinasea.org.cn/2016-07/15/c_53073.html (дата обращения: 30.08.2022).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Карта 1. Официальная государственная карта Китайской Народной Республики⁵⁵⁰

Согласно официальному закону КНР, географические карты, выпущенные и публикуемые на территории страны, обязательно должны включать акваторию Южно-Китайского моря и находящиеся в ней острова.

中华人民共和国

审图号: GS(2019)1818号

自然资源部 监制

⁵⁵⁰ 中华人民共和国版图 来源: 自然资源部网站 = Территория Китайской Народной Республики
Источник: сайт Минприроды. [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/guoqing/2017-07/28/content_5043915.htm (дата обращения: 15.08.2023).

Приложение 2. Карта 2. Притязания стран-участниц территориальных споров в ЮКМ⁵⁵¹

⁵⁵¹ Asia Maritime Transparency Initiative, CSIS. [Электронный ресурс] URL: <https://amti.csis.org/maritime-claims-map/> (дата обращения: 15.08.2023).

Приложение 3. Карта 3. Топография морского дна в Южно-Китайском море⁵⁵²

На карте представлены данные о рельефе морского дна Южно-Китайского моря, которые, предположительно, послужили основой для определения 11-пунктирной линии Китайской Республикой в 1947 г.

⁵⁵² 单之蔷：事关主权的重大地理学发现：南海“断续线”划分的依据是地形 = Шань Чжицян: Крупное географическое открытие, связанное с суверенитетом: «пунктирная линия» в Южно-Китайском море разделена на основе топографии. [Электронный ресурс] URL: <https://nanhai.nju.edu.cn/64/8d/c5318a156813/page.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

**Приложение 5. Спутниковые снимки острова Вуди в ЮКМ от декабря
2012 г. и июня 2022⁵⁵³**

⁵⁵³ Asia Maritime Transparency Initiative, CSIS, Island Tracker: China, Woody Island. [Электронный ресурс]
URL: <https://amti.csis.org/woody-island/> (дата обращения: 15.08.2023).